T 64
748

2007099113

Чѣмяевъ, И.

Брошюра въ 83 стр.

РѢДКАЯ.

VII 22.

Т. 64/748

1 С

4174

Библиотека О-ва Л. Е., А. и Э. и Политехнич. Музея

64
748
801-86
9586-4
Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина
42125-40

О

ПОЗЕМЕЛЬНОМЪ ВЛАДѢНІИ

БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи и Государственнаго Российскаго Политехническаго Музея
Время поступ. 9 февр. 1924
Инвент. № 97403
Шифр

въ

МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

(Вмѣсто предисловія къ переписной Новгородской книгѣ 1500 года.)

Такъ какъ въ настоящемъ изслѣдованіи главная цѣль состоитъ въ томъ, чтобы сколько нибудь указать, какимъ образомъ правильнѣе понимать издаваемую нынѣ переписную Новгородскую книгу 1500 года; то посему вопросъ о поземельномъ владѣніи на Руси здѣсь долженъ ограничиваться преимущественно временемъ ближайшимъ къ составленію помянутой переписной книги, впрочемъ мы неотрицаемся смотря по надобности прослѣдить этотъ вопросъ во времена предшествовавшія и послѣдующія, сколько это будетъ нужно для достиженія главной цѣли. А поелику болѣе подробныя свѣдѣнія о настоящемъ предметѣ находятся въ исторіи Московскаго Государства, памятниковъ которой дошло до насъ болѣе; и притомъ издаваемая нынѣ переписная книга составлена была уже по правиламъ Московской администраціи, съ сохраненіемъ только необходимыхъ по мѣстности, Новгородскихъ формъ; то и наше изслѣдованіе по необходимости должно быть обращено болѣе на поземельное владѣніе въ Московскомъ Государствѣ.

Вся земля въ Московскомъ Государствѣ и въ другихъ краяхъ Руси въ отношеніи къ владѣнію раздѣлялась: на землю составлявшую частную собственность Князя, на землю принадлежавшую городскимъ и сельскимъ общинамъ и наконецъ на землю состоявшую въ вотчинномъ или помѣстномъ владѣніи частныхъ лицъ. Свидѣтельствомъ сему служатъ всѣ дошедшія до насъ грамоты Московскихъ князей: такъ въ первой же грамотѣ В. К. Ивана Даниловича Калиты [1] мы находимъ рѣзкое отличіе земель принадлежащихъ Москвѣ, т. е. Московской общинѣ или Государству, отъ поземельной собственности князя; первыя онъ называетъ *волостьми*, а княжую поземельную собственность отличаетъ названіемъ *селъ*. Въ волостяхъ князь имѣлъ только право суда и дани, а земли не могъ ни продавать, ни дарить, ни очуждать какимъ бы то ни было образомъ; въ своихъ же селахъ онъ былъ полнымъ хозяиномъ, могъ ихъ продавать и мѣнять на села другихъ собственниковъ, закладывать, жаловать ими своихъ бояръ, населять ихъ своими крѣпостными людьми или вольными крестьянами, и дѣлать въ нихъ разныя хозяйственныя распоряженія. Села, составляющія собственность князя, частію можетъ быть были заняты имъ при первоначальномъ водвореніи, а частію пріобрѣтены покупкою и мѣною у частныхъ собственниковъ, или достались за вину отъ княжескихъ слугъ, на что прямо указываютъ всѣ княжескія грамоты. Такъ Калита въ своей духовной говоритъ: «а что есмь купилъ село Петровское, и Олексинское, и Павловское на Масѣ, а половину есмь смѣнилъ съ Митрополитомъ.... а сельца на Масѣ, что есмь купилъ у Аѳинѣя, то даю сыну моему Ивану» [2]; или въ духовной грамотѣ В. К. Василья Васильевича Темнаго сказано:» Да что ми дала Настасья Ѳедорова Андреевича село Мячково съ деревнями въ куплю, а держати ей за собою до своего живота; да что ми дала дочи ся Орина Олексѣева жена Игнатьевича свои села на рѣцѣ на Москвѣ въ куплю до своего живота; и тѣ села Настасьины и Оринины опослѣ ихъ живота моей княгини; а княгини моя по моимъ купчимъ грамотамъ отдастъ имъ цѣну за тѣ села по ихъ душѣ, кому они прикажутъ опослѣ своего живота «[3]. Это стара-

---

[1] Дух. В. К. Ивана Даниловича 1328 года. Собраніе Государственныхъ Грамотъ Т. I. № 21.

[2] Тамъ же.

[3] Тамъ же № 87.

ніе князей, приобрѣтать поземельную собственность покупкою, прямо показываетъ, что земля вообще принадлежала государству и не составляла частной собственности княжеской. И не только въ уѣздахъ но и въ самыхъ городахъ князья владѣли опредѣленными участками земли и, желая увеличить свою поземельную собственность, должны были пріобрѣтать ее или покупкою, или другими какими сдѣлками съ частными землевладѣльцами; на это указываетъ та же грамота Василья Васильевича Темнаго; въ ней сказано: «да даю сыну своему Юрью, чѣмъ его благословила моя мати.... Семчинскимъ селомъ у Москвы и съ дворы городскими и Самсоновымъ лугомъ, и своимъ прикупомъ селцомъ Воробьевымъ и съ Семеновскимъ з деревнями;» или далѣе говоря о князѣ Борисѣ Васильевичѣ: «Да у Москвы село Щерапово съ деревнями, да лугъ на рѣцѣ на Москвѣ подъ Крутицею, да что ему дала Марья Ѳедорова Голтаева дворъ свой внутри города на Москвѣ, пио то его и есть.» Или въ духовной грамотѣ В. К. Ивана Васильевича, писанной въ 1504 году: «Даю сыну своему Василью сельцо Воронцовское на Яузѣ, гдѣ мой дворъ з дворы городскими ... какъ было при мнѣ; да монастырь Лыщиково и зъ дворы, да Ильинскую слободку со всѣмъ потому какъ есми вымѣнилъ у Андроникова монастыря.« [4] Такимъ образомъ въ Московскомъ государствѣ князь, какъ собственникъ, владѣлъ только нѣкоторыми частями земли, это было уже сказано выше, которыя посему назывались собственно *Княжими селами* или *подклетными*, а потомъ *дворцовыми*. Но кромѣ того были земли собственно государственныя, извѣстныя подъ названіемъ *черныхъ волостей*; потомъ земли *вотчинныя*, составлявшія частную собственность или бояръ, или епископа, или монастырей и церквей; и наконецъ *помѣстныя*, которыя давались князьями служилымъ людямъ вмѣсто жалованья на время службы; эта дача помѣстій сперва производилась только изъ дворцовыхъ или княжихъ селъ и деревень, но потомъ, при большемъ развитіи княжеской власти и при слитіи княжеской дружинной службы съ службою земскою или государственною, въ помѣстья нерѣдко назначились и черныя земли особенно изъ вновь завоеванныхъ или изъ дикихъ полей. Но завоеванныя земли для того чтобы идти въ помѣстную раздачу, должны были сперва поступить въ собствен-

[4] Тамъ же.

ность князя. Такъ въ издаваемой нынѣ переписной Новгородской книгѣ постоянно земли раздаваемыя въ помѣстье называются землями Великаго Князя, напр. на стр. 37 сказано: «Въ Ильинскомъ погостѣ Великаго Князя деревни, за дѣтьми за боярскими въ помѣстьѣ.»

Различныя основанія владѣнія поземельною собственностію влекли за собою различныя отношенія владѣльцевъ и разныя права и обязанности, сопряженныя съ тѣмъ или другимъ владѣніемъ; а это различіе отношеній правъ и обязанностей имѣло если не исключительное, то по крайней мѣрѣ преимущественное и сильнѣйшее вліяніе на все послѣдующее развитіе государственнаго устройства какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ краяхъ Руси. А посему чтобы яснѣе и опредѣленнѣе рѣшить вопросъ о поземельномъ владѣніи, я считаю необходимымъ прослѣдить исторію каждаго рода поземельныхъ владѣній отдѣльно, и для большаго порядка и послѣдовательности начну съ старшаго, именно съ владѣнія черными землями, потомъ перейду къ владѣніямъ вотчиннымъ; за симъ къ княжескимъ или дворцовымъ, и наконецъ къ владѣніямъ помѣстнымъ.

Черныя земли, какъ въ Москвѣ, такъ и во многихъ другихъ городахъ Руси, составляли ту незыблемую постоянную основу, ту точку опоры, на которой созидалось и утверждалось государство; въ нихъ заключалось зерно государственной самостоятельности и благодѣтельнаго отрицанія противъ конечнаго раздробленія владѣній, котораго не могла подавить даже удѣльная система, грозившая Руси совершеннымъ разъединеніемъ. Владѣніе черными землями, сообщившее имъ такой важный государственный характеръ, какъ въ началѣ, такъ и во все продолженіе Московской исторіи, было чисто общинное; черныя земли въ полномъ смыслѣ слова были землями государственными, и частныя лица ни подъ какимъ видомъ немогли пріобрѣтать ихъ въ свою полную собственность; одни только общины могли располагать ими, но и то безъ права отчужденія; даже сами Князья или Государи Московскіе ненарушали ихъ неприкосновенности, и во всѣхъ договорахъ съ другими Князьями изключали всякое посягательство на эту неотъемлемую собственность государства. Такъ въ договорной грамотѣ В. К. Дмитрія Ивановича Донскаго съ К. Владиміромъ Андреевичемъ, писанной въ 1388 году, сказано: «А селъ ти некупити

въ моемъ удѣлѣ, ни въ великомъ княженьи, ни твоимъ дѣтемъ ни твоимъ бояромъ. А хто будетъ покупилъ земли данные служни или черныхъ людей, по отца моего животѣ по Князя Великаго Ивановѣ; а тѣ хто возможетъ выкупити, ино выкупитъ; а не возмогутъ выкупити, ино потянуть къ черным людемъ; а хто невсхочетъ тянути, ино ся земль съступятъ, а земли черным людямъ даромъ.» [5] Тоже, должно быть, говорится въ договорной грамотѣ В. К. Симеона Ивановича Гордаго съ братьями, писанной въ 1341 году: «Изъ ... хъ волостей и изъ и..... нашихъ удѣлехъ не купити, ни бояромъ твоимъ ни слугамъ безъ.....ни нашимъ бояромъ ни слугамъ селъ въ твоемъ удѣлѣ, и у численыхъ.....имѣти..... всимъ.....» [6] А въ духовной грамотѣ В. Князя Ивана Даниловича, писанной въ 1328 году, сказано о черныхъ людяхъ, гдѣ они названы численными;» а численныи люди вѣдаютъ сыновѣ мои собча, а блюдутъ вси съ одного.» [7] Здѣсь черныя земли даже не поступаютъ не только въ собственность, но и въ управительственный раздѣлъ между князьями: «*а вѣдаютъ собча, а блюдутъ съ одиного*». И нетолько въ началѣ государства, но и въ послѣдствіи при большемъ развитіи великокняжеской власти неприкосновенность черныхъ земель остается во всей своей силѣ; такъ еще В. К. Василій Васильевичь Темный въ договорной грамотѣ, писанной въ 1435 году, говоритъ: «а тобѣ въ моей вотчинѣ въ Москвѣ..... съ дворомъ человѣка тяглого не купить; а мнѣ въ твоей вотчинѣ въ Дмитровѣ человѣка тяглого съ дворомъ не купити.» [8] Таковая неприкосновенность черныхъ земель изключала ихъ отъ всякаго произвола, такъ что Государь первоначально не назначалъ ихъ даже въ пожизненное владѣніе своимъ боярамъ; и только съ В. К. Ивана Васильевича III, мы встрѣчаемъ иногда нѣкоторыя уклоненія отъ этого правила; но и то кажется только въ отношеніи къ черным землямъ завоеванныхъ владѣній, въ отношеніи къ которымъ конечно могло быть болѣе произволу. [9]

---

[5] Соб. Г. Г. и Д. Т. I. № 33.
[6] Соб. Г. Г. и Д. Т. I. № 23.
[7] Тамъ же № 22.
[8] Акты Археографической Экспедиціи Т. I № 29.
[9] Такъ В. К. Иванъ Васильевичь по завоеваніи Новгорода, нѣсколько Новгородскихъ земель раздѣлилъ Московскимъ помѣщикамъ.

Въ Новгородѣ же черныя земли и управлялись исключительно мужами Новгородскими, и Князь не могъ назначать въ правители безъ согласія посадника. Такъ въ договорной грамотѣ Новгородской съ В. К. Михаиломъ Ярославичемъ, писанной въ 1307 году прямо сказано: «А безъ посадника ти волости не раздавати, ни суда ти судити, ни грамотъ давати. А волостій ти Княже Новгородскихъ своими мужи не дьржати, дьржати ти мужи Новгородскими.» [10]

Такимъ образомъ черныя земли зависѣли отъ однихъ общинъ, князь же на нихъ имѣлъ только право суда и дани. Даже и на судѣ намѣстникъ княжескій, или волостель, или присланный княземъ судья иначе могъ производить судъ, какъ при посредствѣ судныхъ мужей, которые избирались общиною изъ лучшихъ членовъ волости, и отвѣтствовали въ правдѣ и неправдѣ не передъ княземъ, а передъ общиною, которая ихъ избрала; такъ было даже при В. К. Иванѣ Васильевичѣ III и при его сынѣ Васильѣ Ивановичѣ. [11] И только уже при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ IV волостные или общинные судные мужи были замѣнены цѣловальниками, которые хотя назначались и изъ общинныхъ людей, но носили уже болѣе оффиціальный служебный характеръ; ибо присягали на службу Государю и, избираясь не на одинъ опредѣленный случай, какъ прежніе судные мужи, [12] а на нѣсколько лѣтъ, по своимъ служебнымъ отношеніямъ, ближе были къ княжескимъ судьямъ, нежели къ своей общинѣ или волости. Относительно дани въ черныхъ волостяхъ князь только пользовался судными пошлинами, извѣстными подъ названіями присуда головщины, перваго десятка и пересуда, волостелевымъ или намѣ-

---

[10] Пол. Соб. Г. Г. и Д. Т. I, стр. 13.

[11] Въ одной разъѣздной грамотѣ 1530 года сказано: «А судные мужи въ судномъ спискѣ писаны: Соцкой Ярополцкой Якимъ Самойловъ сынъ, да Аристъ Савинъ сынъ Савиновъ, да Савастьянъ Ильинъ сынъ, да Митя Агафоновъ сынъ Валяевъ, да Семенъ Комель Васильевъ сынъ, да изъ Гороховца съ посада Иванъ Бутова Борисовъ сынъ.»

[12] Такъ на примѣръ въ двухъ разъѣзжихъ грамотахъ 7038 года Октября и Ноября мѣсяцовъ, при разъѣздѣ земель одной и той же Гороховской волости при однихъ и тѣхъ же судьяхъ Нестрикѣ Осютинѣ и Карпѣ Игнатьевѣ, судные мужи были не одни и тѣ же въ каждой грамотѣ.

стичьимъ и его служебныхъ людей кормомъ, и наконецъ собственно данью, которая собиралась княжьими даньщиками весной и осенью, и потому называлась *сѣшнею* и *осенною*, также оброками съ разныхъ угодій съ мельницъ, рыбныхъ ловель, соловаренъ, бобровыхъ гоновъ и проч., и наконецъ ямскими деньгами, выходомъ или татарщиною, запросомъ и примѣтомъ, собственно податьми, собираемыми первоначально въ пользу Татаръ, и по уничтоженіи Татарскаго ига перешедшими въ казну княжескую; всѣ же прочіе доходы, поборы и повинности взимаемыя съ черныхъ волостей принадлежали государству, а не князю: таковы были посощина, городовое дѣло, мостовщина и другія, которыя раскладывались на выти и тягла по мірскимъ разрубамъ и разметамъ по разсужденью всѣхъ волостныхъ или общинныхъ людей съобща безъ вмѣшательства со стороны князя или его намѣстниковъ и волостелей. Волостные люди съ своими старостами и соцкими, сами давали льготныя грамоты черным людямъ своей волости [13]: сами раздѣляли между собою земли, принадлежащія ихъ общинѣ, и этотъ раздѣлъ признавался законнымъ и во всѣхъ тяжбахъ былъ принимаемъ, какъ оффиціальный документъ на право владѣнія, противъ котораго не допускалось спора [14].

---

[13] Такъ въ одной отводной грамотѣ писанной въ 1529 году сказано: «И старый сотской Василей Ворошиловъ, да Семенъ да Митя и ихъ товарищи тако рекли: сказываемъ, господине, вамъ по Князя Великаго крестному цѣлованью, тотъ, господине, починокъ поставилъ Нестеръ Мелеховъ на зимницѣ на объѣзду Гороховскіе волости Раменскихъ деревень, тому два года будутъ Николинъ день вешній. А далъ, господине, ту зимницу объѣздъ на льготу на 10 лѣтъ, язъ Васюкъ Ворошиловъ, поговоря съ своею братьею и со всею волостью Гороховской.» Или тамъ же льготная грамота на селище Дубровки: «Се язъ Костянтинъ Симоцкой поговоря есми съ Фролкомъ съ сотникомъ да съ сусѣды съ волостными з Гороховскими з Дмитромъ съ Микитинымъ сыномъ, да с Ѳедкомъ съ Ворономъ, да съ Корѣмъ, да съ Родивономъ с Коротыгинымъ сыномъ, пожаловалъ есми Гаврилка з братьею с Кандрашкомъ да Степанкомъ Сенкиныхъ..... Кухмырева Дубровою на рѣчкѣ на Морткѣ, да лугомъ болоньею, да придаемъ есми имъ деревница, что у той Дубровы за рѣкою, да и со всѣмъ съ тѣмъ, что къ той Дубровѣ изстарины потягло, а далъ есми имъ льготы: на десять лѣтъ не тянуть с христіяны с волостными ни въ ямъ ни въ размѣтъ ни въ иные ни въ которые пошлины; а дана грамота лѣта 7006-го.»

[14] Въ той же отводной грамотѣ черные люди Гороховской волости

Таковой характеръ черныхъ земель Государи Московскіе старались поддерживать до совершеннаго соединенія съ Москвою всѣхъ Русскихъ владѣній. Даже въ судебникѣ Царя Ивана Васильевича IV, мы находимъ нѣкоторыя статьи, обезпечивающія неприкосновенность черныхъ волостей и признающія законность ихъ общиннаго управленія. Такъ въ статьѣ 84 Судебника отдѣлены черныя волости отъ вотчинныхъ и помѣстныхъ земель [15], и въ 72-й размѣты и податныя разкладки черныхъ людей между собою признаются законными доказательствами на судѣ относительно того, кто какимъ владѣетъ имуществомъ. [16] Впрочемъ изъ 84 статьи Судебника уже замѣтно, что черныя земли начали называться Государевыми землями; а другіе памятники древней администраціи Московскаго Государства временъ Царя Ивана Васильевича и его сына Ѳеодора указываютъ на отдачу черныхъ земель въ помѣстья, и кажется на отдѣленіе отъ нихъ извѣстнаго количества для помѣстной раздачи. Такъ въ Писцовой Новгородской книгѣ 7090 года сказано:» Государева Царева и В. Князя кормленная черная волость, погостъ Михайловской на Волховѣ, а въ немъ села и деревни и починки и пустоши были за помѣщики, а нынѣ въ кормленной волости «[17]; но не смотря на это, есть также прямое оффиціальное указаніе, что даже при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и позд-

говорятъ: «И мы господине, на томъ третьемъ полѣ, той деревни Дубровки на деревнищахъ посадили Данилка Гаврилова сына Кухмырева, гдѣ прежде того отецъ его живалъ; и Данилко на томъ мѣстѣ поставилъ себѣ починокъ, а тому два года.»

[15] «*А о земляхъ суд:* взыщетъ боярин на монастырѣ, или монастырь на бояринѣ, ино судити за три годы, а далѣ трехъ годовъ не судити; а взыщетъ черной сельской на помѣщикѣ, или помѣщикъ на черномъ на сельскомъ, ино судити. А взыщутъ на бояринѣ или на монастырѣ, Царя и В. Князя земли, ино судити за шесть лѣтъ.»

[16] «А по городомъ намѣстникомъ городскихъ посадскихъ всѣхъ людей промежъ ихъ судити, обыскивая по ихъ животомъ, по промысломъ и по розмету.... А розметныя книги старостамъ, и сотскимъ, и десятскимъ и всѣмъ людемъ тѣхъ городовъ, своихъ розметовъ земскаго діяка руку за своими руками ежегодь присылати на Москву, къ тѣмъ боярамъ.... у кого будутъ которые городы въ приказѣ; а другія книги своихъ разметовъ.... гдѣ кто живетъ отдавати тѣхъ городовъ старостамъ и цѣловальникамъ, которые у намѣстниковъ въ судѣ сидятъ.»

[17] Ар. В. Д. № 659.

нѣе помѣстья раздавались изъ дворцовыхъ селъ и деревень; какъ въ дозорныхъ Новгородскихъ книгахъ 1627 года писано:» Въ Заруской же половинѣ въ окологородьѣ Порховскомъ, что осталось на Государя Царя и В. К. Михаила Ѳеодоровича всея Русіи дворцовыхъ селъ въ погостѣхъ пустые земли за раздачею отъ былыхъ помѣщиковъ Невлянъ. «[18] Слѣдовательно неприкосновенность черныхъ земель, если иногда нарушалась, то не иначе какъ изключеніе изъ правила, вѣроятно только въ областяхъ завоеванныхъ, какъ и подтверждается вышеприведеннымъ примѣромъ Новгорода; общимъ же правиломъ было не тратить земель принадлежащихъ общинамъ или чернымъ людямъ, чего конечно требовали выгоды государства относительно доходовъ, какъ увидимъ послѣ.

Вотчинныя земли составляли частную собственность своихъ владѣльцовъ, хозяинъ вотчины могъ ее продать, заложить, промѣнять, подарить и отдать по завѣщанію; а по смерти его она переходила къ законнымъ его наслѣдникамъ изъ рода въ родъ, если онъ при жизни несдѣлалъ особеннаго на счетъ ея распоряженія.

Права собственника въ отношеніи къ вотчиннымъ владѣніямъ, за исключеніемъ немногихъ случаетъ, были неприкосновенны со стороны Государства. Государство проявляло свою власть на вотчинныя земли только въ томъ отношеніи, что признавало ихъ принадлежащими къ своей территоріи, и эту принадлежность защищало даже противъ расчетовъ вотчинника; изъ чего вытекали слѣдующія ограниченія правъ собственника: 1-е. Владѣлецъ вотчины немогъ ее ни продать, ни заложить, ни отчуждать какимъ бы то нибыло образомъ въ пользу лица, проживающаго или состоящаго на службѣ въ другомъ княжествѣ, а не въ Московскомъ; это право Московскаго государства на вотчинныя земли своей территоріи постоянно подтверждалось всѣми договорными грамотами Московскихъ Государей съ другими князьями. Такъ въ договорѣ В. К. Дмитрія Ивановича Донскаго съ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ 1388 года сказано: «а селъ ти некупити въ моемъ удѣлѣ ни въ великомъ княженіи, ни твоимъ бояромъ. [19] Тоже должно быть говорится и въ договорной грамотѣ В. К. Симеона Ивановича съ братьями писанной, въ 1831 году»..... нашихъ удѣлѣхъ

[18] Тамъ же № 669.

[19] Соб. Г. Г. и Д. Т. 1. № 33.

не купити, ни твоимъ бояромъ, ни слугамъ безъ ..... ни нашимъ бояромъ ни слугамъ селъ въ твоемъ удѣлѣ.»[20].

Тѣже правила въ отношеніи въ вотчиннымъ землямъ наблюдались и въ Новгородѣ. Такъ въ договорной Новгородской грамотѣ съ В. К. Михаиломъ Ярославичемъ сказано: «а селъ ти не ставити по Новгородской волости, ни твоей княгыни, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ дворяномъ ни купити, ни даромъ пріимати. А что селъ княже на Новгородской земли твоихъ, или княгининыхъ, или бояръ твоихъ, тѣхъ селъ тебѣ оступитися; а купы на нихъ имати у истцовъ у своихъ, укого будетъ кто купилъ; а земли Св. Софіи къ Новгороду» [21]. Тоже почти повторяется въ грамотахъ 1317, 1318, 1327, 1375 и 1426 годовъ [22]. Даже въ Договорной грамотѣ съ В. К. Иваномъ Васильевичемъ Московскимъ писанной 1471 году, еще Новгородцы ставятъ условіе:» А въ Бѣжычахъ вамъ великимъ княземъ, ни вашимъ княгинямъ ни вашимъ боярамъ, ни вашимъ слугамъ селъ не держати, ни купити, ни даромъ не приимати по всей волости Новгородской.» [23]. Впрочемъ таковое право Государства на вотчины покрайней мѣрѣ въ Москвѣ смягчалось властію князей, на волю которыхъ предоставлялось разрѣшать продажу вотчинъ лицамъ несостоящимъ на службѣ въ Московскомъ Государствѣ; а посему въ договорныхъ грамотахъ князей вездѣ говорится объ этомъ смягченіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «А тобѣ въ нашихъ удѣлѣхъ и въ вотчинѣ въ великомъ княженіи данщиковъ своихъ невсылати ни приставовъ давати, ни селъ некупити, ни твоимъ дѣтемъ ни твоимъ бояромъ безъ нашего вѣденья ни закладней ни оброчниковъ недержати.» [24] 2-е Владѣлецъ вотчины, переходя въ службу другаго князя, немогъ переносить права на эту вотчину къ своему новому Государю; вотъ выраженія древнихъ договорныхъ грамотъ объ этомъ предметѣ. «А князей ти моихъ служебныхъ съ вотчинами собѣ въ службу неприимати, а которыя князи имутъ тобѣ служити, и имъ въ вотчину свою не вступатися, вотчины

---

[20] Тамъ же № 23.

[21] Пол. Соб. Г. Г. и Д. Т. 1 стр.

[22] Тамъ же.

[23] Тамъ же стр. 27.

[24] Собр. Г. Г. и Д. Т. I. № 35.

лишены.» [25] Или въ договорной грамотѣ В. К. Дмитрія Ивановича Донскаго съ В. К. Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ писанной въ 1368 году «А кто бояръ и слугъ отъѣхалъ отъ насъ къ тобѣ, или отъ тобѣ къ намъ, а села ихъ въ нашей вотчинѣ въ великомъ княженьи, или въ твоей вотчинѣ въ Твери, въ ты села намъ и тобѣ не вступатися.« [26] 3-е. Вотчинникъ, кому бы онъ ни служилъ, судомъ и данью непремѣнно былъ въ вѣдѣніи того Государя, въ территоріи котораго находилась его вотчина: «а судомъ и данью потянути и по землѣ и по водѣ,» какъ выражались древніе Московскіе оффиціальные памятники. Посему почти во всѣхъ договорныхъ грамотахъ нашихъ князей повторяется одно и тоже общее правило: «а хто имѣтъ жити моихъ бояръ въ твоемъ удѣлѣ, блюсти ти ихъ, какъ и своихъ, и дань взяти какъ и на своихъ: а хто имѣтъ жити твоихъ бояръ въ моемъ удѣлѣ и въ великомъ княженьи, а тѣхъ ми блюсти какъ и своихъ, и дань взяти какъ и на своихъ.» [27] 4-е Вмѣстѣ съ правомъ суда и дани по землѣ и водѣ Государь территоріи могъ требовать отъ вотчинниковъ военной службы въ пользу территоріи; это право сначала простиралось такъ далеко, что всѣ вотчинники безъ различія должны были слѣдовать за Государемъ своихъ вотчинъ во всѣхъ его военныхъ походахъ, какъ объ этомъ ясно говорится въ договорной грамотѣ В. К. Дмитрія Ивановича Донскаго съ К. Владимиромъ Андреевичемъ 1388 года: «а коли ми будетъ послати на рать своихъ воеводъ, а твоихъ бояръ, кто имѣтъ жити въ моемъ удѣлѣ и въ великомъ княженьи, тѣмъ поѣхати съ моимъ воеводою, а моимъ по тому жо съ твоимъ воеводою.» [28] Но въ послѣдствіи времени это право ограничивалось требованіемъ службы на защиту области, въ которой живетъ вотчинникъ служащій другому князю, во всѣхъ же другихъ военныхъ дѣлахъ онъ уже обязывался сопутствовать тому князю, которому служитъ, а не тому, въ чьемъ владѣніи его вотчина. «А хто которому князю служитъ, гдѣ бы ни былъ полѣсти ему съ тѣмъ княземъ, которому служитъ; а городная осада, гдѣ хто живетъ, тому туто сѣ-

---

[25] Тамъ же № 50. Договоръ К. Юрія Дмитріевича съ В. К. К. Васильемъ Васильевичемъ 1843 года.

[26] Тамъ же № 28.

[27] Собр. Г. Г. и Д. Т. I. № 33.

[28] Тамъ же № 33.

сти»[29] какъ начали обыкновенно писать во всѣхъ договорныхъ грамотахъ Московскихъ князей съ 1405 года.

Вотчины по происхожденію своему, какъ выражаетъ одна приправочная книга (письма и мѣры Тимоѳея Андреевича Хлопова), писанная въ 1586 году, были или изстарины:, или доставшіяся по духовному завѣщанію, или по купчей, или жалованцой грамотѣ, или по рядной записи, т. е. приданые за женою, или по мѣновнымъ грамотамъ, или по закладнымъ кабаламъ, или по вкладнымъ, или по данымъ грамотамъ, или по дѣловымъ, или наконецъ утвержденныя записными книгами, приправочными и продажными списками и правыми грамотами.[30] Важнѣйшій и болѣе затруднительный вопросъ о происхожденіи вотчинъ относится собственно къ вотчинамъ изстариннымъ, начало же прочихъ видно уже изъ самаго названія, — купленныя, жалованныя, закладныя и другія. Изстариными вотчинами очевидно назывались тѣ, которыя издревлѣ принадлежали какому либо роду и переходили постоянно отъ предковъ къ потомкамъ, такъ что первоначальное ихъ пріобрѣтеніе уже позабылось и даже нельзя было указать, были ли когда либо оффиціальные и письменные документы на право владѣнія сими вотчинами, и только одна извѣчная продолжительность владѣнія дѣлала ихъ неотъемлемою, закономъ признанною, собственностію позднѣйшихъ владѣльцевъ, по которой опѣ записывались въ приправочныхъ и писцовыхъ книгахъ *изстариными*, изъ вѣка принадлежащими такой-то фамиліи.

Какъ между землями, принадлежащими нераздѣльно цѣлой общинѣ, первоначально произошла частная поземельная собственность съ правомъ продажи и перехода отъ предковъ къ потомкамъ, мы незнаемъ да и не можемъ знать; ибо до насъ не дошло ни лѣтописныхъ извѣстій, ни оффиціальныхъ документовъ объ этомъ предметѣ, всѣ же догадки и умозаключенія a priori ни къ чему неповедутъ, и только запутаютъ дѣло; а посему этотъ вопросъ при всей его важности невольно должно оставить безъ рѣшенія. И только можно сказать одно, что вотчинныя земли въ Московскомъ краю были еще до водворенія тамъ князей Всеволодова дома; ибо первые Московскіе князья нетолько не давали вотчинъ своимъ боярамъ, но даже сами старались сколько можно болѣе скупать и пріобрѣтать ихъ у племен-

---

[29] Тамъ же № 37.

[30] Ар. Вот. Деп. Отд. I. № 1,

ныхъ или земскихъ бояръ, у епископовъ и монастырей, чему служатъ свидѣтельствомъ почти всѣ духовныя грамоты Московскихъ князей; начиная съ Ивана Даниловича Калиты, въ нихъ вездѣ встрѣчаемъ выраженія:» а се на куплюпныя, а сельца на Масѣ, что есмь купилъ у Аѳонея, а что есть купилъ село Варварское и Мѣловское, что есть смѣнилъ на Матфѣицово село, а что село Павловское бабы нашея купля, а что есть прикупилъ селцо на Кержачѣ у Прокофья у игумена, и Павловское на Масѣ, половину есть купилъ, а половину есть смѣнилъ съ Митрополитомъ» [31] и другія подобныя, которыя прямо указываютъ, что князья уже застали въ Москвѣ вотчинныя владѣнія, и до того небыли ихъ учредителями, что даже сами старались покупать ихъ у другихъ, и конечно поощряли къ тому же и пришлыхъ съ ними бояръ и слугъ; на что также есть хотя неясные намеки во многихъ древнихъ княжескихъ грамотахъ. Такъ на примѣръ въ духовной грамотѣ князя Владимира Андреевича, писанной въ 1410 году, сказано;» а что мои ключники некупленые, а покупили деревни за моимъ ключемъ, сами ключники дѣтемъ моимъ не надобѣ, а деревни ихъ дѣтемъ моимъ вѣчьемъ будутъ удѣлѣ.» [32] Здѣсь слугамъ не запрещается покупать деревни; только покупки сіи по смерти князя доставались его наслѣдникахъ а не слугамъ покупателямъ, вѣроятно на томъ основаніи, что князь считалъ деревни купленными на его же деньги; ибо слуги пріобрѣтали ихъ состоя на службѣ у князя, и именно будучи его казначеями, ключниками, *за моимъ ключемъ*, какъ говоритъ грамота.

По званію владѣльцевъ вотчины были *боярскія*, *владычни* или *архіерейскія* и *монастырскія*.

Боярскія вотчины не исключали и неограничивали власти владѣльца располагать ими по своему благоусмотрѣнію, продавать ихъ, мѣнять, дарить, отдавать за дочерьми въ приданное и завѣщевать; но все это безъ ограниченій относилось только къ первому пріобрѣтателю; какъ же скоро вотчина отъ перваго пріобрѣтателя переходила по завѣщанію или по праву наслѣдстаа, или по рядной къ его родственникамъ, то въ нѣкоторомъ смыслѣ она дѣлалась собственностію цѣлаго рода, къ которому принадлежалъ первый пріобрѣтатель; и этимъ хотя не исключалось прямое право его наслѣд-

---

[31] Собр. Г. Г. и Д. Т. I. № 22.

[32] Тамъ же № 40.

никовъ, къ которымъ вотчина поступала во владѣніе, но тѣмъ неменѣе родичи всегда могли удерживать вотчину въ своемъ родѣ, даже вопреки распоряженіямъ прямаго наслѣдника, т. е. они могли выкупать вотчину проданную наслѣдникомъ въ чужой родъ. Это право рода на вотчины своихъ родичей вѣроятно было съ первыхъ временъ Московскаго государства; ибо еще В. К. Василіемъ Дмитріевичемъ сыномъ Донскаго законно назначался пятнадцатилѣтній срокъ для выкупа вотчинъ родичами по всему Московскому государству, какъ прямо и опредѣленно говоритъ одна грамота Великаго Князя Ивана Васильевича III-го [33]; но полное опредѣлительное ученіе о правѣ выкупа вотчинъ мы находимъ въ судебникѣ Царя Ивана Васильевича IV, гдѣ въ 85 статьѣ, между прочими правилами относительно этого предмета, для выкупа назначался сороколѣтній срокъ, и родичи могли вступаться не только въ проданныя вотчины, но даже въ заложенныя и промѣненные. [34]

Владычни вотчины принадлежали не лицу, но сану; они могли быть изстариныя, т. е. уступленныя владыкѣ общиною, жалованныя — подаренныя княземъ, покупныя и вымѣненныя; на всѣ сіи разряды владычнихъ вотчинъ древнія оффиціальныя грамоты представляютъ множество примѣровъ, такъ что нѣтъ нужды приводить который нибудь изъ нихъ. Владыка или архіерей могъ продавать вотчины, промѣнивать, можетъ быть закладывать, даже отдавать въ помѣстье своимъ боярамъ и слугамъ; такъ мы имѣемъ нѣсколько помѣстныхъ грамотъ Новгородскихъ Архіепископовъ своимъ боярамъ; (Напр. въ 1574 году Архіепископъ Леонидъ боярину своему Василью Ѳомину далъ въ помѣстье село Усадище съ деревнями Ак. Ист. Т. I. № 190) но они, какъ принадлежность не физическаго, а моральнаго лица или сана, не переходили къ его родичамъ ни по завѣщанію ни по закону, а доставались преемникамъ его сана; даже едвали онъ могъ дарить ихъ,

---

[33] Гр. В. К. Ивана Васильевича III. 1485 года. «А противу Олексина далъ смѣну дѣдъ мой Великій князь въ домъ Пресвятыя Богородицы и своему отцу Купріану Митрополиту слободку Вославлю.... опричь боярскія купли старыя или чья будетъ вотчина отъ сего времени за 15 лѣтъ взадь, какъ дѣдъ моя учинилъ Князь Великій въ своей вотчинѣ въ великомъ княженьи, судъ тогды о земляхъ и водахъ за пятнадцать лѣтъ. (Соб. Гр. Колл. Экон.)

[34] Ак. Ист. Т. I. № 153.

развѣ только въ томъ случаѣ, когда они были куплены на собственныя его келейныя деньги.

Монастырскія вотчины принадлежали цѣлой монастырской общинѣ и не составляли частной собственности ея членовъ, и посему они постоянно оставались за монастыремъ, и не переходили къ родичамъ иноковъ. По произхожденію своему вотчины сіи могли быть изстариннымъ т. е. уступленнымъ государствомъ при построеніи монастыря,[35] жалованнымъ т. е. подареннымъ отъ князя, вкладнымъ, т. е. пожертвованнымъ отъ частныхъ лицъ, купленнымъ, вымѣненнымъ и пріобрѣтеннымъ по закладнымъ. Вотчинное право монастырей первоначально было неограниченно, монастыри могли свободно пріобрѣтать вотчинныя земли при помощи какихъ угодно законныхъ сдѣлокъ съ частными собственниками: но со времени Царя Ивана Васильевича IV, эта свобода была значительно ограничена разными узаконеніями, вызванными кажется огромною разтратою вотчинныхъ земель въ служиломъ классѣ людей, а можетъ быть частію нѣкоторыми злоупотребленіями со стороны монастырей, которые нерѣдко укорялъ Ц. Иванъ Васильевичь въ своихъ посланіяхъ. Такъ въ дополненіи къ судебнику, изданномъ въ 1572 году, запрещено давать вотчины богатымъ монастырямъ, да и въ бѣдные недозволялось записывать безъ докладу Государю: «въ большіе монастыри, гдѣ вотчинъ много, впередъ вотчинъ недавати; а которая будетъ вотчина и написана, ино ее въ помѣстной избѣ незаписывати, а отдавати ее роду и племени служилымъ людямъ, чтобъ службѣ убытка не было, и земля бы изъ службы не-

---

[35] Такъ на примѣръ грамотою 1546 года дана была земля игумену Ѳедору на устройство монастыря въ черномъ лѣсѣ. «Что ми билъ челомъ сказываючи, что де онъ строилъ пустыньку и церковь поставилъ боголѣпное Преображенье Господа нашего Іисуса Христа на моемъ В. Князя на черномъ лѣсу на дикомъ, промежъ Вологоцкаго уѣзда и Каргопольскаго Важскаго.... а тѣ займища лежатъ пусты, нѣтъ ихъ ни за кѣмъ, ни въ грамотахъ ни въ какихъ.... И язъ Князь Великій игумена Ѳедора збратьею пожаловалъ, велѣлъ есми тотъ лѣсъ росчищати на всѣ стороны отъ мостыря по 12 верстъ. И монастырь строити и займища распахивати и людей къ себѣ призывати, и кого къ себѣ на тотъ лѣсъ и на тѣ займища призовутъ жити людей, и тѣмъ людемъ не надобѣ моя В. К. дань никакіе разметы и проторы.» (А. А. Э. Т. I. № 308.)

выходила; а монастырскихъ вотчинъ вотчичамъ впередъ невыкупати. А кто которымъ монастыремъ малымъ дастъ вотчину, у которыхъ монастырей земель мало: и тѣ вотчины доложа Государю, записывати, а безъ докладу незаписывати, и безъ боярскаго приговору.»[36] Или еще прежде въ соборномъ приговорѣ 1551 года Мая 11-го сказано: «Впередъ Архіепископомъ и Епископомъ и монастыремъ вотчинъ, безъ Царева Великаго Князя вѣдома и безъ докладу не покупати ни у кого, а княземъ и дѣтемъ боярскимъ и всякимъ людямъ вотчинъ безъ докладу непродавати жъ.» Здѣсь даже опредѣлено было отобрать у монастырей земли пріобрѣтенныя незаконно: «А которыя Царевы Великаго Князя помѣстныя и черныя земли задолжали у дѣтей боярскихъ и у христіанъ и насильствомъ поотоймали владыки и монастыри, или которыя земли писцы норовя владыкамъ же и монастыремъ подавали, а сказываютъ владыки и монастыри тѣ земли своими, а иные починки поставляли на Государевыхъ земляхъ: и того сыскати чьи земли были изстари; за тѣмъ тѣ земли и учинити.»[37] Это послѣднее свидѣтельство показываетъ, что монастыри при посредствѣ закладныхъ присвоивали даже и черныя земли; но это очевидно считалось противозаконнымъ наровнѣ съ подкупомъ писцовъ, и при открытіи не было терпимо Правительствомъ.

Выраженіе дополнительной статьи къ судебнику относительно непередачи вотчинъ монастырямъ: «чтобъ службы убытка не было, и земля бы изъ службы невыходила.» указываетъ на важное значеніе вотчинъ въ отношеніи къ государственной службѣ; оно прямо говоритъ что вотчинныя земли преимущественно принадлежали служилымъ людямъ, и что само правительство старалось сколько можно болѣе удерживать ихъ въ этомъ классѣ народа, какъ бы съ владѣніемъ вотчиною была сопряжена непремѣнная обязанность службы; что доказываетъ и слѣдующая статья того же приговора 1551 года, въ которой отобранныя у монастырей вотчины велѣно обращать въ помѣстья для раздачи служилымъ людямъ: «А которые вотчины свои въ монастыри по душамъ, до сего Государева приговору давали безъ Государева докладу; и тѣ вотчины имати на Государя, да за нихъ по мѣрѣ деньги плати-

---

[36] Ак. Ист. Т. I. № 153.
[37] А. А. Э. Т. I. № 227.

си, да тѣ вотчины отдавати въ помѣстіа.» [38] Съ котораго времени вотчины получили такое назначеніе, опредѣлить нельзя, но по всему вѣроятію первоначально они не имѣли его, и были просто собственностію частныхъ лицъ; и только уже со введеніемъ обычая обращать помѣстныя земли въ вотчинныя, сіи послѣднія приняли характеръ первыхъ, и изъ частной собственности обратились въ Государственное имущество изъ видовъ поддержанія службы. Такимъ образомъ съ постояннымъ развитіемъ Государственнаго устройства въ Московскихъ владѣніяхъ и вотчинныя земли подвергались постепенному измѣненію: сперва они были частною собственностію лица и семьи, потомъ получили характеръ родовыхъ имѣній, и наконецъ обратились въ Государственное имущество. Но несмотря на столь важныя и существенныя измѣненія въ значеніи вотчинъ, они постоянно и всегда оставались въ полной власти своего частнаго владѣльца; и родъ и Государство могли предъявлять свои права, только при переходѣ ихъ отъ одного хозяина къ другому; но и тутъ вмѣшательство прямо относилось только къ новымъ владѣльцамъ, къ которымъ переходило имѣніе, а не къ тѣмъ, отъ которыхъ оно переходило; слѣдовательно лично хозяинъ всегда былъ обезпеченъ и свободенъ въ правахъ на свое имущество.

Съ правомъ собственности на вотчины неразрывно было соединено право пользованія доходами; въ этомъ отношеніи вотчины раздѣлялись на угодья и деревни. Къ первымъ принадлежали рыбныя ловли, бобровыя гоны, бортные ухожаи, мельницы и перевозы; вотчинники обыкновенно отдавали ихъ въ оброчное содержаніе; вторыя же составляли населенныя земли съ пахатными полями, сѣнокосами и лѣсами; вотчинники населяли деревни или своими слугами или вольноприходящими арендаторами, которые обыкновенно назывались крестьянами. Населеніе вотчинъ слугами, сколько можно судить по древнимъ писцовымъ и другимъ оффиціальнымъ книгамъ, было очень незначительно, и относилось къ населенію вотчинъ вольными крестьянами, какъ одна къ тремстамъ и даже менѣе; владѣльцы земель болѣе находили расчета обработывать свои земли вольными работниками, которые занимали земли на извѣстныхъ условіяхъ, утвержденныхъ взаимнымъ согласіемъ обѣихъ сторонъ. Условія сіи въ своихъ подробностяхъ не-

[38] Тамъ же.

случаи въ наукѣ, гдѣ нефилософъ и философъ равно должны отдаться на произволъ мыслительной силы и ожидать рѣшеній вопроса отъ началъ, выходящихъ за предѣлы исключительныхъ знаній. По ученію Г. Савиньи, „всѣ опредѣленія *владѣнія*, сколькобъ они между собою ни различались, въ основаніяхъ своихъ имѣютъ нѣчто общее. Подъ именемъ владѣнія всѣ разумѣютъ такое состояніе вещи, по которому она не только подлежитъ дѣйствію владѣющаго лица, но и всякое постороннее на нее вліяніе, или дѣйствіе, представляется физически невозможнымъ. Такъ владѣетъ кораблемъ хозяинъ корабля, но не владѣетъ водами, по которымъ корабль совершаетъ плаваніе, хотя обоими равно пользуется для достиженія своей цѣли. Сіе состояніе, называемое удержаніемъ (detentio), и служащее основаніемъ понятію владѣнія, есть предметъ чуждый для законодательства, и понятіе его не имѣетъ въ себѣ ничего юридическаго; однакожъ въ немъ скоро обнаруживается юридическій характеръ, и тогда оно входитъ въ составъ законодательства: именно, удержаніе составляетъ матеріальную сторону собственности, и соединяясь съ нею въ одно цѣлое, составляетъ существенную ея часть. Еслибъ сіе юридическое значеніе владѣнія было единственнымъ, то оно могло бы привести только къ тому положенію, что хозяинъ вещи имѣетъ право ею владѣть, а равно и посторонній, если на сіе получитъ право отъ хозяина; всѣ же прочіе никакого права на сіе не имѣютъ. Но какъ Римское право признаетъ владѣніе не только послѣдствіемъ права собственности, но разсматриваетъ его какъ начало особыхъ юридическихъ послѣдствій, какъ условіе различныхъ правъ: то въ правѣ владѣнія мы должны разсматривать не право на владѣніе (jus possidendi), а права, проистекающія изъ владѣнія. Римское право, разсматривая владѣніе само по себѣ, отвлеченно

отъ собственности, производитъ изъ него только два послѣдствія: *завладѣніе* и *интердиктъ*. Въ завладѣніи простое дѣйствіе владѣнія, независимо ни отъ какого права, по истеченіи извѣстнаго времени, само собою ведетъ къ собственности. Слѣдственно чистый фактъ посредствомъ давности здѣсь превращается въ право. Второе послѣдствіе владѣнія, владѣльческіе интердикты, имѣютъ слѣдующее назначеніе. Такъ какъ владѣніе само по себѣ не есть право, то и нарушеніе владѣнія не можетъ быть нарушеніемъ права. Если же можно допустить здѣсь какое либо нарушеніе: то оно должно относиться не къ владѣнію, а къ какому либо постороннему праву. Положимъ, владѣніе нарушается насильствомъ; — дѣйствительно тутъ есть нарушеніе права, но какого? — конечно не владѣнія, когда въ немъ не заключается права, которое можно было бы нарушить; — здѣсь прямо нарушается право личности владѣльца: ибо всякое насильство, каково бы ни было его побужденіе, есть уже само по себѣ не-право (injuria), и вотъ настоящій предметъ владѣльческаго интердикта, коего сила обращена на защиту владѣнія. Итакъ всѣ владѣльческіе интердикты сходствуютъ въ томъ, что они предполагаютъ дѣйствіе, неправое по своей формѣ, и имѣютъ цѣлію остановить его, не входя въ разбирательство, правы или неправы основанія владѣнія, угрожаемаго или нарушеннаго насильствомъ. По Г. Савиньи, какъ бы отступаясь отъ своего мнѣнія, далѣе объясняетъ: „мысль, что поводомъ къ интердиктамъ служитъ формальное неправо, должно принимать не въ томъ значеніи, будто владѣніе защищается только противъ насильства, совершаемаго съ извѣстнымъ преступнымъ побужденіемъ: — напротивъ, изгнанному возвращается владѣніе безусловно, безъ всякаго разсмотрѣнія, по праву или не по праву онъ владѣлъ. Если при этомъ спросятъ, на какомъ же

основаніи изгнанному, можетъ быть, безъ всякаго права владѣвшему имѣніемъ, законъ оказываетъ покровительство и возвращаетъ отнятое владѣніе, то на это можно представить слѣдующее объясненіе: *основаніе сему заключается во всеобщемъ предположеніи, что владѣлецъ могъ быть настоящимъ хозяиномъ* 12). Впрочемъ, поелику это предположеніе относится не къ извѣстному какому либо владѣнію, а къ владѣнію вообще: то и сила интердикта обращена на защиту всякаго владѣнія, безъ всякаго различенія одного отъ другаго. Послѣ сего, продолжаетъ Г. Савинья, не трудно рѣшить, что̀ есть владѣніе — фактъ или право? — Владѣніе, по его первоначальному понятію, есть не болѣе какъ фактъ, — но фактъ, съ коимъ соединены правомѣрныя послѣдствія. Итакъ *владѣніе есть и фактъ и право вмѣстѣ.*“

Мнѣніе Рудорфа 13). Онъ думаетъ одинаково съ Г. Савиньи, но въ основаніяхъ ученія простѣе, въ выводахъ послѣдовательнѣе своего наставника. Не ограничиваясь Римскимъ ученіемъ, онъ допустилъ въ свои объясненія историческо-Германскую идею земскаго мира, и тѣмъ много содѣйствовалъ къ разширенію взгляда на основанія правомѣрныхъ послѣдствій владѣнія. Основаніемъ, почему владѣніе даже неправое защищается закономъ, онъ полагаетъ самовольное нарушеніе владѣнія, самоуправство, самосудъ. „Никто не сомнѣвается, что существующее до сего времени состояніе лицъ и вещей, каково бы оно ни было, правое или неправое, и даже очевидно неправое, противъ самовольной силы пользуется *миромъ*, другими словами, самовольство и самоуправство неправы сами по себѣ, безъ всякаго отношенія къ ихъ предмету, если только извѣстно, или гдѣ можно предположить, что лице, обезпокоенное въ своемъ владѣніи, имѣло *animum possidendi* (намѣреніе освоить вещь). Сіе условіе

необходимо: ибо кто не хочетъ имѣть вещь своею, у того взять ее ни въ какомъ случаѣ не будетъ насильствомъ. Поелику самовольная сила или самоуправство не имѣютъ на своей сторонѣ правости даже и тогда, когда они дѣйствуютъ противъ незаконнаго состоянія, и *между тѣмъ неправо возможно только тогда, когда ему предшествуетъ право, ибо неправо есть отрицаніе сущаго права*: то и слѣдуетъ отыскать, при нарушеніи безправаго состоянія, называемаго владѣніемъ, какое нарушается право, въ защиту коего придуманъ владѣльческій интердиктъ? — Отвѣтъ состоитъ въ слѣдующемъ. Сущность земскаго мира, или правомѣрнаго состоянія, заключается въ томъ, что позволительная до сего времени самовластная сила людей, при вступленіи ихъ въ общественный союзъ, изчезаетъ предъ силою управомоченною, предъ властію судебною. Когда членъ сего правомѣрнаго союза нарушаетъ миръ своего ближняго неправою жалобою или неисполненіемъ по договору; то симъ хотя и нарушается матеріальное право, но право формальное остается неприкосновеннымъ: ибо неправый челобитчикъ хранитъ земскій миръ, дѣйствуетъ по формѣ, предписанной судомъ мира, и неплатящій должникъ прямо не возмущаетъ общественнаго союза. Наоборотъ, когда истецъ по дѣлу правый учнетъ искать *своего* не по предписаннымъ судебнымъ формамъ, а самоуправствомъ и самосудомъ: то симъ хотя и не причиняетъ матеріальной обиды (ибо отнять у ближняго то, на что онъ не имѣетъ права, не значитъ причинить обиду), однакожъ поступаетъ несправедливо, — гораздо болѣе несправедливо, чѣмъ самовольный нарушитель матеріальнаго права. Онъ дѣйствуетъ какъ возмутитель земскаго мира, онъ возвращаетъ общество въ то враждебное и безправое состояніе, изъ котораго оно вышло посредствомъ

великихъ пожертвованій, усилій и трудовъ; онъ отрицаетъ и нарушаетъ не только извѣстное матеріально-правое состояніе, но отрицаетъ и испровергаетъ, по мѣрѣ силъ своихъ, весь юридическій бытъ общественнаго союза. Слѣдовательно самовольная сила, самоуправство, самосудъ, принимаемыя обыкновенно за формальное неправо, сами по себѣ уже слишкомъ матеріальны, — матеріальны болѣе, чѣмъ всякое предметное преступленіе: ибо они сполна отрицаютъ бытіе правомѣрнаго состоянія. По этой причинѣ самоуправство всегда ничтожно въ своихъ послѣдствіяхъ; — сколько бы оно ни усиливалось сдѣлать что̀ нибудь, оно никогда ничего не сдѣлаетъ, — и тотъ, кто отваживается на такое дѣйствіе, не только не получаетъ желаемаго, но еще подлежитъ наказанію по мѣрѣ вины своей — отлученію отъ общества, лишенію покровительства законовъ, потоку и разграбленію. Слѣдовательно интердиктъ имѣетъ основаніемъ не фактъ и не право владѣнія, а *legem perfectam* (ясное повелѣніе закона), по силѣ коего неправо никогда не ведетъ къ желанной цѣли, и всегда ничтожно въ своихъ послѣдствіяхъ. Законъ какъ бы противъ воли своей охраняетъ даже завѣдомо-неправое владѣніе, отсрочивая разборъ правъ до формальнаго суда, и это есть одна изъ неизбѣжныхъ невыгодъ мирнаго состоянія. Наведеніе сихъ мнѣній считаю достаточнымъ для объясненія, въ какомъ состояніи находится вопросъ объ основаніи правомѣрныхъ послѣдствій владѣнія.

Кромѣ Римскаго права 14), справедливо названнаго *разумомъ въ письменахъ*, и другія законодательства, и именно новѣйшія, разсматривая владѣніе отвлеченно отъ собственности, сообщаютъ ему дѣйствія, кои въ сущности своей сходствуютъ съ Римскими интердиктами и давностію. Впрочемъ теорія положительныхъ правъ ни шагу не сдѣлала впередъ про-

тивъ Римской. Французскій кодексъ 15) принялъ статью владѣнія изъ Римскаго права почти безъ всякой перемѣны, а основаніемъ давности считаетъ законъ общаго спокойствія. Германскія законодательства по сему предмету имѣютъ двѣ различныя теоріи, одну Римскую, другую національно-Германскую, принадлежащую болѣе къ исторіи, чѣмъ къ догматикѣ законодательства 16). Истолкователь Англійскихъ законовъ Блакстонъ 17) также принимаетъ въ свою систему отдѣльное ученіе о владѣніи. „Самую низшую, говоритъ онъ, самую несовершенную степень титла на имущество представляетъ намъ простое и *голое владѣніе*. Оно есть фактическое занятіе вещи, безъ всякаго видимаго права, и не могущее предъявить для своей защиты никакого законнаго предлога, ни даже тѣни справедливости. Хозяинъ вещи можетъ возвратить ее изъ чужаго владѣнія, употребивъ къ сему законныя мѣры; но до того времени, покуда предъявленное имъ титло не будетъ признано законнымъ, таковое дѣйствительное владѣніе *prima facie* (на первый разъ) полагаетъ законное титло на сторонѣ владѣльца, а со временемъ, въ случаѣ молчанія хозяина, постепенно восходитъ въ совершенное и неопровержимое право собственности.“ Русская юридическая литература не богата сочиненіями по предмету владѣнія. Въ прошедшемъ вѣкѣ Профессоръ *Десницкій* 18) изложилъ теорію постепеннаго движенія и развитія владѣнія, но не въ отвлеченномъ видѣ, а въ нераздѣльномъ соединеній съ собственностію. Что касается до писателей XIX вѣка, то считаю достаточнымъ указать на двухъ представителей юриспруденціи въ Россіи, Римской и философской — *Цвѣтаева*, Русской — *Вельяминова-Зернова*. Цвѣтаевъ 19) отличаетъ владѣніе отъ собственности, называетъ его физическою возможностію располагать

и пользоваться вещію, и приписываетъ владѣльцу различныя права, не показывая впрочемъ основанія сихъ правъ. Вельмяминовъ-Зерновъ 20) владѣніе опредѣляетъ по Римскому праву, и признаетъ, что оно основано *не на правѣ, а на дѣлѣ*, — что оно есть физическая собственность, покровительствуемая закономъ до того времени, доколѣ судомъ не будетъ отказана другому, представившему на владѣніе законныя доказательства.

КРИТИКА МНѢНІЙ.

Мнѣніе Гегеля. Философъ не ясно различаетъ владѣніе отъ собственности, и потому отъ него нельзя ожидать раскрытія правомѣрныхъ послѣдствій владѣнія, взятаго отвлеченно отъ собственности. Правда, владѣніе у него означаетъ первый реальный моментъ въ образованіи собственности, но потомъ оно тотчасъ исчезаетъ во второмъ моментѣ, именно въ то самое время, когда въ освоеніи вещи совершается откровеніе всеобщей воли, когда снисходитъ истинность и правость на сіе событіе. Но чтобъ истинность и правость проникали владѣніе, онъ требуетъ, чтобъ предметомъ сего дѣйствія были вещи *ничьи*. Все сіе показываетъ, что Гегель, согласно съ Гансомъ, полагаетъ означенные два момента существенными для образованія собственности, и что недостатокъ въ одномъ разрушаетъ цѣлость понятія о собственности. Если онъ требуетъ, чтобы владѣніе проникалось истинностію и правостію для того, чтобъ изъ него возникла собственность, то это показываетъ, что Гегель во владѣніи-самомъ по себѣ не признаетъ никакого права, а слѣдовательно не считаетъ его достойнымъ покровительства законовъ. Мнѣ кажется, Гегель, не будучи зна-

комъ съ положительными понятіями о владѣніи, пришелъ въ замѣшательство, когда ему надлежало развить законъ тройства въ процессѣ образованія собственности. Собственность, какъ бытіе докончennое, дѣйствительно заключаетъ въ себѣ три сомкнутые момента, которые такъ легко было развить Гансу въ три періода, слѣдующіе одинъ за другимъ, и открывающіе постепенное твореніе собственности. По системѣ Гегеля сіи моменты, взятые отвлеченно, должны изображать слѣдующіе періоды: a) владѣніе безъ права собственности, b) собственность безъ владѣнія, и наконецъ c) соединеніе обоихъ — полная собственность. Изъ ученія Гегеля я дозволяю себѣ сдѣлать слѣдующій выводъ: какъ собственность безъ владѣнія не есть владѣніе, такъ и владѣніе безъ собственности не есть начинающаяся собственность. Это два простыя начала, изъ коихъ имѣетъ послѣдовать юридическое явленіе, но сами по себѣ отнюдь не заключающія въ себѣ дѣйствительнаго бытія собственности, или, по его способу выраженія, *живаго понятія* собственности.

Мнѣніе Ганса. Гансъ не могъ остановиться на общихъ положеніяхъ неприступной системы Гегеля. Какъ мыслитель и законникъ, онъ долженъ былъ умозрѣніе низвести до положительнаго ученія, и наоборотъ опытныя положенія юриспруденціи оправдать началами высшаго вѣденія. И дѣйствительно, онъ гораздо далѣе, нежели самъ Гегель, развиваетъ понятіе владѣнія; оставаясь ему вѣрнымъ въ основныхъ положеніяхъ, онъ отступаетъ отъ него въ частностяхъ, предлагая истины, не строго слѣдующія изъ началъ его ученія. Онъ утверждаетъ, что основаніе правомѣрныхъ послѣдствій владѣнія заключается въ самомъ владѣніи, будетъ ли оно правое или неправое, и мнѣніе свое основываетъ на томъ, что воля человѣческая сама по себѣ, независимо

отъ образа ея выраженія во внѣшнемъ мірѣ, есть уже нѣчто существенное, достойное покровительства. Самое дѣйствіе сего выраженія есть уже право, заслуживающее защиту и покровительство. Но какъ въ понятіи воли заключаются два вида — воля индивидуальная и всеобщая, самоволіе и законная воля: то покровительство должно простираться на ту и на другую. Наконецъ должно обратить особенное вниманіе на рѣшительное его положеніе, что владѣніе есть *субъективная, начинающаяся собственность*. Изъ сего мнѣнія нахожу, что Гансъ, давши обѣщаніе вывесть основаніе правомѣрныхъ послѣдствій владѣнія изъ самого владѣнія, ничего не вывелъ. Усилія велики и блистательны, но они остались безплодными при своихъ общихъ положеніяхъ.

Главная ошибка Ганса заключается въ томъ, что онъ *чистую волю* смѣшиваетъ съ *волею всякою*; а это два понятія стольже различныя между собою, какъ его *настоящее безконечное* съ *мнимымъ безконечнымъ*. Первое вѣчно равно и тождественно самому себѣ, спокойно въ своей безпредѣльной полнотѣ; второе напротивъ непрестанно томится жаждою безконечнаго, и потому только безконечно, что непрестанно движется впередъ и изчезаетъ въ нескончаемыхъ усиліяхъ. Первое выражаетъ характеръ чистой воли, второе характеръ воли всякой. Соглашаюсь, что чистая воля есть священнѣйшее право нравственнаго существа. Никто не можетъ отнять его, если мы сами у себя не отнимемъ. Оно не подлежитъ ни завладѣнію, ни давности, и, когда бываетъ потеряно, то ни интердиктъ претора, ни приговоръ суда не въ силахъ возвратить его. Но, можетъ быть, по мнѣнію Ганса, чистая воля, осуществляя себя во внѣшнемъ мірѣ, не престаетъ быть чистой, и слѣдственно является безусловно правою волею. Но это такое объясненіе, противъ котораго самъ почтенный философъ

произнесетъ отрицательный судъ: ибо безконечное не является въ формѣ безконечной, и чистая, безпредѣльная воля не найдетъ по себѣ предмета во внѣшнемъ, ограниченномъ мірѣ. Итакъ, поелику явленіе чистой воли во внѣшнемъ мірѣ рѣшительно не возможно: то и владѣлецъ, и защитникъ его, преторъ, могутъ оставаться покойными, ибо чистая воля есть такое благо, которое никто не отниметъ, точно такъ же, какъ никто его не возвратитъ. Воля, взятая отвлеченно, воля неопредѣленная, всякая воля, составляющая тѣнь безконечнаго, не есть ни добрая, ни злая; но воля въ дѣйствіи, воля живая, доступная насилію и покровительству, есть или добрая, или злая (явленіе воли безкачественной и безпредметной рѣшительно не возможно). Воля добрая покровительствуется закономъ, воля злая подлежитъ его преще-нію. Какъ скоро воля осуществила себя во владѣніи, то она тотчасъ принимаетъ характеръ той или другой, и потому владѣніе тотчасъ подлежитъ или прещенію, или покровительству, что́ и дѣйствительно бываетъ: преторъ отнимаетъ владѣніе у одного, чтобы передать его другому. Итакъ выводъ правомѣрныхъ послѣдствій владѣнія изъ самого владѣнія самъ по себѣ несостоятеленъ и слабо прикрѣпленъ къ неподвижному основанію, къ безусловному праву чистой воли.

Недостатокъ послѣдовательности не менѣе ощутителенъ и въ прочихъ объясненіяхъ Ганса. Онъ говоритъ, что индивидуальная воля владѣльца потому только, что она воля, правая или неправая — все равно — заслуживаетъ покровительства законовъ. Если такъ, то почему же законъ не покровительствуетъ волѣ разбойника въ минуту его нападенія, ибо его воля сама по себѣ ни чѣмъ не хуже воли того субъекта, котораго онъ возжелалъ ограбить? — а до воли разбойника, какъ она осуществляетъ себя во внѣшнемъ мірѣ, ему дѣла нѣтъ, ибо Гансъ симъ сказалъ,

что въ самой защитѣ владѣнія не спрашивается, право оно или неправо. Итакъ на какомъ же основаніи волѣ владѣльца отдается преимущество? По старшинству времени? — но это условіе не входитъ въ соображеніе Ганса. — По предположенію, что владѣлецъ есть хозяинъ? — но Гансъ всего далѣе отъ сего мнѣнія. — По праву занятія? — но здѣсь владѣніе непосредственно слилось съ правомъ собственности. Итакъ по этой теоріи нѣтъ основанія къ защитѣ владѣнія.

Къ подтвержденію своей теоріи Гансъ прибѣгаетъ къ покровительству Римскаго юриспрудента Павла, который говоритъ, что *собственность началась владѣніемъ, чему и нынѣ есть примѣры.* Но въ приведенномъ примѣрѣ *Пандектистъ* хочетъ сказать, что собственность началась занятіемъ: ловлею, добычею, находкою и т. д. — (у Римлянъ нерѣдко и къ симъ дѣйствіямъ прилагается названіе *владѣнія*, и еще къ нѣкоторымъ случаямъ 21), — а занятіе (occupatio) есть средство пріобрѣтенія собственности, и никто не будетъ спорить, что владѣніе, основывающееся на занятіи, есть прямое слѣдствіе собственности. Но Гансъ, защищая, что основаніе правомѣрныхъ послѣдствій владѣнія лежитъ въ самомъ владѣніи, вѣроятно, не думалъ утверждать, что хозяинъ вещи заслуживаетъ покровительство законовъ. Притомъ же и авторитетъ юриста Павла, не къ дѣлу приведенный Гансомъ, сокрушается *таковымъ же* юриспрудента Ульпіана. Сей знаменитый юристъ объясняетъ, что всѣ добрые люди владѣютъ или по наслѣдству, или по основанію дара, или по другой законной причинѣ; но *разбойникъ не имѣетъ другаго основанія своему владѣнію, кромѣ владѣнія* (fr. 11. §. 1. Д. 5. 3). Итакъ Римское право, коего авторитетъ здѣсь весьма важенъ, не признаетъ въ фактѣ владѣнія никакого титла, кромѣ самого факта, т. е. признаетъ его безправымъ.

Мнѣніе Тибо. Тибо, согласно съ Римскими юристами, принимая владѣніе за фактическое состояніе, сообщаетъ владѣльцу преимущество предъ невладѣльцемъ, и оставляетъ его въ спокойномъ обладаніи *впредь до времени* — до предъявленія лучшаго права. Итакъ, по мнѣнію Тибо, владѣніе не прежде удостоивается покровительства, какъ по разсмотрѣніи доказательствъ обѣихъ сторонъ, и по удостовѣреніи, что право владѣльца лучше, нежели право отыскивающаго владѣніе, слѣдовательно допускаетъ интердиктъ не иначе, какъ по суду? — Но этого условія ни одно законодательство, ни даже самъ Тибо не принимаетъ. Далѣе, въ основаніе преимущества владѣльца предъ невладѣльцемъ, онъ приводитъ распоряженіе правительства, чтобъ фактически пользующійся правомъ оставался въ спокойномъ обладаніи; но на чемъ основано сіе распоряженіе правительства, Тибо не объясняетъ, слѣдственно не объясняетъ и основанія правомѣрныхъ послѣдствій владѣнія. Притомъ же при защитѣ владѣнія вовсе не входитъ въ мысль правительства *оставлять его спокойнымъ впредь до времени.* Пресѣченіе его рѣшительно и безусловно.

Мнѣніе Пухты. Онъ начинаетъ тѣмъ, что теорія Ганса есть шарлатанство, и полемическій духъ свой простираетъ до отрицанія въ ней здраваго человѣческаго смысла, — что авторъ самъ не знаетъ, о чемъ говоритъ и что̀ говоритъ. Если это такъ, то и самъ Пухта не избѣгнетъ сего упрека: ибо и его премудрёная воля, которая въ дѣйствіи владѣнія сама себя хочетъ, дѣйствительно сама не знаетъ чего хочетъ. Онъ отрицаетъ правость владѣнія, взятаго отвлеченно, и если допускаетъ покровительство закона, то совершенно по другому основанію. Онъ полагаетъ, что нарушеніе владѣнія есть нападеніе на волю, какъ она есть сама въ себѣ: ибо *владѣніе есть право на собственное лицо.* По моему мнѣнію это

значитъ ничего не сказать о владѣніи. Еще страннѣе видѣть въ мнѣніи Пухты, что онъ, въ основаніяхъ своихъ будучи совершенно согласенъ съ Гансомъ, преслѣдуетъ сего философа съ нетерпимостію молодаго энтузіаста, чтобъ не сказать еще болѣе. Гансъ утверждаетъ, что воля сама по себѣ есть уже право; а Пухта говоритъ, что владѣніе есть право на собственное лице, или такое дѣйствіе, въ которомъ воля выражаетъ свое желаніе быть вольною. Оба они увлечены досточтимостію воли самой по себѣ, и оба равнодушны къ образу ея выраженія во внѣшнемъ мірѣ. Слѣдовательно противъ Пухты можно употребить тѣже возраженія, какимъ подвержено ученіе Ганса. Воля можетъ хотѣть себя сколько ей угодно — нѣтъ до нея никому дѣла; но какъ скоро она хочетъ чего нибудь внѣ себя, чего либо дѣйствительнаго, то она тотчасъ пріемлетъ положительный характеръ, показываетъ себя волею самовольною, или волею законною, слѣдственно подлежитъ или преще-нію, или покровительству. Самое выраженіе: *воля хочетъ самой себя* означаетъ, что воля хочетъ чего-то неопредѣленнаго, а что̀ неопредѣленно, то ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть предметомъ владѣнія; слѣдственно воля Пухты желаетъ вовсе невозможнаго. Если не ошибаюсь, Пухта хотѣлъ доложить, что дѣйствіе воли, если отвлечь его отъ матеріи дѣйствія, во всякомъ случаѣ правомѣрно, законно, досточтимо. Изслѣдуемъ, возмемъ какое нибудь дѣйствіе воли, напримѣръ желаніе *стрѣлять*, отвлечемъ его отъ матеріи дѣйствія, уничтожимъ предметъ, который воля избираетъ орудіемъ своего проявленія. Пусть отвлеченіе сдѣлано, теперь спрашиваемъ: воля имѣетъ ли право стрѣлять изъ ружья? — Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; мы допускаемъ даже, что она можетъ стрѣлять когда сй угодно. Но я увѣренъ, что воля Пухты ни подъ какимъ ви-

домъ не можетъ сего исполнить: ибо какимъ образомъ это возможно, когда уничтожена матерія дѣйствія, когда воля окружила себя безмѣрною пустотою, гдѣ не мелькаетъ ни одинъ предметъ, гдѣ нѣтъ ничего, что̀ бы можно было поставить цѣлію выстрѣла. Итакъ мнѣніе Пухты, что владѣніе потому достойно покровительства закона, что въ дѣйствіи его воля хочетъ не чего либо внѣшняго, а только самой себя, есть одно пустое отвлеченіе. Въ дѣйствительномъ мірѣ формальной стороны дѣйствія нельзя отвлечь отъ матеріи дѣйствія. Еслибъ мнѣніе, что въ выраженіи воли матерія ничего не значитъ, дѣйствительно было справедливо, то какъ бы вы воспрепятствовали разбойнику прицѣливаться въ грудь вашего ближняго? Онъ въ правѣ былъ бы вамъ сказать: „послѣ вы можете наказать меня по вашимъ законамъ, какъ вамъ угодно; — но теперь не препятствуйте моей волѣ быть вольною: ибо я имѣю право, если не отнять жизнь у вашего ближняго, то по крайней мѣрѣ сдѣлать по немъ ружейный выстрѣлъ.“ Какая польза, что̀ существеннаго заключается въ правахъ, за признаніемъ коихъ неминуемо слѣдуетъ наказаніе, полагаемое за то, что они не въ той формѣ приведены въ исполненіе. — Судъ оправдалъ разбойника въ томъ, что онъ стрѣлялъ изъ ружья, и приговорилъ его повѣсить за то, что онъ, стрѣляя изъ ружья, убилъ сограждани̇на. Безполезное отвлеченіе! Итакъ, если возможно проявленіе воли, желающей быть вольною, отвлеченною отъ всякаго предмета, то это проявленіе будетъ дѣйствіе самое неопредѣленное: воля будетъ хотѣть не вѣдомо-чего, будетъ казаться не вѣдомо-чѣмъ, и сама она будетъ не вѣдомо-что. Но какъ скоро она захочетъ чего-либо внѣ себя, захочетъ быть волею дѣйствительной, вѣдомой (animus et corpus possidendi): то она тотчасъ подвергается всѣмъ условіямъ и ограниченіямъ.

Мнѣніе Савиньи. Недостатки его ученія весьма хорошо раскрыты противникомъ его Гансомъ 22). Главная мысль Г. Савиньи есть та, что владѣніе есть и фактъ и право вмѣстѣ; оно фактъ: ибо не есть право собственности; но оно и право: ибо ведетъ къ интердикту и завладѣнію. Для большей выразительности сего мнѣнія Гансъ ставитъ его въ правильнѣйшую позицію и объясняетъ: „чего недоставало владѣнію для удержанія за собою правомѣрности, то сообщила ему неправость посторонней силы, другими словами, доколѣ владѣлецъ продолжалъ спокойно владѣть, до тѣхъ поръ владѣніе его было не болѣе, какъ фактъ; но какъ скоро причинено ему насиліе, и нанесена обида: то владѣніе вдругъ стало правомъ и сообщило защиту интердикта. Противъ сего умствованія Гансъ основательно возражаетъ, что неправо, или обида тогда только возможна, когда есть право; никогда право не одолжается бытіемъ своимъ неправу; напротивъ неправо возникаетъ отъ того, что есть право: ибо самая сущность неправа не что иное, какъ отрицаніе права. Слѣдовательно обида потому только и обида (injuria), что она нарушаетъ право. Но какоежъ могло быть нарушеніе права, когда не было самого права, а былъ только фактъ — владѣніе? На сіе возраженіе есть отвѣтъ и, кажется, удовлетворительный (см. мнѣніе Рудорфа), но Савиньи не привелъ его въ своемъ трактатѣ о владѣніи. Онъ хорошо объяснилъ, что неправо заключается въ самоуправствѣ, что употребленіе силы есть поступокъ самъ по себѣ предосудительный; но недостаточность его мнѣнія заключается въ томъ, что онъ оскорбленіе относитъ къ лицу владѣльца, тогда какъ сей не долженъ былъ принимать его на свой щетъ, ибо никакое право у него не нарушено. Г. Савиньи весьма хорошо это чувствовалъ, и потому самоуправ-

ство назвалъ преступленіемъ формальнымъ. Но и противъ сего Гансъ основательно замѣтилъ, что эта обида — безъ предмета обиды, и потому невообразима. Савиньи дѣйствительно могъ основать свое мнѣніе на положеніи самаго Римскаго права. Преторъ говоритъ: „(я велю возвратить насильно и тайно завладѣнное) все равно имѣлъ ли (завладѣвшій) право къ насилію, или не имѣлъ; не смотря ни на что онъ подлежитъ пресѣченію (tenetur interdicto), потому что онъ *учинилъ насильственно или тайно: защищать свое право онъ долженъ былъ, а не обиду* (injuriam) *вспоминать*. fr. 1. § 2. D. 43. 24. Итакъ Преторъ даже *тайное* завладѣніе воспрещаетъ, и притомъ въ такомъ случаѣ, когда предметомъ сего завладѣнія была не чужая чья либо вещь, а своя собственная. Объ какой обидѣ упоминаетъ здѣсь Преторъ? Объ обидѣ ли, нанесенной тайнымъ завладѣніемъ, или объ мести, возбужденной вспоминаніемъ обиды? Мнѣ кажется, Преторъ именно разумѣлъ здѣсь месть, запрещенную законами, дѣло самоуправства, разрушающаго всѣ основанія общественнаго союза, что̀ и подразумѣвалось въ самомъ интердиктѣ сего начальника расправы.

Ученіе Г. Савиньи, кромѣ того, что кажется недоконченнымъ, имѣетъ еще порокъ непослѣдовательности, открытый и доказанный въ той же критикѣ Ганса. Онъ не удовлетворился однимъ началомъ объясненія, и, возражая противъ матеріялистовъ, основывающихъ законность интердикта на предположеніи, что владѣлецъ вещи могъ быть самъ хозяинъ, дозволилъ себѣ учинить съ ними сдѣлку, по выраженію Ганса, и отступить отъ собственнаго начала. Впрочемъ сей недостатотъ еще имѣетъ нѣкоторыя причины къ извиненію: именно Савиньи какъ бы неожиданно встрѣтилъ здѣсь новую трудность, сугубый характеръ интердикта, по которому онъ не только за-

щищаетъ отъ дѣйствія самовольной силы, но и уничтожаетъ ея послѣдствія, возвращая прежнему владѣльцу отнятую вещь, хотя бы она не принадлежала ему въ собственность. Дѣйствительно, здѣсь открываются два момента интердикта, несходные между собою; для возвращенія отнятаго требуется сильнѣйшее основаніе, чѣмъ для простой защиты онаго отъ дѣйствій самовольной силы: ибо насильственно отнявшій самъ близокъ къ выгодному состоянію владѣльца, и готовъ обратить интердиктъ противъ всякаго, кто осмѣлится нарушить его владѣніе. По опредѣленію Римскаго права, онъ не можетъ употребить интердикта только противъ владѣльца, у котораго самъ нарушилъ владѣніе, а противъ постороннихъ можетъ, на томъ основаніи, что онъ, какъ владѣлецъ, каково бы ни было его владѣніе, потому уже имѣетъ преимущество (plus juris habet), что владѣлецъ (fr. 1. § 30 D. 43. 16).

Мнѣніе Рудорфа считаю болѣе всѣхъ основательнымъ и принимаю за свое; но поставляю себѣ въ обязанность утвердить его изъ собственныхъ выводовъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Нельзя согласиться съ Гансомъ, когда онъ говоритъ, что владѣніе само въ себѣ имѣетъ основаніе своихъ правомѣрныхъ послѣдствій; но и не должно осуждать безъ разсмотрѣнія приведенное имъ объясненіе, что *владѣніе есть субъективная, начинающаяся собственность.* Дѣйствительно таково должно быть отношеніе владѣнія къ собственности, хотя эта близость не сообщаетъ ему никакой правомѣрности, точно такъ же какъ месть не есть правосудіе, наложничество не есть бракъ, грабежъ не

есть дозволенная промышленность. Во всѣхъ сихъ отношеніяхъ чувствуется бытіе законной цѣли, къ которой склоняется духъ человѣческій во внѣшнемъ своемъ проявленіи: но объективный разумъ не признаетъ въ нихъ правомѣрности и не пріемлетъ ихъ въ среду общественнаго союза. И другое выраженіе Ганса: „владѣніе переходитъ въ собственность, какъ скоро оно сообразно съ предписаніями всеобщей воли," также достойно замѣчанія, хотя и это недостаточно опредѣляетъ, что̀ такое объективная воля, а безъ сего самое владѣніе остается неопредѣленнымъ: именно когда оно бываетъ субъективная собственность, когда объективная. Напримѣръ, когда Римляне имущественную собственность (dominium bonitarium) не принимаютъ за собственность Квиритскую, т. е. собственность по Римскимъ законамъ, то должно ли считать ее только владѣніемъ, или дѣйствительною собственностію 23). Ясно, что Римскіе законы занимаютъ здѣсь мѣсто объективной воли, и законъ, признающій бытіе (dominium bonitarium) собственности имущественной, есть одно субъективное сознаніе. Но чье это субъективное сознаніе? Извѣстно, что оно есть право племенъ, всеобщій разумъ народовъ (jus gentium). Представимъ и другой примѣръ: когда Преторъ давалъ владѣніе имѣніемъ 24) покойника лицамъ, не имѣющимъ на сіе права по закону, то это владѣніе было также субъективная собственность, собственность только по всеобщему разуму народовъ, а не по Римскимъ законамъ. Очевидно, что Римляне превратно понимали субъективную и объективную волю: что́ было частнымъ, то они называли всеобщимъ, что́ было всеобщимъ, то называли частнымъ. И такъ что̀ такое всеобщая, объективная воля, какой ея отличительный признакъ? Изъ примѣра Римлянъ видѣли мы, что даже сознаніе общаго разума народовъ, со-

знаніе права естественнаго бываетъ не болѣе какъ субъективное сознаніе. Слѣдовательно сознаніе положительнаго закона есть всеобщій разумъ? — Но тотъ же примѣръ Римлянъ доказываетъ намъ, что это безконечное есть только временное, мнимо-безконечное, и даже самъ Римскій разумъ призналъ его таковымъ, когда выступилъ изъ тѣсныхъ предѣловъ національности. Итакъ сознаніе государства не есть еще сознаніе всеобщей воли. — Гансъ недостаточно опредѣлилъ и сознаніе частной воли, называя его безусловно *субъективнымъ*, однакожъ не абсолютно противуположнымъ всеобщему сознанію. Знаемъ, что даже пріобрѣтеніе и потеря владѣнія не абсолютно противуположны; однакожъ покуда мы въ тѣлѣ, и говоримъ о владѣніи въ пространствѣ и времени, мы не должны прибѣгать къ такимъ отчаяннымъ доказательствамъ, что владѣніе есть начинающаяся собственность. Гансъ приписываетъ частной волѣ только субъективное достоинство: напротивъ должно думать, что и въ частномъ лицѣ, такъ же какъ въ государствѣ, есть и субъективная и объективная воля, и что познаніе ихъ весьма важно для опредѣленія владѣнія, не только въ умозрѣніи, но и въ дѣйствительной жизни, въ положительныхъ законахъ. Кромѣ неразумнаго произвола въ человѣкѣ находится разумное начало — *совѣсть*, дѣйствующая вопреки произволу, отрицающая сей произволъ. Она имѣетъ всѣ достоинства воли всеобщей, объективной. Въ дѣлѣ владѣнія она столько важна, что, сообщая ему особенный характеръ, сопровождаетъ его выгоднѣйшими послѣдствіями. Владѣніе, одобряемое совѣстію (possessio bonae fidei), дѣйствительно можетъ замѣнять собственность, и всегда, а въ нѣкоторыхъ государствахъ исключительно ведетъ къ собственности, по истеченіи опредѣленнаго времени; напротивъ владѣніе *своимъ*, но не одобряемое совѣстію, разрушаетъ собственность

(fr. 32. §. 1. D. 41. 3.), хотя бы она была признана всеобщею волею. Если бъ можно было слышать гласъ совѣсти владѣльца, притомъ она была бы не погрѣшительна: то ея судъ былъ бы изреченіемъ самой истины; но въ дѣйствительной жизни не всегда можно полагаться на сіе внутреннее судилище. Владѣлецъ, не смотря на ясное осужденіе совѣсти, выдаетъ себя нерѣдко хозяиномъ (possessio mala fidei); иногда совѣсть, безукоризненная сама по себѣ, подвержена бываетъ заблужденіямъ (error facti), и однакожъ, не смотря на всѣ недостатки, это разумное начало, будучи повидимому субъективнымъ, призывается на помощь государственнаго сознанія, и нерѣдко рѣшаетъ его въ произнесеніи приговоровъ. По исторіи мы видимъ, что общество людей, прежде чѣмъ отважилось принять на себя званіе государства, при осужденіи преступника весьма часто дѣлало воззваніе къ совѣсти подсудимаго, и на основаніи ея произносило приговоръ. Итакъ, что жъ такое есть субъективная и что̀ объективная воля? Мы видѣли, что ни государственное сознаніе, ни совѣсть самого владѣльца не безусловно объективны, и что для государства въ началѣ казалось объективнымъ, то въ послѣдствіи самимъ имъ признается за субъективное, и наоборотъ, и что такимъ же превратностямъ подвержено и внутреннее объективное сознаніе — сознаніе совѣсти. Слѣдственно мы должны заключить, что объективное сознаніе есть только идея, къ которой стремятся законодательства, безъ надежды когда либо изобразить его въ своихъ временныхъ рукописаніяхъ, что законодательства носятъ званіе писаннаго разума только по отношенію ко времени и мѣсту, на которыхъ остановилось субъективное движеніе народнаго сознанія. Между тѣмъ общества не должны терять времени въ тщетномъ ожиданіи сего идеально-объективнаго сознанія. Они

должны итти впередъ подъ руководствомъ доброй совѣсти, и считать ее высшимъ закономъ, которому должны покорствовать всѣ частныя воли, руководимыя и доброй и недоброй совѣстію, слѣдственно *собственностію признавать владѣніе, одобряемое высшимъ добросовѣстіемъ*, владѣніе возведенное въ высшую инстанцію добросовѣстія. Могу превратить сіе сужденіе, и не смотря на то, не раздѣлять мнѣнія Ганса, который утверждаетъ, что *владѣніе есть начинающаяся субъективная собственность*, — не исключая и такого владѣнія, которое не имѣетъ на своей сторонѣ ни даже тѣни объективнаго сознанія, какъ напримѣръ владѣніе насильственное и подложное. Хотя такимъ образомъ владѣніе само по себѣ, безъ дальнѣйшихъ опредѣленій, не есть собственность, точно также какъ выраженіе „*соединеніе людей*,“ поставленное безъ опредѣленія — *какое*, не есть государство; однакожъ владѣніе и само по себѣ покровительствуется закономъ противъ насильства, обмановъ и подлоговъ. Мы знаемъ, что оно не заключаетъ въ себѣ ничего правомѣрнаго. Итакъ по чему-же оно пользуется симъ преимуществомъ? — Изъ послѣдующихъ выводовъ мы увидимъ, что *государство, защищая владѣніе, защищаетъ само себя*, а именно:

Въ началѣ не было ни владѣнія, ни собственности, а было только распоряженіе вещами: ибо недоставало признанія всеобщей воли, которая одна освящаетъ владѣніе въ собственность, и противополагаетъ его собственности. Первоначальное владѣніе было естественное дѣйствіе, безъ всякаго юридическаго характера: ибо вопросъ объ исключительныхъ правахъ при отношеніи человѣка къ природѣ представляется рѣшительно неумѣстнымъ: природа никогда не дѣлаетъ обиды (injuria), точно также, какъ человѣкъ никогда не оскорбляетъ природы: ибо самъ состав-

ляетъ часть ея. Но въ такомъ безправомъ состояніи можно вообразить только одного человѣка, или не болѣе какъ одно семейство, сосредоточенное въ лицѣ родоначальника. Все, что̀ заключается въ кругѣ семейства, безправо относительно главы его. Въ семъ состояніи общества столь же мало можно говорить о взаимныхъ правахъ членовъ семейства, ибо всѣ они суть какъ бы части одного цѣлаго. Но таковое безразличное состояніе тотчасъ прекращается, какъ скоро первоначальное семейство разрѣшилось на отдѣльныя семейства. По мѣрѣ того, какъ единство родоначальника разрозняется въ постепенномъ умноженіи потомства, и самая идея права начинаетъ свое постепенное развитіе. Гдѣ родственный союзъ, соединявшій первобытное семейство, союзъ плоти и крови, изчезаетъ, тамъ возжигается новая жизнь, зачинается живый союзъ духа, или откровеніе идеи права въ формѣ государства. Тамъ, гдѣ начинается противуположеніе, вмѣстѣ съ симъ начинается и юридическое отношеніе человѣка къ предметамъ природы. Противуположеніе есть душа, органическое начало общества; безъ него невозможны ни собственность, ни владѣніе. Съ раскрытіемъ противуположенія начинается стремленіе субъектовъ къ образованію и утвержденію собственности; но таково свойство противуположенія, что всѣ ихъ усилія оканчиваются ничѣмъ, и владѣніе никогда не достигаетъ званія собственности: самоуправство, охраняющее сіе двойственное, враждебное состояніе общества, непрерывно ее разрушаетъ. Двойство есть символъ разрушенія; оно непрерывно полагаетъ и непрерывно отрицаетъ общественное бытіе, и владѣніе возвращается на себя, какъ непризнанная собственность, словомъ, состояніе первобытной собственности имѣетъ слѣдующій видъ: *владѣніе чужимъ за свое*, *владѣніе своимъ за чужое*, и т. д. Сознаніе ни на минуту не можетъ

остановиться: — все находится въ движеніи, взаимномъ борсніи, въ непрерывномъ положеніи и непрерывномъ отрицаніи. Но какъ люди по единству рожденія отъ крови и духа не абсолютно противуположны (въ противникахъ лежитъ зачатокъ вѣчной правды): то междоусобная война изводитъ изъ среды себя третье состояніе общества. Появленіе *третьяго* останавливаетъ движеніе и въ одинъ моментъ полагаетъ раздѣленіе собственности отъ владѣнія. Владѣніе окаменѣло въ формахъ, оттиснутыхъ бореньемъ силъ. Съ появленіемъ *третьяго*, сколь бы оно ни было слабо въ своемъ началѣ, открывается новый періодъ общественнаго бытія. Съ нимъ начинается бытіе земскаго мира и постоянное развитіе объективнаго разума въ различныхъ племенахъ человѣчества. Выше было доказано, что совершенное откровеніе объективнаго разума есть только идеалъ, къ которому стремится общество; дѣйствительное объективное само въ себѣ есть не болѣе, какъ субъективное, священное нынѣ, растлѣнное завтра, слѣдовательно объективнымъ названо только по отношенію къ прежнему его состоянію. Между тѣмъ оно, протекая по всѣмъ частнымъ кругамъ обществъ, непрестанно поступаетъ впередъ и движется къ безконечной цѣли, постепенно утверждаясь среди многоразличныхъ племенъ въ видѣ олицетвореннаго разума, или монархіи. Прежде всего является оно среди самобытныхъ семействъ одного рода, а потомъ среди самобытныхъ родовъ одного племени, и простѣйшее выраженіе его есть старѣйшина рода, мирный судья, окруженный на судилищѣ своемъ однородцами. Но въ то время, какъ среди однородцевъ царствуетъ разумъ, называемый *миромъ*, другія племена того же рода состоятъ съ нимъ въ отношеніи враждебномъ, самый миръ между ними есть только отдыхающая, усталая брань; между ними нѣтъ мира:

ибо нѣтъ третьяго. Но какъ они не абсолютно противуположны: то и между ними изъ среды междоусобій возникаетъ третье, — но уже не родоваго свойства. Здѣсь не патріархальное лице старѣйшины, не олицетворенное третье открывается между враждующими, а третіе отвлеченное, безпристрастное, равнодушное къ обѣимъ сторонамъ. Оно называется *сторою договоровъ*. Договоръ есть актъ взаимнаго отрицанія субъективныхъ воль, какъ прекрасно изображаетъ Римлянинъ Ульпіанъ: „какъ двое изъ двухъ противуположныхъ мѣстъ сходятся иногда въ одно: такъ и въ договорахъ изъ двухъ противныхъ расположеній духа договаривающіеся *впадаютъ въ одну мысль* (fr. 1 § 2, 3. D. 2. 14). Въ договорѣ двое утверждаютъ одну мысль, одну волю, одно сознаніе. И такъ начало общаго между племенами суть договоры. Въ первомъ періодѣ оно называется *миромъ*, во второмъ, условномъ періодѣ — *вѣрою*. Вѣра (bona fides), служащая печатію договоровъ, есть совѣсть, слѣдовательно въ исполненіи договоровъ оказывается таже субъективная воля; совѣсть есть дурной стражъ договоровъ; невооруженная мечемъ она не спасаетъ общества отъ распаденія. Посему въ этомъ же періодѣ всеобщая воля перемѣняетъ свою форму: отрицается совѣсть какъ мнимо-объективное, и на мѣсто ея дѣлается воззваніе къ богамъ, хранителямъ мира, карающимъ нарушителей мира. *Присяга* утверждаетъ святость договоровъ. Но и это поручительство боговъ не спасаетъ общества отъ распаденія: ибо ихъ казни не страшатъ болѣе клятвопреступниковъ и не спасаютъ міръ отъ нарушителей. Являются собственно называемые посредники, безпристрастные къ обоимъ, но вооруженные, сильные на защиту угнѣтенной невинности: пробуждается требованіе недремлющаго земнаго провидѣнія — возникаетъ монархія, объективная совѣсть народа. Вотъ посто-

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА

янное восхожденіе всеобщаго разума изъ частныхъ сознаній!

Тому же закону слѣдуетъ и образованіе владѣнія въ собственность. Съ появленіемъ мира неподвижность составляетъ высшій законъ предметовъ собственности. Никакое движеніе, никакое преложеніе вещи съ мѣста на мѣсто не позволяется въ первобытномъ общественномъ союзѣ. Всякое пріобрѣтеніе вещи изъ постороняго владѣнія предполагается кражею, если поручительствомъ и свидѣтельствомъ третьихъ не будетъ доказано противное. Первоначальная собственность свидѣтельствуется старожилами и понятыми; пріобрѣтеніе посредствомъ передачи утверждается ручательствомъ и свидѣтельствомъ. Всякая собственность, незасвидѣтельствованная и неутвержденная поручительствомъ, есть только владѣніе. Наконецъ форма всеобщаго сознанія посредствомъ ручательства и свидѣтельства переходитъ въ письменные документы присутственнаго мѣста, подверженные въ теченіи времени многимъ видоизмѣненіямъ. Всякая собственность и распоряженіе, незасвидѣтельствованныя документомъ, остаются въ званіи владѣнія.

Какъ скоро утвердилось постоянное жительство семействъ, то въ тоже время утвердилось и постоянное мѣстопребываніе святыни. Водвореніе семействъ влечетъ за собою водвореніе боговъ. Боги подлежатъ однимъ законамъ съ смертными. Они питаютъ другъ къ другу ненависть, какая возжигается между людьми; они исполнены нетерпимости къ чуждымъ богамъ, какъ и люди ко всему чужеземному. Они суть настоящіе владѣтели земли, на которой живутъ семейства, состоящія подъ ихъ покровительствомъ. Предѣлы ихъ владѣнія святы. Всё, что впадаетъ въ предѣлы ихъ, приносится имъ въ жертву. Было время, когда иноземецъ, брошенный даже случайно на свя-

щенную землю боговъ, приносился имъ въ жертву какъ нарушитель святыни и божескаго мира. Иноземцы считались неосвященными, нечистыми, и прохожденіе ихъ чрезъ землю считалось осквернені-емъ земли. Страна, подобно личности ея обитателей, была непроницаема для чужеземца. Священнымъ считалась не только земля, но и всѣ вещи, находящіяся на ней. Онѣ святы богамъ, неприкосновенны для людей. Это можно назвать генеральнымъ освященіемъ земли, принадлежащей цѣлому племени; но какъ генеральное безъ спеціальнаго не существуетъ: то таже неприкосновенность земли принадлежитъ родамъ и семействамъ. Каждое жилище есть какъ бы храмъ, посвященный семейственному богу, хранителю жилища и межей, отдѣляющихъ семейственную землю отъ другихъ сосѣдственныхъ земель. Одно вступленіе на землю есть уже осквернение земли; вторженіе въ домъ есть святотатство, оскорбленіе святыни семейственнаго бога. Таже неприкосновенность утверждается договорами между враждебными племенами. Постановленіе мира между людьми есть вмѣстѣ положеніе мира между боговъ. Между богами погасаетъ вражда и нетерпимость. Они взаимно сознаютъ свою божественность и хранятъ миръ, подобно смертнымъ существамъ. Боги дѣлаются судіями, хранителями мира и мстителями за нарушеніе онаго. Главный законъ сего условнаго состоянія племенъ и родовъ — „*не преставлять межу*“ т. е. всякое движеніе за предѣлы межи своей считать насильствомъ, нарушеніемъ мира, преступленіемъ. Миромъ святится владѣніе, а миръ не что иное есть, какъ неподвижное стояніе вещей, и потому все, что̀ застигнуто миромъ, свято и неприкосновенно. Все прошедшее предано забвенію. Что̀ было владѣніемъ, то стало собственностію. Земля и все, что̀ на ней,

признается неприкосновеннымъ. По этому всякое вторженіе на чужую землю становится нарушеніемъ мира, нарушеніемъ спокойнаго владѣнія. Даже преслѣдованіе разбойника на землѣ союзной есть нарушеніе святости земли, отрицаніе властей ея. Законодательства сохранили до сего времени законъ неприкосновенности владѣній. Насильствомъ считается вторженіе въ предѣлы чужаго владѣнія. Законы позволяютъ отражать его частною силою по праву самозащищенія; но тамъ, гдѣ оканчивается владѣніе, самомститель долженъ остановиться; ибо преслѣдованіе нарушителя въ предѣлахъ его владѣнія есть новое нарушеніе владѣнія. *Что взято и положено, то свято*: ибо жилище и земля похитителя также святы и неприкосновенны. Итакъ самозащищеніе есть первая, непосредственная форма интердикта. Но когда владѣлецъ, чувствуя себя безсильнымъ, на помощь призываетъ силу закона, тогда открывается новая форма интердикта. Правительство имѣетъ право вторгнуться въ предѣлы похитителя, и отнятое возвратить обиженному: ибо правительство, какъ всеобщій разумъ, насильства не творитъ: *оно повсюду въ предѣлахъ своего владычества*. И такъ основаніе интердикта въ первомъ періодѣ общества есть осквернніе земли нечистыми стопами чужеземца, оскорбленіе величества боговъ; во второмъ періодѣ, когда объективное, или божественная воля открывается въ лицѣ земныхъ властей, основаніемъ интердикта служитъ оскорбленіе властей, отрицаніе ихъ званія, разрушеніе общественнаго союза, слѣдовательно преступленіе политическое, а не частное. Отрицаніе властей есть матерія сего преступленія.

ОТНОШЕНІЕ ВЛАДѢНІЯ КЪ СИСТЕМѢ ГРАЖДАНСКАГО ПРАВА.

Савиньи, утверждая, что владѣніе само по себѣ есть только фактъ, не имѣющій въ себѣ ничего юридическаго, не относитъ его ни къ какому разряду правъ. Но когда оно становится началомъ юридическихъ послѣдствій, продолжаетъ онъ, то въ системѣ права непремѣнно занимаетъ какое либо опредѣленное мѣсто. Юридическія его послѣдствія суть интердиктъ и давность. Поелику интердиктъ основывается на обидѣ, а обида принадлежитъ къ обязательствамъ, возникающимъ изъ преступленія (obligatio ex delicto): то и слѣдуетъ отнести его къ сему разряду правъ. Что̀ касается до другаго правомѣрнаго послѣдствія владѣнія — давности: то, поелику давность служитъ средствомъ пріобрѣтенія собственности, владѣніе должно относиться къ разряду права вещей. Послѣднее опредѣленіе не подлежитъ спору; но первое, какъ основанное на особенномъ воззрѣніи Г. Савиньи, не можетъ быть принято за истинное. Не только противники сего мнѣнія, но и самъ Г. Савиньи не имѣлъ необходимости помѣщать его въ столь тѣсномъ кругѣ опредѣленія, когда самъ утверждаетъ, что нарушеніе владѣнія есть нарушеніе правъ личности. Если разсматривать владѣніе даже и по системѣ Римскаго права: то и здѣсь оно единственно потому можетъ относиться къ обязательствамъ по преступленію, что за нарушеніе нѣкоторыхъ правъ личности положено денежное удовлетвореніе; слѣдовательно тамъ, гдѣ нѣтъ денежнаго удовлетворенія, или гдѣ интердиктъ вовсе не имѣетъ цѣлію никакаго удовлетворенія, владѣніе къ праву обязательствъ отнесено быть не можетъ. Искъ объ обидѣ, имѣющій цѣлію не денежное удовлетвореніе, а испрошеніе защиты закона противъ насилія, относится не къ

гражданскому, а къ уголовному или полицейскому праву. Въ этомъ отношеніи Редакторы Россійскаго Свода Законовъ поступили совершенно сообразно началамъ теоріи владѣнія: они помѣстили его въ Полицейскомъ Уставѣ, и потомъ въ книгѣ Гражданскихъ Законовъ о производствѣ безспорныхъ дѣлъ, гдѣ именно говорится объ обязанности полиціи по предмету защиты владѣнія 25). Денежное или вообще вещественное вознагражденіе за обиду, почему можно было бы поставить владѣніе въ правѣ обязательствъ, не есть существенное слѣдствіе интердикта; оно имѣетъ мѣсто тогда, когда владѣніе уже нарушено и причинены убытки, а интердиктъ является и тамъ, гдѣ угрожаютъ только владѣнію и пользамъ владѣльца, т. е. гдѣ угрожаютъ только нарушеніемъ правъ. Даже интердиктъ о возвращеніи владѣнія (interdictum recuperandae possessionis) вовсе не имѣетъ цѣлію возвращеніе владѣльцу вещей, *ему принадлежащихъ*, ибо до ихъ принадлежности ему дѣла нѣтъ; — онъ направленъ единственно къ тому, чтобы уничтожить насильство въ его послѣдствіяхъ, какъ дѣйствіе ничтожное по своей природѣ. Интердиктъ устремляется всюду, не только по просьбѣ обезпокоеннаго въ своемъ владѣніи, но и по собственному побужденію исправника, претора и т. д., въ случаѣ, когда насильство остается безгласнымъ. Его назначеніе разрушить силу, направленную на разрушеніе, отрицать отрицаніе властей: „vim fieri veto.“ Слѣдовательно истцомъ является здѣсь самъ законъ, хотя бы вовсе не было иска со стороны обиженнаго.

По системѣ Ганса владѣніе, какъ начинающаяся собственность, согласно ученію *Мюленбруха*, занимаетъ мѣсто въ разрядѣ права вещей, безъ различенія его правомѣрныхъ послѣдствій — интердикта и давности 26). Напротивъ Пухта, сообразно оригинальной своей теоріи, ставитъ его на ряду съ безъ-

условными правами на жизнь, состояніе и честь. Но какъ выше доказано, что владѣніе безъ предмета есть понятіе совершенно пустое, равно какъ и воля, хотящая самой себя: то владѣніе Пухты какъ понятіе вездѣ - и нигдѣ - сущее вовсе не имѣетъ надобности въ опредѣленномъ мѣстѣ между правами, — и остроумное его возраженіе противъ Ганса гораздо легче примѣнить къ его собственной классификаціи: „ничто — такая вещь, которая можетъ стоять гдѣ угодно; ему вездѣ хорошо; никто его не потѣснитъ, и само мѣста у другихъ не отниметъ“ 27). Показавши, что̀ есть владѣніе, и что̀ служитъ основаніемъ его правомѣрныхъ послѣдствій, приступимъ къ изложенію условій, при которыхъ оно возможно и скажемъ *a*) о пріобрѣтеніи владѣнія, *b*) о дѣйствительномъ бытіи владѣнія, c) о прекращеніи владѣнія.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О ПРІОБРѢТЕНІИ И ПРЕКРАЩЕНІИ ВЛАДѢНІЯ.

A.) Пріобрѣтеніе владѣнія.

Даже Гегель, философъ крѣпкій въ трудахъ мышленія, ничего не могъ сказать объ условіяхъ владѣнія, кромѣ того, что оно выражается или тѣлеснымъ взятіемъ, или образованіемъ, или означеніемъ вещи 28). Философъ не въ состояніи продолжать дальнѣйшихъ опредѣленій самосознанія, если опытъ не поведетъ его по излучистымъ явленіямъ дѣйствительнаго бытія. Ни одинъ предметъ права гражданскаго не требуетъ столь глубокаго вниманія къ различнымъ по-

ложеніямъ вещей относительно человѣческаго сознанія, какъ владѣніе. Поставленное подъ непосредственнымъ выраженіемъ духа во внѣшней природѣ, оно принимаетъ на себя всѣ оттѣнки его опредѣлимости; сознаніе и физическая сила печатлѣются на немъ всѣми своими измѣненіями. Дѣйствительно, владѣніе носитъ на себѣ образъ духа, падшаго въ предѣлы пространства и времени, и первая глубина сего паденія есть органическое тѣло, первородная форма духа и первоначальный предметъ освоенія. Все дальнѣйшее образованіе владѣнія есть какъ бы продолженіе паденія одного и того же духа въ бездну природы. Повидимому, всего далѣе отъ сихъ воззрѣній практическая философія Римскихъ юриспрудентовъ, имѣвшая дѣло не съ міромъ идей, а съ міромъ дѣйствій; но къ удивленію нашему здѣсь-то мы и находимъ все могущество классическаго самосознанія, и превосходство его предъ новѣйшимъ. Казалось, здравый смыслъ Римлянъ, начавъ съ темнаго ощущенія и проникнувъ всю толщу эмпиріи, возвратился побѣдителемъ въ область идеальнаго воззрѣнія. Въ опредѣленіяхъ юридическаго самосознанія Римское право оказало великія услуги: ибо въ немъ только находимъ мы идеальное и матеріяльное основаніе собственности въ ихъ взаимномъ отвлеченіи и сліяніи. Изъ того, что владѣніе есть выраженіе духа во внѣшнемъ мірѣ, непосредственно объясняется, почему Римская юриспруденція разсматриваетъ его какъ *душу и тѣло* въ ихъ нераздѣльномъ сліяніи и взаимномъ отвлеченіи. Нельзя представить владѣнія, въ которомъ бы не участвовало духовное начало, *сознаніе и воля*, точно также какъ невозможно представить его безъ *физической силы*, посредствомъ которой духъ дѣйствуетъ на природу, и природа дѣйствуетъ на духъ.

а. духовный дѣятель владѣнія

(animus possidendi).

Духъ самъ по себѣ есть существо неопредѣленное. Не будучи направленъ къ міру конечному, онъ покоится въ глубинѣ безконечнаго, и остается непостижимъ для нашего сознанія; но, когда онъ обращенъ къ міру ограниченному, то, будучи самъ по себѣ единый и нераздѣльный, построевается въ организмъ противуположныхъ силъ, гдѣ каждое отправленіе принимаетъ опредѣленную форму, однимъ словомъ, духъ является въ ограниченіи. Его сознаніе и воля дѣлаются опредѣленными; а изъ сего необходимо слѣдуетъ, что самый предметъ сихъ дѣйствій становится опредѣленнымъ. Когда же нѣтъ ни того, ни другаго, то владѣніе не существуетъ. При семъ излишне упоминать, что міръ въ его цѣлости, какъ предметъ для нашего сознанія неопредѣленный, не можетъ быть предметомъ владѣнія, равно какъ и то, что̀ опредѣленно само по себѣ, но неопредѣленно относительно человѣческихъ силъ, что̀ не можетъ образоваться въ индивидуальный предметъ, сообразно индивидуальной формѣ духа. Стихійные предметы, воздухъ, свѣтъ и океаны не могутъ быть предметами индивидуальнаго обладанія: ибо они составляютъ какъ бы земное безконечное въ его чистомъ, отрѣшенномъ состояніи. Итакъ сущность духовнаго условія въ дѣйствіи владѣнія состоитъ въ томъ, чтобы сознаніе и воля были индивидуальны; посему тамъ, гдѣ нѣтъ сей индивидуальности, владѣніе не существуетъ, и всякое сознаніе и воля, взятыя отвлеченно или взаимно себѣ противурѣчущія, разрушаютъ владѣніе въ самомъ его началѣ. Сіе условіе исполняется дѣйствіемъ духа, по которому онъ, сознавая бытіе опредѣленнаго предмета, хочетъ имѣть его *своимъ* (animus sibi habendi). Когда мы говоримъ, что

для владѣнія требуется индивидуальное сознаніе и воля: то непосредственно представляется вопросъ: a) кто можетъ пріобрѣсть владѣніе, b) при какомъ условіи предметы природы могутъ подлежать владѣнію.

a. *Субъективное условіе духа.*

Вопросъ, въ которомъ способность сознанія и воли разсматриваются сами по себѣ, рѣшается слѣдующимъ положеніемъ: *всякой человѣкъ, имѣющій возможность сознавать и хотѣть, въ состояніи пріобрѣтать владѣніе.* Слѣдственно владѣнія не могутъ пріобрѣтать всѣ тѣ, въ коихъ недостаетъ сихъ условій. Посему безумный, поелику въ немъ отрицается крайняя (minimum) мѣра человѣческаго сознанія и воли, пріобрѣтать владѣнія не можетъ. Сумашедшіе, какъ лица, въ коихъ сознаніе и воля выступивъ изъ опредѣленнаго состоянія, перестали быть индивидуальными, также не могутъ пріобрѣтать владѣнія. Душевная дѣятельность сумашедшаго въ своей энергіи не уничтожена; всѣ его мысли и желанія индивидуальны, но порокъ ихъ заключается въ томъ, что онѣ направлены къ взаимному ихъ отрицанію. Сумашедшій, что̀ ни дѣлаетъ, ничего не дѣлаетъ. Къ разряду сумашедшихъ могутъ быть отнесены временно сумашедшіе — пьяные, какъ выступившіе изъ состоянія индивидуальнаго въ неопредѣленное; по крайней мѣрѣ нѣкоторыя законодательства, не признавая въ нихъ сознанія и воли, уничтожаютъ дѣйствія ихъ, или требуютъ подтвержденія, по возвращеніи въ трезвое состояніе (ratihabitio). Въ самой малой степени къ сумашедшимъ можно отнести преданныхъ гнѣву; ибо и въ нихъ заключается нѣкоторое расположеніе отрицать самихъ себя. Впрочемъ всѣ сіи состоянія сознанія и воли въ точности

могутъ быть опредѣлены только положительными законами. Къ разряду лицъ, не имѣющихъ индивидуальнаго сознанія и воли, относятся *малолѣтные*. Въ нихъ до извѣстныхъ лѣтъ по законамъ не признается надлежащая сила и употребленіе душевныхъ способностей. Но и здѣсь точнѣйшее опредѣленіе возраста, въ которомъ не признается способность пріобрѣтать владѣніе, зависятъ отъ благоусмотрѣнія законодателей. Къ разряду лицъ, не имѣющихъ никакаго сознанія и воли, въ нѣкоторыхъ законодательствахъ причисляются рабы. Они дѣйствительно имѣютъ сознаніе и волю, но только не для себя, а для своихъ господъ, и потому могутъ пріобрѣтать владѣніе только для нихъ, а не для себя (alteri possident) 29).

Кромѣ физическихъ лицъ, субъектомъ правъ Римское законодательство принимаетъ такъ называемыя *нравственныя лица*. Поелику владѣніе требуетъ индивидуальной личности, а нравственныя лица ея не имѣютъ, ибо, по выраженію Римскаго права, сіи лица *uni consentire non possunt* (fr. 1. §. 22. D. 41. 2.): то и пріобрѣтать владѣнія не могутъ. Физическое лице есть живое понятіе духа, воля живая и дѣйствительная; напротивъ всякое лице нравственное есть бытіе отвлеченное, мертвое, умственному воззрѣнію, а не чувствамъ подлежащее: слѣдовательно Римское Право въ семъ случаѣ полагаетъ совершенно послѣдовательно. Къ симъ нравственнымъ лицамъ относятся общества, коллегіи, казна, церкви, монастыри, училища и другія подобныя симъ установленія. Всѣ они, какъ лица, лишенныя живаго сознанія и воли, называемой обыкновенно *свободною*, не могутъ пріобрѣтать владѣнія. Посему юриспруденція среднихъ вѣковъ весьма справедливо называетъ ихъ *мертвыми лицами, мертвой рукой* (persona mortua, manus mortua). Они не могутъ ни пріобрѣтать, ни терять, не могутъ защищаться, не могутъ даже дѣ-

лать преступленій: ибо „*общества никогда не согрѣшаютъ*“ 30). Итакъ всѣ сіи лица, какъ мертвыя, пріобрѣтать владѣнія не могутъ.

Но Римское Право неистощимо въ своей послѣдовательности. Есть лица, коихъ бытіе необходимо для дополненія системы частнаго права: безъ нихъ оказались бы пустоты въ системѣ правъ собственности, и рушилась бы органическая связь духа съ предметами внѣшней природы. По сей причинѣ юриспруденція прибѣгаетъ къ вымысламъ и вводитъ лица особеннаго рода, называемыя вымышленными лицами (personae fictae). Къ симъ принадлежитъ наслѣдство, какъ совокупность имуществъ (universitas rerum), оставшихся послѣ умершаго, но еще не наслѣдованныхъ. Причиною сего вымысла полагать должно то, что имущество по смерти бездѣтнаго владѣльца первоначально считалось безхозяйнымъ — „*res nullius*“ (fr. 37. §. 1. D. 41. 3.), слѣдовательно принадлежало первому по времени занимателю; но потомъ, когда право наслѣдованія утвердилось и за другими родственниками: то законъ, для сохраненія наслѣдства отъ расхищенія, воображалъ, что душа умершаго до тѣхъ поръ не разлучалась съ имуществомъ, доколѣ путь его на землѣ оставался не наслѣдованнымъ. Сей вымыслъ совершенно естественъ въ народѣ первобытномъ. Такъ у Грековъ тѣнь умершаго, не отмщенная или по небреженію наслѣдниковъ, или за неимѣніемъ рода, блуждала въ странѣ смерти не успокоенная и безотрадная. По понятію древнихъ Германцевъ душа умершаго также не вдругъ разставалась съ своимъ жилищемъ и имуществомъ; поэтому наслѣдники должны были на нѣсколько дней воздержаться отъ вступленія во владѣніе оставленнаго наслѣдства. Слѣдовательно весьма естественно, что во все пространство времени отъ открытія наслѣдства до ввода во владѣніе наслѣдника имущество оставалось за умершимъ. По чему у

Римлянъ образовалось положеніе: „hereditas jacens personam defuncti sustinet“. — Но какъ душа умершаго низпала въ страну, гдѣ царствуетъ неопредѣленная воля: то по недостатку живой, индивидуальной воли, она пріобрѣтать владѣнія не можетъ, т. е. оставленное наслѣдство владѣнія не пріобрѣтаетъ 31).

Наконецъ Римская юриспруденція не оставляетъ безъ вниманія не только лица, отшедшія въ иную страну изъ здѣшней жизни, но и входяція въ сей міръ. — Какъ скоро она завидитъ начатокъ (embryo) будущаго человѣка, то, хотя онъ и не имѣетъ еще индивидуальной личности отдѣльно отъ чрева матери, однакожъ, когда на землѣ дѣла коснутся его пользы, жизненосное чрево матери (venter) представляется юридическимъ лицемъ, и съ правами собственности. Чтожъ касается до владѣнія, то поелику для сего требуется живая, индивидуальная воля, а чрево ея не имѣетъ: то, естественно, и пріобрѣтать владѣнія оно не можетъ 32).

Хотя всѣ сіи лица сами собою пріобрѣтать владѣнія не могутъ, однакожъ законодательства, признавая въ нихъ права на собственность, дополняютъ сей недостатокъ живымъ и дѣйственнымъ сознаніемъ физическихъ лицъ, и т. о. дѣлаютъ возможнымъ владѣніе для тѣхъ, кои сами по себѣ имѣть его не могутъ. Сіи лица суть *предстатели* 33). Такъ общества пріобрѣтаютъ владѣніе чрезъ президентовъ, настоятелей, видамовъ (vicedomini), защитниковъ (advocatus), прокураторовъ, стряпчихъ, повѣренныхъ. Сіи-то предстатели овеществляютъ и животворятъ въ лицѣ своемъ отвлеченную, мертвую волю нравственныхъ лицъ. Даже общества, имѣющія званіе государствъ, остаются мертвыми, доколѣ живая воля верховнаго повелителя не сообщитъ имъ индивидуальнаго сознанія и воли. Посему государство для того, чтобъ быть ему живымъ понятіемъ, полнымъ и докончанымъ, однимъ сло-

вомъ, быть идеею, необходимо осуществляется въ лицѣ монарха. Одинъ монархъ собственно является владѣльцемъ земли. Такимъ же образомъ и частныя лица, лишенныя живаго сознанія и воли, дополняютъ сей недостатокъ: малолѣтные опекунами, сумашедшіе и безумные попечителями, оставленное наслѣдство казеннымъ присмотромъ, нерожденные попечителями. Но рабы, по закону объявленные безголовыми или безрукими (capite maxime minuti, manus mortua), сами въ себѣ заключаютъ только половину условій для владѣнія—тѣло (corpus—naturaliter tenent, naturaliter possident); но духъ владѣнія, пріобрѣтеннаго рабами, живетъ въ лицѣ ихъ господина (domino possident).

Но какъ физическія лица, способныя къ пріобрѣтенію владѣнія, по множеству и разнообразію занятій, не всегда могутъ сами пріобрѣтать: то законодательства даруютъ имъ средства достигать сей цѣли посредствомъ другихъ лицъ, имъ равныхъ званіемъ, или чрезъ рабовъ, отъ нихъ независящихъ. Главное отличіе сихъ представителей отъ тѣхъ, кои своею индивидуальною волею замѣняютъ личность отвлеченныхъ субъектовъ, состоитъ въ томъ, что послѣдніе заступаютъ нравственныя лица всею своею личностію, сполна: напротивъ представители способныхъ физическихъ лицъ совершаютъ для нихъ только одинъ актъ или частную совокупность актовъ индивидуальной воли и сознанія. Сіе отношеніе называется препорученіемъ, или дѣйствіемъ по довѣренности. Но чтобъ для довѣрителя могло быть пріобрѣтено владѣніе чрезъ повѣреннаго, то со стороны духовныхъ условій требуется: a) сознаніе и воля въ лицѣ повѣреннаго, съ тою цѣлію, чтобъ пріобрѣсть ее не для себя, а для довѣрителя, b) сознаніе и воля пріобрѣсть владѣніе въ лицѣ довѣрителя — собственно для себя, а не для посторонняго лица. Слѣдовательно, если повѣренный пріобрѣлъ владѣніе по

приказу довѣрителя, то и продолжаетъ владѣть на его имя, хотя бъ въ послѣдствіи и вознамѣрился владѣть вещію для себя. Онъ тогда только начинаетъ владѣніе для себя, когда на требованіе довѣрителя о выдачѣ вещи отвѣтствовалъ, что владѣетъ оною для себя. Въ дѣлѣ препорученія особенную важность имѣетъ опредѣленіе момента, съ котораго начинается владѣніе для довѣрителя по довѣренности частной и общей. По довѣренности перваго рода, т. е. когда довѣряется единственный актъ, различаются три момента: a) отдача приказа, b) дѣйствительное пріобрѣтеніе повѣреннымъ (apprehensio rei), c) сознаніе о семъ довѣрителя. Первый моментъ выражаетъ одно желаніе безъ исполненія, слѣдовательно не заключаетъ еще владѣнія; вторый моментъ выражаетъ исполненіе пріобрѣтенія, но безъ сознанія о семъ довѣрителя, слѣдовательно здѣсь есть собственность, но нѣтъ еще владѣнія. Для довѣрителя оно начинается съ третьяго момента, т. е. съ сознанія его о томъ, что данное имъ порученіе исполнено. По крайней мѣрѣ такъ слѣдовалобы изъ положенія Римской юриспруденціи: „ignoranti possessio non adquiritur.“ Но какъ польза частныхъ лицъ требовала большей безпрепятственности въ пріобрѣтеніи владѣнія: то узаконеніемъ императоровъ Севера и Антонина дозволено чрезъ свободныя лица пріобрѣтать владѣніе тотчасъ по исполненіи порученія, съ такимъ ограниченіемъ, чтобы срокъ для давности владѣнія начинался не прежде сознанія о семъ довѣрителя (const. 1. 8. C. 7. 32). Ульпіанъ утверждаетъ тоже самое („protinus acquirit“) 34). Чтожъ касается до общаго препорученія, то пріобрѣтеніе владѣнія по довѣренности сего рода должно разсматривать по правиламъ Римскаго дѣтскаго или рабскаго особеннаго имѣнія (peculium) 35). Когда повѣренный или управитель пріобрѣтаютъ вещь по собственному сознанію и же-

ланію, но въ предѣлахъ довѣренности, или съ тѣмъ, чтобъ употребить ее на пользу порученнаго имъ дѣла или имѣнія, то владѣніе для довѣрителя начинается тотчасъ по пріобрѣтеніи, хотя бы онъ не имѣлъ о семъ никакого свѣденія. Но нельзя приписывать ему владѣнія, пріобрѣтеннаго повѣреннымъ недобросовѣстно: ибо изъ довѣренности сіе не слѣдуетъ. По крайней мѣрѣ по истеченіи срока давности довѣритель можетъ ли воспользоваться возраженіемъ противъ хозяина и обратить вещь въ собственность? — Римское право сего не допускаетъ 36).

При опредѣленіи сознанія и воли въ дѣлѣ владѣнія заслуживаетъ особеннаго вниманія доброта или порокъ сего сознанія (causa justa et vitium possessionis). Сіе опредѣленіе особенно важно для тѣхъ законодательствъ, кои допускаютъ давность подъ условіемъ, чтобы начало владѣнія имѣло какой либо законный предлогъ (titulus justus); впрочемъ имѣетъ мѣсто и тамъ, гдѣ для давности хотя и не требуется другаго титла кромѣ владѣнія, однакожъ при вопросѣ о вознагражденіи владѣнія и вообще убытковъ обращается вниманіе на доброту владѣнія. Порочное владѣніе не избавляетъ владѣльца отъ возвращенія доходовъ. Римское Право относительно доброты сознанія постановило правиломъ: „*никто самъ себѣ основанія владѣнія перемѣнить не можетъ*“ 37). Положеніе основано на глубокомъ познаніи началъ владѣнія. Дѣйствительно, ничто не можетъ быть справедливѣе той мысли, что сознаніе основанія, единожды образовавшись въ духѣ владѣльца, не можетъ измѣниться по собственному его произволу. Это основный законъ юридической логики! Кто сознаетъ, что онъ владѣетъ не по праву, тотъ не можетъ въ то же время сознавать, что онъ владѣетъ по праву. Сіе знаменитое положеніе весьма обильно послѣдствіями. Кто принялъ имѣніе въ оброчное содержа-

ніе, тотъ самъ собою не въ силахъ замѣнить его новымъ какимъ либо предлогомъ, — напримѣръ считать его купленнымъ въ собственность, или наслѣдованнымъ отъ отца. Разбойникъ не можетъ начать думать, что онъ граблennою вещію владѣетъ по праву наслѣдника и т. п. Владѣлецъ можетъ скрыть отъ другихъ неправое основаніе своего владѣнія, но самъ себя обманывать ни коимъ образомъ не можетъ. Въ тѣхъ законодательствахъ, кои допускаютъ давность только въ пользу владѣнія, имѣющаго законный предлогъ (justus titulus), заслуживаетъ вниманіе вопросъ: при измѣненіи сознанія измѣняется ли титло владѣнія? — и при переходѣ владѣнія, добросовѣстіе преемника смываетъ ли порокъ съ владѣемой вещи? — На первое Римская юриспруденція отвѣтствуетъ: „Mala fides superveniens non nocet“ (ср. fr. 5 D. 44. 3. fr. 4 § 18 D. 41. Const. I. C. 7. 31.). Римскій юристъ Ульпіанъ при вопросѣ объ основаніи владѣнія велитъ разсматривать не продолженіе, а начало владѣнія. Чтожъ касается до втораго, то Римская юриспруденція различаетъ два случая: a) въ преемничествѣ частномъ прежнее недобросовѣстіе не передается преемнику, b) въ преемничествѣ общемъ, поелику личность умершаго и наслѣдника сливаются воедино, недобросовѣстіе перваго продолжается во владѣніи втораго (fr. 5 D. 44. 3. — fr. 11. ibid.). По опредѣленію императоровъ Аркадія и Гонорія, „*прирожденные отъ предковъ пороки владѣнія сопровождаютъ ихъ преемниковъ.*“ (Const. 11. c. 7. 32) 38). Не всѣ однакожъ законодательства одинаково строги къ преемникамъ недобросовѣстныхъ владѣльцевъ. Англійскіе законы не вмѣняютъ преемникамъ пороки ихъ предшественниковъ, а Французскіе — допускаютъ даже раздѣленіе титла при переходѣ части предмета отъ перваго владѣльца къ послѣдующимъ пріобрѣтателямъ, такъ что половиною пред-

мета первый пріобрѣтатель можетъ владѣть не добросовѣстно, а другою половиною преемники его добросовѣстно, по купчей, даренію и т. п. 39). Кромѣ вышеозначенныхъ случаевъ Римское Право полагаетъ возможнымъ споръ многихъ основаній на одинъ и тотъ же предметъ владѣнія, такъ напр. когда наслѣдникъ при жизни завѣщателя тайно завладѣлъ вещію, сему принадлежащею, но потомъ въ завѣщаніи признанъ наслѣдникомъ во всемъ имѣніи и вступилъ во владѣніе. Здѣсь собственно два основанія владѣнія, незаконное и законное; но Римское право въ семъ случаѣ первоначальный порокъ владѣнія покрываетъ добротою послѣдующаго основанія 40). Французское право запрещаетъ дѣлить предлогъ владѣнія, въ томъ намѣреніи, чтобъ по одному и тому же предмету получить выгоды и избавиться отъ невыгодъ владѣнія 41). Сознаніе не можетъ измѣняться по произволу владѣльца; но это не препятствуетъ ему подвергнуться перемѣнамъ по различнымъ обстоятельствамъ и условіямъ, зависящимъ частію отъ произвола самаго владѣльца, а частію отъ дѣйствій постороннихъ лицъ 42), такъ н. п. добросовѣстный владѣлецъ, по предъявленію иска со стороны хозяина вещи, начинаетъ владѣть недобросовѣстно. Оброчный владѣлецъ, совершивъ подложный актъ на принадлежность имѣнія въ собственность, симъ дѣйствіемъ перемѣнилъ себѣ основаніе владѣнія: чѣмъ прежде владѣлъ по найму, тѣмъ владѣетъ теперь по подложной купчей. Всѣ сіи опредѣленія важны по своимъ послѣдствіямъ, даже и въ тѣхъ законодательствахъ, гдѣ основаніе владѣнія не строго пріемлется въ разсмотрѣніе. Ниже увидимъ, что юриспруденція нашихъ дьяковъ сочувствуетъ иногда юриспруденціи государственныхъ людей древняго Рима.

b. *Опредѣленіе сознанія и воли относительно предмета.*

Въ сей части ученія Римскіе юристы не имѣютъ ни соперниковъ, ни подражателей въ новѣйшія времена. Сильные въ логическихъ выводахъ, они не останавливаются висзапными послѣдствіями своихъ началъ; тогда какъ въ наши времена подобныя умствованія навлекли бы подозрѣніе, что̀ умъ юриста выходитъ за предѣлы практическаго смысла. Постараемся дать симъ умствованіямъ такой видъ, чтобы они не казались маловажными по крайней мѣрѣ для теоріи. Римскіе юристы обыкновенно начинаютъ свои выводы съ простѣйшаго положенія, коего достоинство заключается именно въ томъ, что оно всегда *само собою разумѣется*. Главное положеніе, коимъ опредѣляется сознаніе относительно предмета, есть слѣдующее: „*предметъ неизвѣстный, или неопредѣленный, нельзя ни отчуждать, ни пріобрѣтать* 43)." Римское право требуетъ сего условія во всей строгости: „если многіе владѣютъ землею, и не знаютъ, кто чѣмъ или какою долею владѣетъ, тѣ въ строгомъ смыслѣ вовсе не владѣютъ". . . Впрочемъ опредѣленіе вещи допускается здѣсь не только непосредственное, но и посредственное, т. е. когда неизвѣстное опредѣляется извѣстнымъ, н. п. когда трое владѣютъ землею, изъ коихъ первому принадлежитъ $\frac{2}{5}$, второму $\frac{1}{5}$, а третьему остальное: то сія третія доля, неизвѣстная сама по себѣ, получаетъ опредѣленность отъ двухъ извѣстныхъ. Напротивъ нѣтъ владѣнія тамъ, гдѣ неизвѣстное опредѣляется такимъ же неизвѣстнымъ, н. п. „я передаю тебѣ землю, что̀ на мою часть придется, или передаю тебѣ все, чѣмъ владѣлъ Тицій 44). Такимъ образомъ Римская юриспруденція требуетъ, чтобы предметъ владѣнія былъ опредѣленъ логически-правильно, или описанъ такъ, чтобы можно было отличить его отъ всѣхъ

другихъ предметовъ (fr. 6 D. 6. 1.). Посему для опредѣленности сознанія требуется ближайшее родовое понятіе предмета, и потомъ видовое его отличіе; а одного родоваго признака недостаточно.

Въ слѣдствіе положенныхъ началъ самъ собою возникаетъ слѣдующій важный вопросъ: для сознанія предмета какая степень ясности требуется отъ пріобрѣтающаго владѣніе? — Извѣстно, что наши понятія имѣютъ три степени опредѣленности: a) понятіе ясное, b) понятіе раздѣльное, c) понятіе совершенное. Въ какой же степени опредѣленности требуется сознаніе предмета владѣнія? — Понятіе совершенное для насъ недостижимо; оно служитъ только идеаломъ нашихъ представленій о предметѣ, къ которому мы должны приближаться, безъ надежды когда либо достигнуть. Понятіе ясное, по которому отличаемъ одинъ предметъ отъ другаго, несомнѣнно принадлежитъ къ условіямъ юридическаго сознанія. Что же касается до раздѣльнаго понятія: то для рѣшенія вопроса Римская юриспруденція предлагаетъ слѣдующее дѣленіе предметовъ. Всѣ предметы владѣнія суть или величины математическія, или тѣла физическія. Къ первымъ принадлежатъ предметы однороднаго содержанія, опредѣляемые мѣрою, числомъ и вѣсомъ. Тѣла физическія бываютъ трехъ родовъ 45): „тѣла *перваго рода* суть недѣлимыя, проникнутыя однимъ духомъ (органическаго единства), называемыя погречески *ἡνωμένον*, н. п. человѣкъ, дерево, камень и т. п.; *вторыя* суть тѣла, сложенныя изъ многихъ другихъ тѣлъ (тѣла механическаго единства), называемыя погречески *συνημμένον*, на пр. зданіе, корабль, библіотека; *третьи* суть тѣла, составленныя изъ недѣлимыхъ тѣлъ, разсѣянныхъ въ пространствѣ безъ всякой видимой связи, но существующихъ подъ однимъ именемъ (тѣла идеальнаго единства), н. п. народъ, легіонъ, стадо.“ Итакъ въ какомъ же

видѣ требуется опредѣленность сознанія величинъ математическихъ и различнаго рода тѣлъ физическихъ? — Величина математическая бываетъ двоякаго рода, часть цѣлаго или доля цѣлаго. Перваго рода величина возникаетъ непосредственно изъ самаго свойства тѣлъ, н. п. количество вина, муки, монеты и т. п.; втораго рода величина возникаетъ тогда, когда предметъ самъ по себѣ есть тѣло недѣлимое, но подлежащее мысленному дѣленію, и превращаемое въ однородную цѣлость. Въ пріобрѣтеніи владѣнія величинъ математическихъ для сознанія требуется извѣстный вѣсъ, мѣра и число, смотря по роду количества 46). При семъ представляется вопросъ: когда кто, владѣя землею мѣрною, привладѣетъ отъ сосѣда часть къ своей землѣ, и этому пройдетъ время, достаточное для давности, то слѣдуетъ ли обращать владѣльцу въ собственность привладѣнный участокъ, когда онъ противъ мѣры окажется излишнимъ? — Въ вопросѣ заключается то условіе, что владѣлецъ считалъ въ своемъ владѣніи 100 десятинъ, а ихъ оказалось 150, слѣдовательно излишнія 50 не заключались въ его сознаніи. Вопросъ получитъ другой видъ, когда мы въ томъ же владѣніи переставимъ сознаніе и скажемъ, что владѣльцу принадлежали 100 десятинъ, а онъ думалъ, что 150, и дѣйствительно владѣлъ 150 десятинами. Римскій юриспруденгъ не только во второмъ, но даже и въ первомъ случаѣ не видитъ препятствія къ владѣнію и давности 47); но мы здѣсь не найдемъ владѣнія, если примемъ въ основаніе Римское же положеніе, по которому ошибка въ имени предмета не вредитъ владѣнію, ошибка въ вещи разрушаетъ владѣніе; а здѣсь, явно, ошибка относится къ вещи. Впрочемъ въ предметѣ земельнаго владѣнія трудно отдѣлить опредѣленіе мѣрою отъ опредѣленій урочищами, которыя всегда берутъ верхъ надъ опредѣленіемъ мѣрою,

точно такъ же, какъ мѣра надъ долею, — ибо мѣра урочищами, по своей наглядности и живописности, гораздо опредѣленнѣе мѣры математической. Какъ скоро хозяинъ, продавая мѣрную землю, самъ показалъ межу покупщику, то, хотябы послѣ и оказался излишекъ противъ мѣры, онъ не имѣетъ права требовать ни вырѣзки излишняго, ни прибавки въ цѣнѣ: ибо урочище всегда беретъ верхъ надъ математическою мѣрою. Для опредѣленности владѣнія по долямъ требуется, чтобъ числитель и знаменатель дроби непремѣнно были извѣстны, безъ чего владѣніе ни передается, ни пріобрѣтается.

Въ статьѣ о пріобрѣтеніи владѣнія тѣлъ физическихъ еще болѣе выразилось остроуміе Римскихъ юрисиспрудентовъ. Для пріобрѣтенія тѣлъ недѣлимыхъ требуется, чтобъ сознаніе имѣло видъ опредѣленія или описанія (demonstratio) 48). Ошибка въ имени не вредитъ; ошибка въ вещи разрушаетъ владѣніе 49). Когда Тицій продаетъ Мевію повара Филострата, а Мевій, покупая этого самаго повара, зналъ его подъ именемъ Мегакла, то сія ошибка ни сколько не вредитъ пріобрѣтенію владѣнія; напротивъ, если Тицій продавалъ кучера Аристиппа, а Мевій покупалъ повара Аристиппа же, то сія ошибка уничтожаетъ продажу. Итакъ для сознанія предмета недѣлимаго достаточно опредѣленія или описанія, по коимъ можно отличать его отъ всѣхъ другихъ предметовъ: слѣдовательно достаточно сознанія, называемаго *яснымъ понятіемъ*.

Гораздо труднѣе опредѣлить степень сознанія въ тѣлахъ механическаго единства. Достаточно ли знанія имени и мѣста для пріобрѣтенія владѣнія подобныхъ предметовъ, или требуется раздѣльное понятіе о всѣхъ частяхъ составляющихъ цѣлое? — Римскіе юрисиспруденты и здѣсь требуютъ не болѣе какъ логически-яснаго понятія, и заключаютъ свое мнѣніе въ слѣдующихъ довольно странныхъ по-

ложеніяхъ. „Кто владѣетъ цѣлымъ предметомъ, тотъ не владѣетъ частями онаго 50). У Римлянъ давность была не одинакова для вещей движимыхъ и недвижимыхъ. Первая совершалась въ теченіи года, вторая въ теченіи десяти лѣтъ. Посему, еслибъ требовалось раздѣльное владѣніе домомъ, владѣніе каждою частію особенно, то для завладѣнія дома въ собственность требовалось бы только годъ спокойнаго владѣнія: ибо домъ въ частяхъ своихъ есть имущество движимое, и только въ цѣломъ недвижимое. Сверхъ того по правилу раздѣльности сознанія не одинакова была бы давность для частей; каждая имѣла бы свое начало и свой особенный конецъ. Правило относится не только къ имуществамъ недвижимымъ, но и ко всѣмъ движимымъ, кои въ сложности своей представляютъ механическое единство. Кто владѣетъ колесницею, тотъ не владѣетъ колесами оной, — такъ что давность владѣнія частей изчезаетъ въ давности цѣлаго. Посему, если колесо присоединилось къ колесницѣ наканунѣ срока давности, то оно въ одинъ день совершаетъ свою давность, и вмѣстѣ съ колесницей обращается въ собственность; если же оно, по какому либо случаю, отдѣлится отъ цѣлаго до срока давности, то для него начинается особая судьба владѣнія, свое начало и своя давность. Не только давность части уступаетъ давности цѣлаго, но и предлогъ владѣнія отдѣльной части уступаетъ предлогу цѣлаго. Цѣлое какъ бы насильно влечетъ къ себѣ части, хотябъ онѣ находились за сто миль и болѣе. Завѣщанная *просто* колесница отдается наслѣднику и съ колесами, хотябъ они находились въ дальней деревнѣ сонаслѣдника: ибо особеннаго ихъ сознанія не требуется. Всѣ сіи начала болѣе или менѣе содержатся не только въ Римскомъ Законодательствѣ, но и во всѣхъ другихъ, съ тѣмъ различіемъ, что въ Римскомъ они возве-

дены въ сознаніе, а въ другихъ только сами собою разумѣются. Такъ Русское Законодательство возведенныя на родовой землѣ зданія, не смотря ни на какое происхожденіе матеріаловъ и частей, относитъ къ имуществамъ родовымъ: слѣдовательно и здѣсь сознаніе частей, ихъ предлогъ и давность изчезаютъ въ сознаніи, предлогѣ (titulus) и давности цѣлаго 51).

Для пріобрѣтенія во владѣніе тѣлъ идеальнаго единства требуются отчасти тѣже, отчасти особенныя условія сознанія. Для владѣнія стадомъ скотины не требуется раздѣльное сознаніе головъ, его составляющихъ; слѣдовательно и здѣсь подразумѣвается вышеозначенное правило, что тотъ, кто владѣетъ стадомъ, не владѣетъ каждою скотиною особенно 52). По тому же правилу должно разсматривать владѣніе семействомъ рабовъ: для пріобрѣтенія владѣнія не нужно особенное сознаніе каждаго члена, — довольно знать общее имя семейства. Особенное свойство сознанія тѣлъ идеальнаго единства заключается въ томъ, что, хотя они и составляютъ одно цѣлое, но каждая скотина слѣдуетъ своей особенной судьбѣ, имѣетъ свое особенное основаніе владѣнія и свою особенную давность: „non tamen universi gregis ulla est usucapio, sed singulorum animalium sicuti possessio ita et usucapio“ (fr. 30. § 2 D. 41. 3). Юриспрудентъ (Помпоній) довольно искренно выразилъ тройственный законъ бытія въ сей трихотоміи предметовъ владѣнія. Онъ сперва указалъ a) на тѣла индивидуальныя, н. п. человѣкъ, дерево, камень и т. п., b) потомъ на тѣла, потерявшія индивидуальность въ цѣломъ: домъ, корабль и т. д., наконецъ c) на тѣла, въ коихъ отрицается и отвлеченность и индивидуальность, — кои составляютъ часть цѣлаго, но и живутъ собственною жизнію, н. п. стадо, легіонъ, народъ и т. п.: „Non autem grex universus sic capitur usu, quomodo singulae res, nec

sic, quomodo cohaerentes.“ (ibid. § 2.). Такимъ образомъ въ единствѣ стада, сообразно положеніямъ Гегелевой системы, достигается полнота жизни юридическихъ вещей; ибо непосредственное и посредственное, индивидуальное и общее обезразличиваются; воззрѣніе и понятіе переходятъ въ идеальное единство.

Примѣчаніе. Надобно замѣтить, что Римскіе юристы не одинъ разъ въ своей классической простотѣ выражаютъ такія понятія, отъ коихъ ни Шеллингъ, ни Гегель не отказались бы для собственной славы. Лейбницъ весьма справедливо замѣтилъ, что Римляне во всѣхъ наукахъ уступаютъ Грекамъ, но въ юриспруденціи они цари предъ всѣми народами.

Тѣлесный дѣятель владѣнія.

(*Corpus.*)

Физическое лице можетъ имѣть весьма опредѣленное сознаніе и желаніе, и не смотря на сіе, не владѣть самымъ предметомъ. Это ведетъ къ необходимости признать новое условіе для владѣнія. Сіе условіе есть *тѣло* (corpus) 53), т. е. физическая возможность дѣйствовать на вещь исключительно, такъ что уже никто другой дѣйствовать не нее не можетъ. Сущность его составляетъ взятіе вещи (apprehensio), т. е. приведеніе ея въ состояніе совершенной зависимости отъ воли владѣльца. Изъ сего явствуетъ, что владѣніе, несоразмѣрное съ силами владѣльца, естественно не возможно. Посему желательно знать, какъ великъ объемъ физическихъ силъ человѣка, чтобъ дать себѣ общее понятіе о пространствѣ человѣческаго владѣнія, и объяснить

возможность исключительнаго обладанія вещами, въ состояніи общественномъ и внѣобщественномъ. Римская и Германская юриспруденція могутъ служить намъ указателями, какимъ образомъ сила человѣческая, вначалѣ слабая, и дѣйствующая на самое короткое разстояніе, съ постепеннымъ образованіемъ общества увеличивается и выступаетъ до невѣроятной широты, оставаясь при этомъ достаточною для удержанія вещей въ исключительной власти и распоряженіи. Римская юриспруденція представляетъ намъ первоначальное дѣйствіе тѣлесной силы во всей ея вещественности, такъ что для владѣнія движимыхъ необходимо держаніе рукою, для владѣнія недвижимыхъ стояніе на землѣ ногою, или какъ у Славянъ и Германцевъ *сидѣніе* на землѣ. Пространство владѣнія совпадаетъ съ пространствомъ тѣла человѣческаго 54). Чего не въ силахъ держать рука, или чего не можетъ заступить нога, то падаетъ внѣ круга владѣнія. Исторія законодательствъ показываетъ намъ, что владѣніе первоначально ограничивалось оружіемъ для мущинъ, нарядами и домашнею утварью для женщинъ; владѣніе уравнивалось, такъ сказать, съ протяженіемъ руки, и все, чего не захватывала рука, состояло внѣ владѣнія. Съ усиленіемъ оружія начинается обширное развитіе силъ человѣческихъ. Имъ-то человѣкъ побѣдилъ звѣрей, и имъ же создалъ себѣ собственность движимую, гораздо болѣе прочную, чѣмъ само оружіе: — онъ поработилъ людей, кои въ полудикомъ состояніи общества составляли важнѣйшій товаръ и первоклассное условіе военнаго устройства. Мечь образовалъ владѣніе политическое, и мечь сдѣлался порукою за прочность безчисленныхъ частныхъ владѣній. Обширное развитіе владѣній въ послѣдующія времена должно приписать силѣ меча; мечь правосудія объясняетъ намъ, какимъ образомъ возможно дѣйствовать на вещь изъ отдаленнѣйшаго

пространства и исключать другихъ отъ распоряженія оною. На силѣ меча основалось недвижимое владѣніе. Исключительное обладаніе землею обезпечивалось силою меча, а сущность сего обладанія — пользованіе, уравнивалось съ субъективными силами хозяйства, т. е. первоначальное пространство владѣнія опредѣлялось образовательною силою плуга, сохи и топора, такъ что сія мѣра владѣнія осталась неизмѣнною не только у первобытныхъ, но и настоящаго времени земледѣльцевъ. Сословіе земледѣльцевъ, какъ допотопный міръ государства, какъ гранитное основаніе, на которомъ прозябла нравственно-гражданская жизнь, до сихъ поръ владѣетъ полемъ на мѣру сохи, а лѣсами и лугами на острее топора и косы. Но владѣльцы высшаго сословія, въ коихъ вещественныя силы возведены на степень силъ невещественныхъ, измѣряютъ свое владѣніе иною мѣрою, несравненно превосходящею ихъ субъективныя физическія силы. Сія мѣра владѣнія есть богатство и государственное правосудіе. Итакъ вещественнымъ основаніемъ владѣнія во всѣ періоды государства остается физическая сила, заключающаяся въ силахъ образовательнаго труда или въ силахъ государственнаго правосудія, оберегающаго спокойное владѣніе подданныхъ. Въ періодѣ общества, когда государственное правосудіе получаетъ полное свое дѣйствіе, для пріобрѣтенія владѣнія не требуется приложеніе всей физической силы отъ пріобрѣтателя; довольно, если онъ объявитъ желаніе пріобрѣсть, а прежній хозяинъ передать владѣніе (vacuam possessionem tradere), и только для выразительности сего момента необходимо чувственное дѣйствіе, которое бы свидѣтельствовало событіе передачи. Что касается до первоначальныхъ средствъ пріобрѣтенія, то они остаются неизмѣнными: они требуетъ приложенія физическихъ силъ во всей ихъ вещественности и обширности. Чув-

ственное дѣйствіе (corpus), выражающее передачу и первоначальное пріобрѣтеніе, не одинаково въ движимыхъ и недвижимыхъ.

а. *Тѣлесный дѣятель въ пріобрѣтеніи движимыхъ.*

Здѣсь должно различать два способа пріобрѣтенія, по первоначальному выраженію силъ и по передачѣ. Въ пріобрѣтеніи владѣнія способомъ первоначальнымъ требуется приложеніе физическихъ силъ во всей строгости. *По занятію*: — Звѣрь, пойманный ловцемъ, безпорно подлежитъ его владѣнію; но звѣрь, попавшійся въ сѣти, состоитъ ли во владѣніи, если ловецъ объ этомъ еще не знаетъ? — Хотя здѣсь, повидимому, недостаетъ духовнаго условія, однакожь можно приложить тоже самое правило, какое принято для пріобрѣтенія владѣнія по приращенію, т. е. звѣрь, попавшійся въ сѣти, состоитъ во владѣніи, хотя бы ловецъ о семъ еще не зналъ. Но звѣрь раненый и преслѣдуемый еще не подлежитъ владѣнію: ибо легко могутъ встрѣтиться многія препятствія къ пріобрѣтенію его во владѣніе. Пріобрѣтеніе военной добычи необходимо требуетъ употребленія силы. Въ Римскомъ Правѣ есть положеніе, что клады, хотя бы мы знали, что они находятся въ нѣдрахъ нашей земли, не состоятъ въ нашемъ владѣніи, до тѣхъ поръ, покуда ихъ не выроемъ: ибо въ семъ случаѣ недостаетъ ни духовнаго условія, ни тѣлеснаго. Для пріобрѣтенія владѣнія *по приращенію* не требуется ни особеннаго сознанія и воли, ни особеннаго тѣлеснаго дѣйствія. Плоды уступаютъ землѣ или дереву, наволоки и острова прибрежнымъ полямъ, приплодъ (partus) самъ собою подлежитъ владѣнію хозяина или владѣльца самки или матери. Если же плоды, наволоки, приплодъ и т. п., разсматривать по строгости Римскихъ основныхъ по-

ложеній: то нѣтъ надобности полагать ихъ во владѣніи того, кто владѣетъ главною вещію: ибо, какъ сказано выше, составныя части механическаго и идеальнаго единствъ не состоятъ во владѣніи того, кому принадлежитъ сложное тѣло, а по сему и не требуется ни особеннаго сознанія, ни особеннаго тѣлеснаго дѣйствія. Но какъ скоро они будутъ отдѣлены отъ главной вещи свободнымъ дѣйствіемъ человѣка, или какимъ либо случаемъ, то мгновенно получаютъ особенную юридическую жизнь и подлежатъ отдѣльному владѣнію 55).

Въ пріобрѣтеніи *по передачѣ* дѣйствительнаго употребленія физическихъ силъ не требуется въ такой строгости, какъ по первоначальному способу; достаточно бываетъ видимыхъ знаковъ; но за то духовное условіе требуется здѣсь въ высшей опредѣленности. Передача есть такое дѣйствіе, по которому хозяинъ вещи изъявляетъ волю перенести на другаго владѣніе вещи („отступается — vacuam possessionem tradere vult"), а другой изъявляетъ свою волю принять сію вещь во владѣніе („вступается"). Какъ скоро отступленіе воли передающаго выражено и принято пріобрѣтателемъ, то владѣніе вещи тотчасъ переходитъ на сего послѣдняго, даже безъ приложенія физическихъ силъ, если только посторонній не перехватилъ ее въ минуту передачи. Здѣсь условіе осуществляется въ выраженіи сознанія и воли сторонъ какимъ либо видимымъ знакомъ. Для сего достаточно иногда присутствія пріобрѣтателя при вещи, приставленіе стражи, принятіе ключей для взятія вещи, буде она заперта, внесеніе ея въ домъ пріобрѣтателя, учиненное самимъ передавателемъ, или по его приказу. Наконецъ иногда достаточно одного изъявленія воли: когда вещь и до передачи находилась уже въ рукахъ пріобрѣтателя, или онъ можетъ взять ее, когда ему угодно.

b. *Тѣлесный дѣятель въ пріобрѣтеніи недвижимыхъ.*

По первоначальному пріобрѣтенію требуется занятіе или изгнаніе хозяина силою или обманомъ, распоряженіе имѣніемъ, жительство, заселеніе, паханіе и т. п. Кромѣ изъявленія воли сторонъ при этомъ требуется какой либо наружный знакъ для засвидѣтельствованія сей воли. Въ средніе вѣки было придумано множество символическихъ передачь, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ *инвеституры*, но самый употребительный былъ *вводъ* пріобрѣтателя *со владѣніе*, совершаемый обыкновенно передавателемъ или его повѣреннымъ въ присутствіи окольныхъ владѣльцевъ, съ участіемъ или безъ участія суда 56).

Римскіе юристы, опредѣляя тѣлесное условіе владѣнія, никогда не упускали изъ виду, что владѣніе по природѣ своей относилось только къ предметамъ тѣлеснымъ; напротивъ все, чего нельзя было касаться, нельзя держать въ рукахъ или заступить ногою, не подлежало владѣнію. Даже въ позднѣйшей юриспруденціи принято было правиломъ, что „*владѣть можно только вещами тѣлесными*“ 57). Отсюда образовалось у нихъ понятіе о *несовмѣстности владѣнія многихъ* (possessio plurium in solidum). Воля человѣческая, неприкосновенная, непроницаемая по своей нравственной природѣ, открывается непроницаемою и по внѣшнему выраженію — во владѣніи. „Столько же не возможно, говорятъ Римляне, владѣніе одною и тою же вещію для двухъ лицъ, какъ не возможно двоимъ стоять или сидѣть въ одинъ и тотъ же моментъ на одномъ и томъ же мѣстѣ; или — противно природѣ, чтобы вещь, которую я теперь держу, въ тотъ же моментъ держалъ и ты 58).“ Послѣдовательность удивительная! Изъ сего начала непосредственно выведено весьма обильное слѣдствіями

положеніе: „доколѣ кто не переставъ владѣть вещію, до тѣхъ поръ другой завладѣть ею не можетъ.“ Для пріобрѣтенія владѣнія нужно, чтобъ оно до самой минуты сего дѣйствія было *vacua possessio*—пустое владѣніе. Между тѣмъ Римскіе же юристы допускаютъ раздѣльное владѣніе многихъ одною и тою же недѣлимою вещію, н. п. статуею, лошадью, рабомъ и т. п. Но для осуществленія сего владѣнія необходимо превращеніе недѣлимаго въ математическую, отвлеченную величину, т. е. товарищи (compossessores) владѣютъ не по частямъ, а по долямъ.

B. Бытіе владѣнія.

Изъ вышепоказаннаго явствуетъ, что матеріальнымъ основаніемъ владѣнія вездѣ служитъ *удержаніе вещи* (detentio), а матеріальнымъ средствомъ владѣнія *взятіе вещи* (apprehensio rei). Но удержаніе, разсматриваемое отвлеченно, не составляетъ владѣнія; ибо, кто не хочетъ освоить для себя вещь (animus sibi habendi), тотъ, сколь бы долго ее ни удерживалъ, не можетъ назваться владѣльцемъ 59). Если такъ, то весьма нужно опредѣлить, въ какомъ случаѣ удерживающій вещь есть владѣлецъ, и въ какомъ случаѣ не-владѣлецъ. Само собою разумѣется, что тотъ, кто вещь удерживаетъ у себя, т. е. имѣетъ физическую возможность располагать ею, и дѣйствительно располагаетъ ею какъ хозяинъ, есть истинный ея владѣлецъ. Напротивъ, кто имѣетъ физическую возможность располагать, но безъ намѣренія имѣть вещь своею, тотъ владѣетъ для другаго, не будучи самъ владѣльцемъ. Посему взявшій вещь на сохраненіе (depositarius) отнюдь не владѣетъ; равнымъ образомъ и кредиторъ собственно не владѣетъ закладомъ, или залогомъ съ передачею, хотя Римскіе юристы допускаютъ и здѣсь нѣкоторый видъ владѣнія, именно,

по ихъ мнѣнію, кредиторъ владѣетъ *ad interdictum*, а должникъ *ad usucapionem* 60). Римскіе юристы, постановивъ правиломъ, что „владѣть можно только вещами тѣлесными", должны были на семъ остановиться: ибо тѣлесное отношеніе къ вещи заключается въ тѣсныхъ предѣлахъ вышеозначенныхъ случаевъ. Но какъ съ одной стороны пользованіе чужимъ имѣніемъ, или такъ называемое отвлеченное право въ вещи (jus in re), способно превращаться въ тѣлесные предметы собственности, съ другой стороны распоряженіе чужимъ имѣніемъ въ собственную пользу весьма немногимъ различествовало отъ распоряженій хозяина: то и признано правильнымъ таковое распоряженіе назвать *какъ бы - владѣніемъ* и распространить сіе названіе на многіе предметы правъ въ чужомъ имѣніи. Но, мнѣ кажется, этого раздѣленія владѣній, свидѣтельствующаго впрочемъ историческій духъ и строгую послѣдовательность, Римскіе іюрисприденты могли бы избѣжать, принявъ во вниманіе, что сущность владѣнія заключается въ распоряженіи, или лучше — въ пользованіи вещію. Въ этомъ отношеніи мнѣніе Ганса стóитъ особеннаго вниманія. Онъ говоритъ, что всѣ вещныя права, сколь бы они ни были различны между собою, не что иное суть, какъ видоизмѣненія одного и того же права собственности, или различныя степени одного и того же владѣнія. Послику назначеніе собственности есть пользованіе, а пользованіе даже недвижимымъ совершается не иначе, какъ посредствомъ превращенія собственности въ плоды или въ права также отвлеченныя; н. п. въ право собиранія плодовъ, доходовъ и въ право жительства: то существенная разница между хозяиномъ и имѣющимъ право въ чужой вещи будетъ состоять въ томъ, что первый пользуется всѣми сторонами имѣнія, а тотъ одною или нѣсколькими. Могутъ встрѣтиться такія имѣнія, гдѣ трудно указать,

кто хозяинъ, и кто владѣлецъ права въ чужой вещи. Дана Вогуличамъ земля въ собственность, и по образу жизни сего народа обращена для звѣроловства; потомъ спустя нѣсколько времени, по мѣрѣ расчистки изъ подъ лѣсовъ, земля уступлена подъ пашню осѣдлыхъ крестьянъ. Если бъ существовала юриспруденція у Вогуличей, то, нѣтъ никакого сомнѣнія, они почли бы себя хозяевами, а тѣхъ имѣющими права въ чужой вещи. То же отношеніе, встрѣчаясь во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, ведетъ къ противуположному заключенію. Принято считать главнымъ владѣльцемъ того, за кѣмъ состоитъ пашня: ибо она дѣйствительно есть главное условіе всѣхъ-сторонняго пользованія землею. Итакъ должно заключить, что владѣніемъ можно назвать всякаго рода пользованіе, съ различіемъ всѣхсторонняго отъ односторонняго, вѣчнаго отъ временнаго, главнаго отъ придаточнаго. Въ слѣдствіе сего можно допустить совмѣстное и исключительное владѣніе многихъ одною и тою же вещію, по различными ея сторонами: пашнею, покосами, пастбищами, рыбною ловлею, проѣздами и водами для различнаго употребленія. Чья сторона прочнѣе и обширнѣе плодами пользованія, та и сообщаетъ своему владѣльцу званіе владѣльца въ собственномъ значеніи. Одна и таже сторона вещи можетъ состоять въ двухъ и болѣе владѣніяхъ, одно другому подчиненныхъ; тогда званіе владѣльца по превосходству принадлежитъ тому, кто непосредственнѣе пользуется вещію. По Русскому праву таковый называется *дѣйствительнымъ владѣльцемъ*. Сіе отношеніе замѣчено и Римскими юристами; по ихъ опредѣленію, владѣющій нижнимъ этажемъ дома есть настоящій представитель владѣнія, тогда какъ владѣющій верхнимъ этажемъ есть *какъ бы владѣлецъ*—по той причинѣ, что верхъ уступаетъ низу, т. е. нижній этажъ уступаетъ землѣ, а верхній нижнему (fr. 3. § 7. D. 43. 17).

C. Прекращеніе владѣнія.

Что̀ требовалось для пріобрѣтенія владѣнія, то необходимо и для продолженія онаго, слѣд. тотъ же духовный и тѣлесный дѣятель владѣнія. Впрочемъ сіе условіе не должно принимать во всей строгости: нѣтъ никакой надобности ежеминутно владѣемую вещь имѣть предметомъ для сознанія и желанія, или содержать ее подъ непрестаннымъ вліяніемъ физическихъ силъ: довольно, если то и другое по временамъ можетъ возобновляться по произволу владѣльца. Но какъ скоро одно изъ сихъ условій сдѣлалось невозможнымъ: то и владѣніе тотчасъ пресѣкается.

Прекращеніе посредствомъ духовнаго дѣятеля. Для пріобрѣтенія владѣнія требовалась общая субъективная возможность; слѣдовательно прекращеніе ея необходимо влечетъ за собою потерю владѣнія. Естественная и политическая смерть и плѣнъ прекращаютъ владѣніе; но что должно сказать о сумашествіи? Если сумашедшій своею личностію не пріобрѣтаетъ владѣнія, то не льзя ли по крайней мѣрѣ допустить, что онъ можетъ продолжать пріобрѣтенное владѣніе? Римскіе юристы, основываясь на томъ, что для прекращенія владѣнія требуется дѣйствіе, противное дѣйствію пріобрѣтенія — „in contrarium actum“, утверждаютъ, что сумашедшій не можетъ терять владѣнія: ибо онъ не имѣетъ ни сознанія, ни воли къ прекращенію владѣнія 61). Это правда; однако жъ онъ и продолжать владѣнія не можетъ: ибо условіемъ продолженія пріемлется возобновленіе сознанія и воли. Слѣдовательно владѣніе сумашедшаго, если оно возможно, не иначе должно представлять, какъ въ видѣ остановленнаго движенія, что̀ совершенно непостижимо. Не можетъ быть, чтобы Римскіе юристы, вѣрные исполнители законовъ логики, не чувствовали отсутствія послѣдовательности въ семъ положеніи;

но какъ они допустили его, то и должно признать здѣсь отступленіе отъ правила по извѣстному побужденію, именно *propter utilitatem publicam;* въ противномъ случаѣ надлежало бы допустить всѣ несообразности сего вывода, т. е. что сумашедшій не теряетъ владѣнія ни пропажею вещей, ни похищеніемъ, ни насильнымъ завладѣніемъ: ибо и здѣсь онъ также не имѣетъ сознанія, — что̀ явно противорѣчитъ опредѣленіямъ Римской юриспруденціи 62). Итакъ должно заключить, что сумашедшій потому не можетъ терять владѣнія, что ни чѣмъ не владѣетъ.

Частное отсутствіе воли влечетъ за собою потерю владѣнія, когда можно съ достовѣрностію полагать, что хозяинъ оставилъ намѣреніе владѣть. — Тѣ же послѣдствія имѣетъ и перемѣна сознанія,—при чемъ должно замѣтить, что моментъ, съ котораго начинается потеря владѣнія, есть сознаніе о сей потерѣ, и. п. когда принявшій имущество подъ сохраненіе или повѣренный отречется выдать его по востребованію хозяина. При самовольномъ завладѣніи недвижимымъ владѣніе теряется также съ минуты сознанія о семъ хозяина, и это положеніе Римской юриспруденціи совершенно справедливо: ибо насильно или тайно завладѣвшій имѣніемъ отсутствующаго еще угрожается отраженіемъ по возвращеніи хозяина; онъ владѣетъ какъ бы подъ условіемъ, *если* хозяинъ его не выгонитъ 63). Слѣдовательно минута потери есть сознаніе хозяина, сопровождаемое его бездѣйствіемъ или чувствомъ безсилія къ отраженію, т. е. сознаніемъ, что онъ потерялъ владѣніе.

Прекращеніе посредствомъ тѣлеснаго дѣятеля. Владѣніе вещей движимыхъ теряется истребленіемъ, пропажею, видоизмѣненіемъ, передачею вещи. Покража вещи прекращаетъ владѣніе съ той минуты, когда хозяинъ остановился преслѣдованіемъ бѣгущаго вора; а утайка—съ той минуты, когда удержатель от-

казался выдать вещь. Владѣніе дикими животными прекращается тотчасъ по ихъ освобожденіи изъ-запертй, или когда перестанутъ водиться на дачѣ; владѣніе полудикими, когда они перестанутъ возвращаться домой; владѣніе домашними животными прекращается, когда они отгуляютъ (si aberraverint) или когда хозяинъ, по учиненіи поисковъ, не знаетъ, гдѣ они. О рабахъ есть у Римлянъ особенное положеніе: „рабъ не крадетъ у господина 64)," ибо онъ самъ своею особою есть вещь господина, и что̀ ни пріобрѣтаетъ, господину пріобрѣтаетъ. Поэтому для Римской юриспруденціи казалось несообразнымъ прекращеніе владѣнія таковою кражею. О рабахъ есть еще другое положеніе, столь же замѣчательное: „владѣніе рабомъ не прекращается его бѣгствомъ, если только посторонній кто либо имъ не завладѣлъ; слѣдовательно бѣглый рабъ, что̀ ни пріобрѣтаетъ, пріобрѣтаетъ господину 65). И это положеніе выведено изъ того же начала, что рабъ не крадетъ у господина,—слѣд. тѣмъ менѣе можетъ украсть самого себя,—хотя гораздо складнѣе было бы подвергнуть сіе отношеніе подъ категорію отгулявшихъ скотовъ или полудикихъ животныхъ, *quae animum revertendi amiserint*, и принять правиломъ, что бѣгствомъ раба владѣніе прекращается. Владѣніе недвижимымъ прекращается изгнаніемъ изъ имѣнія, оставленіемъ впустѣ, постояннымъ залитіемъ водою и перемѣною теченія рѣкъ, составляющихъ *живое урочище*, какъ это принято въ Русскомъ законодательствѣ.

РАЗДѢЛЪ ВТОРЫЙ.

ВЛАДѢНІЕ ПО НАЧАЛАМЪ РОССІЙСКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

ЧАСТЬ ОБЩАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

А. ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ПОНЯТІЯ О ВЛАДѢНІИ.

Названіе *владѣть*, по мнѣнію моему, происходитъ отъ словъ *волю дѣять*, володѣть. Изъ сего явствуетъ, что въ образованіи понятія о владѣніи наши предки поражены были болѣе духовнымъ, нежели вещественнымъ дѣятелемъ событія, и въ этомъ отношеніи представленіе ихъ совершенно противуположно Римскому и Германскому. Римское possessio выражаетъ самое грубое, самое вещественное отношеніе человѣка къ владѣемой вещи, именно протяженіе человѣческаго тѣла на внѣшній предметъ освоенія. Германское владѣніе (Gewehre) образовалось также изъ представленія обороны, защиты, и соотвѣтствуетъ нашему Русскому понятію: „*городъ*, *защита*, *огражденіе*, *дворъ* 66). Причиною, почему духовный дѣятель беретъ преимущество въ Русскомъ понятіи владѣнія, можно принять ту особенность, по которой предметомъ владѣнія служили и служатъ не только вещи неодушевленныя и одушевленныя, но и существа нрав-

ственныя, люди, общества, государство, повинующіяся волѣ верховнаго властителя. Употребленіе слова *владѣніе* мы встрѣчаемъ въ глубокой древности. Въ Несторовой Лѣтописи въ первый разъ оно упоминается въ статьѣ о началѣ Кіева 67). Съ сего времени слова *владѣніе* и *володѣть* употреблялись до позднѣйшихъ временъ въ смыслѣ владычества, самодержавства, и въ смыслѣ частномъ гражданскомъ, для означенія отношеній лицъ къ вещамъ и людямъ, находящимся въ чьей либо власти 68). Въ Бѣлорусскомъ нарѣчіи *владѣніе* тождественно съ словомъ *воля*, и относится какъ къ политическому, такъ и частному обладанію 69). Но окончательное образованіе слова *владѣть* въ техническое названіе *владѣнія* (possessio) безспорно принадлежитъ Литовскому Статуту, гдѣ оно употребляется именно въ томъ значеніи, въ какомъ принято въ Сводѣ Законовъ Россійской Имперіи 70).

Между тѣмъ по исторіи законодательства мы видимъ, что понятіе *владѣнія* имѣло у насъ не единственное выраженіе. Названіе *сидѣть*, если не старѣе, то по крайней мѣрѣ современно выраженію *владѣть*, хотя нельзя не согласиться, что въ немъ заключается представленій гораздо болѣе, чѣмъ въ словѣ *владѣть*. Въ политическомъ смыслѣ оно выражаетъ какъ бы безразличіе владѣльца и предмета владѣнія, повелѣвающихъ и повинующихся, и болѣе соотвѣтствуетъ Римскому *detentio*, *naturalis possessio* 71). Названіе *посадить* иногда значитъ признать надъ собою чью либо власть, а иногда принять кого либо въ свою зависимость, во владѣніе, смотря по опредѣлительному слову, при немъ состоящему. Въ позднѣйшія времена *сажать*, *сажать за себя*, *садиться за кѣмъ*, означаетъ приведеніе въ свою или чью либо зависимость 72), поступленіе во владѣніе, и въ особенности относится къ крестьянамъ, конхъ помѣщики *сажали на свои земли*, и въ этомъ значе-

ніи *посаженные* соотвѣтствуютъ Германскимъ *Hintersassen*, состоящимъ за благородными владѣльцами, подзащитнымъ. Иногда достаточно предлога *за* предъ именемъ владѣльца, чтобъ выразить зависимость или отношеніе владѣнія между лицами и вещами 73). Въ Бѣлорусскомъ нарѣчіи вмѣсто *завладѣть* употребительно слово *позасѣсть* 74). Въ Литовскомъ Статутѣ *сидѣть* по преимуществу означаетъ владѣніе крестьянъ помѣщичьими землями 75). Для означенія владѣнія не менѣе древне употребленіе слова *держать*, иногда съ предикатомъ „*подъ собою*“ и „*за собою*“, названіе болѣе всѣхъ другихъ соотвѣтствующее Римскому *possessio*, хотя подобно *владѣнію* означаетъ какъ политическое, такъ и частное гражданское владѣніе 76). Въ Бѣлорусскихъ грамотахъ XV и XVI вѣковъ и въ Литовскомъ Статутѣ оно весьма употребительно, такъ что самыя лица областнаго управленія названы *державцами* 77). Для означенія завладѣнія гораздо рѣже употребляется слово *привластить себѣ* 78). Нерѣдко владѣніе выражается словами *знать* и *вѣдать* или имѣть кого „*въ своемъ имени*“ 79). Наконецъ Русская юриспруденція около XVI вѣка и позднѣе для означенія владѣнія чаще всего употребляетъ видовыя, фактическія его названія: *пахать, косить, рыбу ловить, въ лѣсѣ въѣзжать* и т. д. 80).

Изъ всѣхъ выше приведенныхъ названій владѣнія замѣчается, что геній Русскаго языка хотѣлъ выразить какъ идеальнаго дѣятеля: *володѣть, вольну быть, вѣдать, знать*, держать *въ своемъ имени*, такъ и реальнаго дѣятеля владѣнія: *держать*, *сажать*, *пахать*, *косить*, и даже стремится выразить нѣчто среднее между дѣятелемъ и дѣйствуемымъ владѣнія: *сидѣть, садиться, жить за кѣмъ*.

Всѣ сіи названія съ различныхъ точекъ зрѣнія выражаютъ одно и тоже искомое понятіе *владѣнія*; но въ какихъ предѣлахъ, и когда понятіе владѣнія

отвлечено отъ права собственности, это составляетъ другой вопросъ въ юриспруденціи.

Не нужно объяснять, почему понятіе владѣнія гораздо старѣе понятія собственности. По системѣ древней и новѣйшей Русской юриспруденціи владѣніе составляло живое тѣло собственности, и потому съ глубокой древности почти всегда замѣняло ея названіе, тѣмъ болѣе, что геній юридическаго языка не изобрѣлъ еще особеннаго опредѣлительнаго названія для собственности. Чѣмъ болѣе юриспруденція успѣвала въ образованіи понятій и языка, тѣмъ болѣе замѣтно опредѣленности на сторонѣ собственности, тѣмъ болѣе названія ея отступали отъ общаго фактическаго названія *владѣніе*. Въ первомъ и второмъ періодѣ законодательства *владѣніе* - просто всегда означало владѣніе по праву собственности или по другому законному предлогу; а когда надлежало отвлечь его отъ права собственности, то употребляли предикатъ, выражающій внутренній его порокъ: *сильно владѣютъ*, *сильно сидятъ*, *сильно живутъ*, *сильно пашутъ*, *косятъ* и т. д. 81). Изъ постепеннаго образованія отдѣльнаго понятія о собственности мы лучше увидимъ, что въ основаніи своемъ она навсегда осталась владѣніемъ, но приведеннымъ въ извѣстную степень добросовѣстія и государственнаго сознанія. Отвлеченное названіе собственности долго не показывается въ исторіи Россійскаго Законодательства. Она существуетъ въ конкретныхъ понятіяхъ, въ видовыхъ и индивидуальныхъ названіяхъ, *мое*, *свое*, *моя* отчина, *твоя* земля, *его* домъ. Отъ индивидуальнаго одинъ шагъ къ видовому понятію и названію; посему вскорѣ понятіе собственности начало прилагаться къ извѣстнымъ предметамъ владѣнія, и всегда означалось законнымъ званіемъ пріобрѣтенія: *удѣлъ* (т. е. наслѣдованное имѣніе) 82), *жребій*, *дѣдичина*, *отчина*, *купля*, *прикупъ*, *промыслъ*, *добытокъ*,

приданое, и всегда не разлучно съ именемъ владѣльца, какъ бы не отваживаясь еще на самостоятельное отъ него значеніе: „жены моей *Олёнина купля* и т. д.“ Въ Псковской юриспруденціи проглянуло разъ (иностранное, вѣроятно) отвлеченное названіе собственности въ словѣ *своятство* 83) (proprietas, Eigenthum); но потомъ тотчасъ скрылось, и больше не показывалось. За симъ понятіе собственности пыталось утвердить за собою названія: *достояніе*, *стяжаніе*, *одеревь*, *прокъ* и т. д. 84). Видовыя названія собственности, какъ бы сократившись отъ продолжительнаго наведенія, остановились на двухъ видахъ собственности, отчинѣ и куплѣ, и выразились наконецъ въ одномъ отвлеченномъ понятіи *вѣчнаго* и *потомственнаго владѣнія* съ различными ихъ измѣненіями: *всегдашнее владѣніе*, *владѣніе въ родъ и неподвижно*, *владѣніе искони вѣчное*, *владѣніе изстари*, *старина* 85). Съ тѣхъ поръ постоянно, за исключеніемъ періода законодательства Петра I и нѣкоторыхъ случаевъ настоящаго времени, названія *собственность* и *вѣчное и потомственное владѣніе* пріемлются за тождественныя 86). Таковыми они встрѣчаются въ Бѣлорусскихъ грамотахъ, въ Литовскомъ Статутѣ, въ Московскихъ грамотахъ до Уложенія и въ самомъ Уложеніи и во всѣхъ послѣдующихъ узаконеніяхъ до настоящаго времени. Но означеніе собственности вѣчнымъ и потомственнымъ владѣніемъ скоро оказалось недостаточнымъ, тѣмъ болѣе, что иностранныя ея названія съ переселеніемъ иностранныхъ законовъ на Русскую почву требовали Русскаго слова для выраженія *dominium*, *propriété*, *Eigenthum*, и потому явилось наконецъ въ нашемъ законодательствѣ настоящее названіе *собственность*, иногда замѣняемое словомъ *принадлежность*, (если не ошибаюсь, въ первый разъ въ Указѣ 1732 года Іюня 2, по дѣлу объ управленіи Псков-

скими церковными вотчинами). Но старинное названіе долго не уступало своего мѣста пришлецу, принявшему Русское имя, ибо весьма часто *владѣніе* и *собственность* употреблялись одно за другое, даже въ царствованіе Императрицы Екатерины II, еще обильное старинными Русскими законниками 87). Между тѣмъ въ то же царствованіе Литовскій Статутъ подъ прикрытіемъ Малороссійскихъ юриспруденговъ далъ сильное движеніе Русскому законодательству, и статьи Учрежденія о губерніяхъ, Уставъ благочинія и частію Манифестъ о земской давности, положили незыблемое основаніе ученію о владѣніи отдѣльно отъ собственности. Но какъ Русскіе практики не въ силахъ были понять разума означенныхъ узаконеній, то Верховная власть нашла необходимымъ, 15 лѣтъ тому назадъ, нѣсколько разъ пояснить, что владѣніе и собственность не суть одно и тоже. Такимъ образомъ владѣніе безъ предиката *потомственное* или *вѣчное* вдвинулось въ тѣсные предѣлы фактическаго состоянія и отдѣлилось отъ собственности на безконечное разстояніе.

в. О ПРАВОМѢРНЫХЪ ПОСЛѢДСТВІЯХЪ ВЛАДѢНІЯ.

Для большей ясности изложенія раздѣлимъ развитіе сего предмета на три періода: a) отъ начала Государства до Судебника Іоанна IV, b) отъ Судебника до Уложенія, c) отъ Уложенія до нашихъ временъ.

Періодъ первый. Сей періодъ заключаетъ въ себѣ два направленія въ развитіи законодательства. Одно исходитъ изъ нѣдръ семейственной жизни нашихъ предковъ подъ начальствомъ старѣйшинъ рода и подъ управленіемъ обычаевъ, свойственныхъ каж-

дому роду и мѣстности; другое направленіе обнаруживается въ договорахъ, заключаемыхъ между Князьями родовъ или областей подъ руководствомъ общественной пользы, съ явнымъ склоненіемъ къ единству народа и общности законодательства. Слѣдовательно оба сіи направленія взаимно противуположны: одно основывается на безусловныхъ началахъ семейственности, и ведетъ къ разъединенію и участненію первобытныхъ обычаевъ, другое напротивъ на условныхъ началахъ общаго блага, и изъ среды себя изводитъ Государственный союзъ различныхъ родовъ и областей.

Право самозащищенія въ первобытномъ періодѣ открывается во всей своей силѣ. Первоначальный интердиктъ заключается въ отраженіи силы силою, какъ для сохраненія нарушаемаго, такъ и для возстановленія нарушеннаго владѣнія (interdictum retinendae et recuperandae possessionis). Важнѣйшимъ нарушеніемъ владѣнія, безъ сомнѣнія, было насильственное вторженіе въ домъ. Посему въ Русской Правдѣ (стр. 383, 384) и договорѣ Смоленскаго Князя Мстислава Давидовича съ Ригою (*Карамз.* Т. V. прим. 248; ср. примѣч. 244), согласно общему праву народовъ, находимъ положеніе, что хозяинъ или владѣлецъ дома имѣли право убить ночнаго вора, съ различными по сему предмету ограниченіями. Менѣе важно нарушеніе владѣнія внѣ дома, однакожъ и здѣсь по Ярославовой Правдѣ защищеніе владѣнія предоставлено самому обиженному, не только для удержанія, но и для возвращенія отнятаго владѣнія. Главное условіе сего самозащищенія состояло въ томъ, чтобъ оно не переходило за предѣлы нарушеннаго владѣнія: ибо тамъ частная защита переходитъ уже въ защиту высшаго разума. „Аще кто поймет чужь конь любо оружіе, любо портъ: а познаетъ *въ своемъ миру*, то взяти

ему свое, а Г гривнѣ за обиду“ 88). Г. Рейцъ первый разсматривалъ это важное положеніе Ярославовой Правды въ настоящемъ юридическомъ духѣ, и сообщилъ о семъ слѣдующее объясненіе 89): „всякій могъ самоуправствомъ возвратить свою вещь, т. е. отнять ее въ самый моментъ присвоенія другимъ; притомъ могъ это сдѣлать въ своемъ миру, въ своей волости: ибо здѣсь онъ былъ господиномъ, и самовольно присвоющій себѣ вещь не имѣлъ здѣсь никакого права противъ него и его родственниковъ.“ Но это право самозащищенія ограничено вторымъ предложеніемъ того же закона. „Аще познаетъ кто, не емлетъ его, то не рцы ему мое, но рцы ему тако: поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ, и если не пойдетъ: то поручника за пять дней.“ Сила закона сосредоточивается въ словахъ: „*а познаетъ въ своемъ миру.*“ Въ нихъ заключается условіе, при которомъ позволительно самовольное защищеніе и возвращеніе отнятаго владѣнія. Сіе положеніе, само по себѣ довольно темное, объясняется аналогіею древнихъ и новыхъ законодательствъ. У Евреевъ, Грековъ, Римлянъ, Германцевъ и Славянъ домъ почитался священнымъ убѣжищемъ не только для хозяина, но и для всякаго, кто искалъ покровительства семейственнаго бога. Все, находящееся въ домѣ, состояло подъ покровительствомъ божества. Нельзя было войти въ домъ и арестовать хозяина, хотя бы онъ обвинялся въ какомъ-либо преступленіи или не платилъ долговъ по требованію кредиторовъ. Это составляло нарушеніе спокойнаго владѣнія хозяина, оскорбленіе семейственной святыни. Равнымъ образомъ нельзя было не только самовольно, но и судомъ вторгнуться въ домъ хозяина для выемки завѣдомо-укрывающагося бѣглаго раба. По моему мнѣнію, такъ должно понимать оставленную Эверсомъ безъ объясненія XI статью Ярославовой Правды 90):

„аще ли челядинъ скрыется, любо у Варяга, любо у Колбяга; а его за три дни не выведутъ, а познаютъ ихъ въ третій день: то изымати ему свои челядинъ, а Гривнѣ за обиду.“ Имена Варяга и Колбяга не должны служить поводомъ къ тому мнѣнію, будто законъ даетъ имъ привилегію по какому-либо особенному уваженію: напротивъ тогда было общимъ правиломъ уважать миромъ огражденное владѣніе, и даже самъ законъ не смѣлъ прямо наложить руки на преступника въ нѣдрахъ его семейства. Сему мнѣнію повидимому противорѣчитъ статья договора Олега съ Греками 91): „аще украденъ будетъ челядинъ Русскій, или ускочитъ, или по нужи проданъ будетъ, и жаловати начнутъ Русь, покажется таковое отъ челядина и да поимутъ въ Русь. Но и гостіе погубиша челядинъ, и жалуютъ да ищутъ, обрѣтше да поймутъ є. Аще ли кто искушенія сего не дастъ сотворити, *местникъ да погубитъ правду свою*.“ Эверсъ объясняетъ сію статью слѣдующимъ образомъ: „кто не позволяетъ дѣлать у себя обыска, тотъ лишается покровительства законовъ.“ Еслибъ это былъ законъ Греческій, то симъ устранилось бы всякое возраженіе; но мы говоримъ о законахъ Руссовъ, не искусныхъ въ правовѣдѣніи Греціи. Форма выраженія закона по всѣмъ признакамъ доказываетъ, что это былъ законъ Русскій; но Эверсъ объяснилъ его по правиламъ не Русской, а Византійской юриспруденціи. Онъ правильно истолковалъ, что „*местникъ погубитъ правду свою*,“ значитъ: *укрыватель подлежитъ лишенію покровительства законовъ*“; но выраженіе: „аще искушенія сего не дастъ сотворити“ отнюдь не значитъ „кто не позволяетъ дѣлать у себя обыска“: ибо можно подвергнуться *искушенію* (inquisitioni — слѣдствію), и не позволять дѣлать у себя обыскъ; хозяинъ можетъ челядина поставить на судъ, а если не поставитъ, то симъ ослушаніемъ нарушитъ

миръ — „погубитъ правду свою.“ Къ поддержанію мнѣнія ссылаюсь на Англосаксонскій законъ 92), изданный на подобный случай. „Если кто иностранца продержитъ три ночи по праву гостепріимства въ собственномъ домѣ, купца или другаго, пришедшаго изъ другой области (extra marcam), и его будетъ кормить своимъ хлѣбомъ, и тотъ иностранецъ комулибо учинитъ обиду: то *хозяинъ да поставитъ его на судъ или да погубитъ правду* („ipse alterum illum judicio sistat aut jus perdat“). Ясно, что статья договора Олегова есть слово въ слово законъ, общій Англосаксамъ и сосѣдямъ ихъ Славянамъ. Итакъ не будетъ погрѣшности, если мы предложеніе: „аще ли кто искушенія сего не дастъ сотворити“ переведемъ: „если кто раба не поставитъ на судъ.“ Вотъ еще выразительное доказательство неприкосновенности первобытнаго владѣнія—изъ тѣхъ же Англосаксонскихъ законовъ 93), кои весьма много поясняютъ нашу Русскую Правду. „Кто, учинивъ какую либо обиду, убѣжитъ въ монастырскую деревню, или другой какой либо свободный домъ, *тотъ имѣетъ право скрываться тамъ въ продолженіи трехъ ночей*, если не хочетъ примириться (съ истцомъ).“ Если же кто въ теченіи сего срока учинитъ надъ нимъ побои, или заклеплетъ въ кандалы, или нанесетъ раны, то да заплатитъ виру (vera) и *пеню за нарушеніе мира*, и имѣніе его да отдастся на потокъ и разграбленіе („et sint bona ejus foris factura“). Или: „повелѣваемъ, чтобы (истецъ), познавши отвѣтчика (adversarium) въ домѣ, не вступалъ съ нимъ въ бой, не потребовавши отъ него правды (jus). Если имѣетъ силы, то пусть держитъ его въ осадѣ, держитъ его семь ночей, но не вступаетъ въ бой, если тотъ внутри дома хочетъ сидѣть: а тамъ, по прошествіи семи ночей, если осужденный не захочетъ сдаться съ своимъ оружіемъ („не вдастъ руцѣ

свои?), пусть держитъ его тритцать ночей, не трогая его, но препоручая его своимъ друзьямъ и сродникамъ.“ До такой степени неприкосновенности уважалось спокойное владѣніе гражданина, не только у Англосаксовъ, но и у всѣхъ первобытныхъ народовъ! По Англосаксонскому же закону никто не могъ входить въ чужой домъ, не оставивъ своего оружія у воротъ дома 94): ибо присутствіе чужаго оружія въ домѣ нарушаетъ семейственный миръ, миръ дому сему. Итакъ въ предѣлахъ чужаго мира, въ чужомъ миру всякое присутствіе чуждой силы есть уже нарушеніе владѣнія, хотя бы владѣлецъ по какимъ либо отношеніямъ и заслуживалъ преслѣдованія частнаго или публичнаго местника.

Законъ неприкосновенности мира по превосходству простирался на домъ или на дворъ первобытнаго огнищанина; однакожъ въ покровительствѣ мира заключалось и все, что̀ принадлежало къ дому; цѣлая область у Германцевъ 95) называлась *защита*, *ограждение* (Gewehre): неприкосновенность простиралась на земли племени, рода, усадьбы и на всѣ вещи, въ сихъ предѣлахъ находящіяся, безъ различенія, порочно или добросовѣстно онѣ были пріобрѣтены, ибо и онѣ находились въ предѣлахъ, огражденныхъ миромъ. Вся земля и все на ней находящееся называлось *миромъ* (Friede, Friedegenossen). Послѣ сего не трудно понять, что̀ значитъ выраженіе Русской Правды „*познаетъ въ своемъ миру*“. Защита простирается противъ чужеродцевъ въ предѣлахъ цѣлой области, верви и губы, и противъ однородцевъ въ миру своей деревни, и противъ сосѣдей въ миру своей усадьбы. Но самовольная защита не должна переходить за межу владѣнія, ибо за ней начинается чужой миръ, и еще менѣе въ предѣлахъ земли самаго нарушителя: ибо это значило бы нарушить миръ владѣльца, т. е. учинить важное пре-

ступленіе. За межею начинается дѣйствіе всеобщаго разума; обиженный владѣлецъ можетъ преслѣдовать бѣгущаго вора или раба; но, поймавши его въ чужомъ міру, не долженъ самовольно отнимать *своего* — „*ль рцы ему мое*, а рцы ему тако: *поиди со мною на сводъ, гдѣ еси взялъ*“, а — пойманнаго раба долженъ вести къ мѣстному начальнику, тіуну или волостелю. Здѣсь интердиктъ изчезаетъ и открывается судъ, т. е. разбирательство правъ собственности, а не владѣнія. Похититель удерживаетъ вещь въ своемъ владѣніи, но долженъ присягнуть съ своими родичами (conjuratores), что та вещь у него *своя, доморощенная*, а судъ изслѣдуетъ, *какъ что́ ся рощеное* 96)“; если же вещь пріобрѣтена по передачѣ: то владѣлецъ долженъ поставить *поручника* (Gewehrmann, auctor rei, мѣстникъ), т. е. лице, отъ котораго онъ пріобрѣлъ вещь въ свое владѣніе. Если поручникъ согласно съ отвѣтчикомъ показываетъ, что вещь дѣйствительно отъ него пріобрѣтена, то долженъ былъ утвердить сіе показаніе присягою, и *заступить* мѣсто отвѣтчика (warrantisabat reum); если же и онъ ссылается на своего поручника, то также долженъ поставить его на судъ, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не отыскивался первый поручникъ, у котораго вещь была или первоначальная собственность (possidebat pro suo), или краденая. Въ послѣднемъ случаѣ поручникъ возвращалъ вещь и платилъ пеню. Сей-то древній искъ вещный (vindicatio rei) и назывался *сводъ*, или, по позднѣйшему выраженію, *очищеніе вещи* 97). Само собою разумѣется, что сводъ имѣлъ мѣсто только тогда, когда отвѣтчикъ запирался въ кражѣ вещи, въ противномъ случаѣ тіунъ или волостель силою своей власти тотчасъ приказывалъ возвратить. Сей древній искъ вчинался всегда на *вора*, слѣдовательно чистый интердиктъ къ защитѣ владѣнія отвле-

ченно отъ собственности мѣста имѣть не могъ. Итакъ чистый интердиктъ къ защитѣ истца ограничивался только предѣлами его владѣнія, и первоначальная форма его была самоуправство. На семъ же обычаѣ самовольной защиты основано право владѣльца брать въ запоръ чужой скотъ съ своего поля или луговъ впредь до выкупа, — самовольное арестованіе должника въ случаѣ неплатежа долгу, или снятіе съ него шапки, кафтана, — грабежъ надъ самовольнымъ порубщикомъ лѣса, отнятіе у него топора, лошади и сбруи; но все сіе, разумѣется, могло происходить только въ своемъ миру, и не простиралось за предѣлы онаго 98). Впрочемъ межа владѣнія служила предѣломъ только самовольной защиты, и отнюдь не преграждала ограбленному или украденному владѣльцу пути къ преслѣдованію похитителя; но какъ за межею владѣнія царствовалъ уже миръ не частный, а всеобщій: поэтому преслѣдованіе должно было происходить отъ имени всеобщаго разума. Въ Правдѣ XIII вѣка сказано по сему предмету: „а слѣдъ гнати *съ чужими людьми съ послухи*“. Обиженный, догнавши вора до дому („пригнавши слѣдъ“), не имѣлъ права чинить надъ нимъ свою управу, а долженъ былъ просить о томъ мѣстнаго начальника: „аже кто своего холопа досочится въ чіемъ либо родѣ (т. е. въ чужомъ миру), а будетъ посадникъ не вѣдалъ его, то повѣдавши іемоу пояти оу него отрокъ и шедши увязати и . . .“ 99) Наконецъ законъ земскаго мира, сохраняя неприкосновеннымъ владѣніе, не отнималъ правъ самосохраненія у владѣльца, когда онъ, находясь въ чужомъ миру, подвергался нападенію разбойника. Въ семъ случаѣ онъ въ правѣ поступить съ симъ какъ ему угодно; по крайней мѣрѣ такъ сказано въ договорѣ Смоленскаго Князя Мстислава съ Ригою.

Всѣ изчисленные случаи насильствъ повидимому относились къ имуществамъ движимымъ; но въ самомъ дѣлѣ сія защита, изключая нападенія разбойника въ чужомъ миру, собственно означала защиту недвижимыхъ, сохраненіе земскаго мира. Самостоятельная движимая вещь изчезала въ сложномъ единствѣ недвижимыхъ 100). Защищался земскій миръ, и защищался безъ различенія, имѣлъ ли владѣлецъ право владѣть особенною вещію, или не имѣлъ. Дѣло заключалось не въ одной вещи, а въ неприкосновенности, неподвижномъ состояніи всѣхъ вещей. Хотя не имѣемъ документовъ къ объясненію, какимъ образомъ по родовымъ обычаямъ защищалось владѣніе недвижимыхъ отъ насильства, отъ изгнанія, или вытиска, отъ ссѣченія граней, и т. п.; однакожъ можемъ съ достовѣрностію полагать, что и здѣсь имѣла мѣсто самовольная защита, или самоуправство владѣльца. Но что̀ дѣлалъ владѣлецъ, когда собственныя силы его были недостаточны къ отраженію нападающаго или насильственно завладѣвшаго? — На основаніи примѣровъ юриспруденціи втораго періода полагаю, что здѣсь безспорное производство не различалось отъ спорнаго, или тяжебнаго, изключая законодательства Новогородскаго. Недвижимое владѣніе, или владѣніе землями и водами, долго не входило въ ращетъ юриспруденціи. Обиліе земель и водъ сообщали всѣ возможныя удобства развернуться сельскому хозяйству и поселеніямъ, и даже понятіе изключительной собственности недвижимыхъ очень долго не основалось въ юриспруденціи перваго періода. Поелику *земля была велика и обильна*, то собственность недвижимыхъ состояла въ общемъ родовомъ владѣніи, и потому насильственныя завладѣнія недвижимыми должны были встрѣчаться гораздо рѣже, чѣмъ завладѣніе движимыми. Въ Ярославовой Правдѣ, при опредѣленіи правъ собственности, о зем-

ляхъ вовсе не упоминается. Первые слѣды *недвижимаго* *) владѣнія, коего предметомъ были уже не одни дворы, а и земли и угодья, мы находимъ въ прибавленіи къ Правдѣ (см. ст. XXVIII) и въ купчей Св. Антонія Новогородскаго въ началѣ XII вѣка. Святый пріобрѣтатель въ духовной своей грамотѣ между прочимъ въ защиту своего владѣнія призываетъ проклятіе насильно посягающему на игуменство, слѣдовательно и на владѣніе землею, къ игуменству принадлежащею. Вторый памятникъ защиты недвижимаго владѣнія есть грамота В. К. Мстислава Владиміровича Новгородскому Юрьеву монастырю 101) на пожалованныя ему земли, гдѣ владѣніе также поручено въ покровительство Богу, Св. Богородицѣ и Св. Георгію. Третій памятникъ есть Уставъ Святослава (XII в.) о *церковной дани* 102) и т. д. Чѣмъ ближе къ XV вѣку, чѣмъ болѣе законъ беретъ преимуществъ предъ частными волями, тѣмъ болѣе понятіе владѣнія получаетъ опредѣленности, и тѣмъ рѣзче защита его отдѣляется отъ спорнаго производства дѣлъ. Съ развитіемъ удѣловъ и образованіемъ областей въ особыя государства образуются особыя законодательства, замѣтно пріемлющія два главныя направленія, Московское и Новогородское. Московская, Рязанская и мелкихъ удѣловъ юриспруденція довольно медленно подвигалась впередъ; — Москвѣ въ то время было не до юриспруденціи: военная

---

*) Названіе, вѣроятно, принадлежитъ Святительскимъ судамъ. Въ первый разъ встрѣчается въ Никон. Лѣт. подъ 1377 г., потомъ въ письмахъ *Курбскаго* къ Іоанну Грозному. См. *Карамз.* Т. IX прим. 118. — Въ выпискѣ изъ дѣян. собора 1584 Іюля 20 и 1667 Іюн. 17. гл. XI вопр. 7. — Ук. 1712 Генв. 23. Ср. *Рейца* Опытъ Ист. Законод. § 133. — Лит. Статутъ. Разд. VII. арт. 13.

почва земли не благопріятствовала возращенію правды. Здѣсь надлежало болѣе думать о сборѣ пошлинъ за скрѣпу, за печать, о сборѣ вязебнаго, праваго и хоженаго, чѣмъ о настоящихъ порядкахъ гражданскаго судопроизводства. За то торговая держава Новгородъ быстро двигалась по пути гражданственнаго и юридическаго образованія. Изъ его судной грамоты 1471 года 103) мы видимъ, что собственность отъ владѣнія весьма различалась, и производство дѣлъ безспорныхъ рѣшительно отдѣлилось отъ тяжебнаго. Тамъ сказано: „а кому будетъ о землѣ дѣло, о селѣ или о дву или больши, или меньши: ино ему до суда на землю *не напъзжать* (т. е. насильствомъ не возвращать), ни людей своихъ не насылать, а о землѣ позвати къ суду.“ Изъ сего положенія явствуетъ, что владѣлецъ, безъ различія, по праву или не по праву владѣетъ, добросовѣстно или недобросовѣстно, но потому только, что владѣлецъ, покровительствуется закономъ, и не иначе, какъ по суду лишается своего владѣнія. Различеніе двухъ родовъ дѣлопроизводства на фактическое о владѣніи и производство тяжебное о правѣ собственности видно изъ слѣдующаго: „а кто на комъ понщетъ наѣзда, или грабежа въ земскомъ дѣлѣ: „*ино судити напередъ напъздъ и грабежъ, а о земли послѣ судъ.*“ Впрочемъ тою же грамотою обоихъ родовъ дѣлопроизводство позволялось соединять въ одно: „А кой истецъ похочетъ искать наѣзда или грабежа (т. е. владѣнія и права собственности вдругъ) 7): и то другому истцу (т. е. владѣющему) отвѣчать.“ Даже началось различеніе добросовѣстнаго владѣнія отъ недобросовѣстнаго. Псковская юриспруденція, современная Новогородской, весьма небогата развитіемъ порядка судебнаго; Двинская запрещаетъ самосудъ съ воромъ, т. е. частную сдѣлку и расправу; Рязанская, подражательница Московской, также не крѣпка въ своихъ началахъ, и край-

не не положительна; а Московская въ своей грамотѣ „*что тянетъ душегубствомъ къ Москвѣ* 104)“ и даже въ Судебникѣ Іоанна III вовсе не упоминаетъ о владѣніи отдѣльно отъ собственности, хотя рѣшеныя дѣла, близкія къ сему времени, уже предвѣщаютъ опытность будущихъ Московскихъ юриспруденотовъ. Итакъ честь юриспруденціи сего періода поддержана Новогородцами, *мужами дикими и невѣждами* по отзыву современныхъ Суздальскихъ лѣтописцевъ.

До сихъ поръ видѣли мы, какъ положенія о владѣніи развивались изъ безусловнаго начала, изъ семейственныхъ нравовъ и родовыхъ обычаевъ, безъ посредства Русскаго Народнаго Права; теперь должно упомянуть объ успѣхахъ понятія подъ вліяніемъ сего Народнаго Права, извѣстнаго намъ изъ договорныхъ грамотъ Великихъ и Удѣльныхъ Князей. Изъ сихъ грамотъ усматриваемъ, что при возстановленіи мира прежде всего обращено было вниманіе на возвращеніе отнятаго на *обѣ стороны* 105). При семъ встрѣчается замѣчательное правило, что владѣніе отнятой движимой вещи начинается съ минуты ея положенія, вѣроятно въ домѣ или въ предѣлахъ владѣнія отнявшаго 106). Въ первый разъ также видимъ здѣсь начатокъ общаго государственнаго правосудія въ лицѣ *третьихъ*, избираемыхъ обѣими сторонами для рѣшенія споровъ между подданными различныхъ княженій. Если по суду третейскому *виноватый не поклонится*, то есть будетъ ослушенъ приговору суда, то его принудить къ исполненію, къ выдачѣ завладѣнной вещи, „*и то не въ изпыту*“ т. е. насильство суда не есть нарушеніе мира 107). Послѣдній признакъ самоуправства между областями въ возвращеніи завладѣннаго долго удерживался въ статьѣ о разбояхъ, гдѣ обыкновенно Русскіе дипломаты выговариваютъ, что важнѣйшія нарушенія

владѣній, какъ то: разбой, татьба, наѣздъ, не подлежатъ суду смѣстному, а разбираются судьями земли, на которой учинено нарушеніе мира; впрочемъ если разбойники съ награбленными вещами уйдутъ въ свою землю, то ни обиженный, ни судья мѣста, гдѣ нарушено владѣніе, не въ правѣ преслѣдовать въ чужую землю, а должны жаловаться земскому Князю, который и разбираетъ дѣло чрезъ своихъ судей. Если же судьи, у коихъ тѣ разбойники въ присудѣ, замедлятъ выдачею граблennаго или вознагражденіемъ за убытки, то начальство обиженнаго въ правѣ употребить силу для его удовлетворенія, „*и то не въ измѣну*“, т. е. таковое насильство не нарушаетъ условленнаго земскаго мира 108). И такъ въ первомъ періодѣ Русскаго законодательства по предмету владѣнія образовались слѣдующія замѣчательныя положенія: a) владѣлецъ для защиты и возвращенія владѣнія въ своемъ мiру въ правѣ употребить частную силу; b) насильственное возвращеніе отнятаго въ чужомъ мiру есть нарушеніе земскаго мира, и потому составляетъ важное преступленіе; c) владѣніе судится и отдѣльно отъ собственности, и вмѣстѣ; d) владѣніе движимымъ начинается съ минуты положенія его въ предѣлахъ собственнаго мира. Довольно для юриспруденціи перваго періода!

Періодъ вторый. По Судебнику Іоанна IV безспорное производство дѣлъ существовало отдѣльно отъ тяжебнаго 109). Первое постановлено въ случаѣ признанія отвѣтчика въ насильномъ владѣніи вещи, второе въ случаѣ его запирательства; даже одно и тоже дѣло могло раздѣлиться на два различныя производства, безспорное и тяжебное, когда отвѣтчикъ въ одной части или статьѣ иска признавался, а въ другой запирался; но это не даетъ еще повода заключать, что Судебникъ покровительствовалъ владѣніе отдѣльно

отъ собственности: ибо статья предполагаетъ, что владѣніе было законное. Періодъ времени отъ Судебника до Уложенія по всѣмъ обстоятельствамъ Государства долженъ былъ дать сильное движеніе законодательству и юриспруденціи! Паденіе удѣловъ было началомъ возвышенія Москвы, военныя силы, мудрость государственнаго управленія, торговля, нравы, обычаи и областныя законодательства Россіи сосредоточились въ Москвѣ. Москва возстала страшнымъ исполиномъ, котораго тѣло образовалось изъ множества удѣльныхъ княженій соединенныхъ мощною рукою Царя Грознаго, рожденнаго на свѣтъ съ великими средствами для законоположенія и управленія. Но между тѣмъ законодательство сего періода осталось несравненно ниже юриспруденціи, и даже побѣжденное Новгородское законодательство не оказало ему видимаго пособія. Сильнѣйшимъ доказательствомъ сему служитъ безсмертное Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича, истинный дигестъ Царскаго періода Россіи, дигестъ, составленный большею частію изъ рѣшенныхъ дѣлъ, изъ боярскихъ приговоровъ, и до Свода Законовъ занимавшій первое мѣсто по обширности развитія, по глубинѣ и живости взгляда на дѣла гражданскія. Направленіе Государственной жизни также весьма благопріятствовало успѣхамъ дьяческой юриспруденціи. Слово Божіе и Царево было единственнымъ предметомъ воспитанія архивнаго юношества. Понятія были не обширны, но здравы и мужественны; они не были еще разслаблены отъ разнородной смѣси ученическаго періода; они всѣ заимствованы отъ воззрѣній на дѣла жизни, и сводились къ единодержавному, отечественному началу вѣденія. Наука обязана дорожить памятниками сего періода. Дѣйствительно, это былъ періодъ творенія недвижимой Русской собственности. Насильственныя завладѣнія, разбои, воровства, грабежи и наѣзды *наряд-*

нымъ боемъ (vi armata) долженствовали быть богатою жатвою для дьяковъ въ отношеніи теоретическомъ и практическомъ; они долженствовали сообщить сильное движеніе юриспруденціи, что̀ и доказано Соборнымъ Уложеніемъ. Уложеніе окончательно установило Русскія понятія о собственности. Для изложенія правомѣрныхъ послѣдствій владѣнія въ семъ періодѣ, не смотря на несмѣтное богатство памятниковъ, наука бѣдна матеріалами. Лѣтописи мало оказываютъ пособія. Примѣръ изданной *Сандуновымъ* правой грамоты, нѣкоторые акты изъ библіотеки Г. *Царскаго* и еще кой-какіе документы возбуждаютъ въ насъ непріятное предчувствіе, что преемники наши, по мѣрѣ открытія Государственныхъ архивовъ, болѣе и болѣе будутъ забавляться надъ скудостію нашихъ историческихъ познаній о правѣ Русской собственности. Г. Рейцъ въ семъ періодѣ своей *Исторіи Россійскаго Законодательства* 110) не допускаетъ правомѣрныхъ послѣдствій владѣнія, взятаго отвлеченно отъ собственности; но мы считаемъ мнѣніе его несправедливымъ: ибо сіи послѣдствія дѣйствительно были, — хотя не можемъ объяснить сего многими примѣрами. По нѣкоторымъ уднымъ грамотамъ 111) мы догадываемся, что владѣніе, каково бы ни было его основаніе, состояло подъ покровительствомъ закона, и защищалось отъ насилія и самоуправства тѣхъ, коимъ принадлежало по праву собственности. Но вездѣ дѣло о владѣніи представляется слитнымъ съ дѣломъ о собственности въ одинъ и тотъ же родъ производства. По жалобѣ о насильственномъ завладѣніи судъ рѣшалъ вмѣстѣ и принадлежность по праву собственности 112). Въ то время какъ Московскіе юристы пустились въ развитіе права собственности, Литовское правительство для Русскихъ областей, оторванныхъ отъ Россіи во время гибельныхъ междоусобій, составило уложе-

ніе изъ разной смѣси положеній Римскихъ, Германскихъ, Польскихъ и Русскихъ, и издало подъ именемъ Литовскаго Статута 113). Литовскій Статутъ во многихъ статьяхъ можетъ служить превосходнымъ источникомъ Русской юриспруденціи: ибо редакторы не пренебрегали историческимъ запасомъ общаго Русскаго Законодательства, а внѣшность системы была не безъ вліянія и на самое Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича. Въ Статутѣ статьи о владѣніи гораздо лучше обработаны, чѣмъ въ Уложеніи, и самое понятіе владѣнія представлено въ нихъ отдѣльно отъ собственности, съ его правомѣрными послѣдствіями, довольно опредѣленными. Здѣсь всякое владѣніе, безъ различенія законнаго отъ незаконнаго, добросовѣстнаго отъ недобросовѣстнаго, состоитъ подъ защитой закона (interdictum). Сія защита осуществляется a) въ формѣ самозащищенія, имѣющаго обширные предѣлы, такъ что, еслибъ кто нибудь, боронясь отъ насильника не только *домоваго*, но и такого, который наѣхалъ на село, на людей, на стада и грунты (земли), его убилъ или ранилъ, и въ томъ присягнулъ, то таковый убійца предъ лицемъ закона считается невиноватымъ. b) Самъ законъ, защищая владѣніе отъ насилія и самоуправства, отъ завладѣнія *съ боемъ и безъ бою*, въ теченіи десяти недѣль отъ произшествія, по одному фактическому изслѣдованію, безъ суда возвращаетъ владѣніе изгнанному („вытиснутому изъ спокойнаго владѣнія“). Если же отвѣтчикъ будетъ представлять крѣпости на завладѣнное имѣніе, то ихъ не принимать, а отсылать къ суду, и отъ истца больше не требовать какъ доказательства свидѣтелями — *добрыми людьми* и собственною присягою, что онъ дѣйствительно вытиснутъ изъ спокойнаго владѣнія. — Ясно, что здѣсь владѣніе защищается отдѣльно отъ права собственности 114).

Періодъ третій. Законная защита владѣнія въ семъ періодѣ можетъ быть раздѣлена a) на защиту владѣнія движимыхъ и b) на защиту владѣнія недвижимыхъ.

Защита владѣнія движимыхъ по преимуществу опредѣлена Уложеніемъ и Новоуказными статьями, и во многомъ сходствуетъ съ обычаями перваго и втораго періода 115). Хотя въ семъ III^мъ періодѣ вся строгость законовъ обращена противъ самоуправства, однакожъ есть случаи, гдѣ оно дозволяется подъ условіемъ послѣдующаго одобренія закона (ratihabitio), т. е. владѣлецъ обязанъ доказать предъ судомъ основательность самовольнаго защищенія. Вора позволяется убить въ домѣ на дѣлѣ преступленія; но въ то же время законъ предписываетъ владѣльцу, употребившему таковую защиту, тотчасъ объявить о семъ окольнымъ людямъ, и везти убитаго къ запискѣ въ Приказъ. Самовольная защита дозволяется не только у себя въ домѣ, но и въ полѣ, на дорогѣ, въ лѣсу и т. д., и распространена до такой степени, что владѣлецъ на *погонѣ за воромъ*, можетъ его убить или ранить, *если воръ изымать себя не дастъ, учнетъ дратися.* Но и здѣсь законъ предписываетъ владѣльцу заявить о семъ окольнымъ людямъ, и везти убитаго въ Приказъ. Не только самъ владѣлецъ, но и родственники и друзья его могутъ *поиматися у вора за полишное* 116), и конечно, на правахъ равныхъ съ самимъ владѣльцемъ. Но доколѣ простирается самовольная защита движимаго? — На основаніи древнихъ обычаевъ — до тѣхъ поръ, пока воръ или разбойникъ не внесетъ покраденнаго въ свой домъ (въ свой миръ): неприкосновенность области владѣнія въ семъ періодѣ ограничилась однимъ домомъ, куда нельзя уже самовольно преслѣдовать похитителя. Слѣдовательно и здѣсь точкою пресѣченія самовольной защиты должно принимать

по древнему обычаю — положеніе грабленной вещи въ домѣ: „*а что взято и положено.*“ Съ сей минуты начинается судебная защита владѣнія; хозяинъ не можетъ самовольно ворваться въ домъ вора для взятія своего: здѣсь законъ самъ предписываетъ „*обыскъ въ домѣ и выемку полишаго*“, съ приставомъ отъ суда и окольными людьми, для представленія въ судъ 117). — Домъ частнаго владѣльца предъ закономъ пересталъ быть священнымъ!! Положенія закона о защитѣ владѣнія движимыхъ весьма не обильны, и развиты только по предмету возвращенія бѣглыхъ рабовъ и холопей или по предмету возвращенія рабовъ, пользующихся свободою по насильственно и подложно составленнымъ отпускнымъ и по предмету возвращенія крѣпостныхъ отъ владѣльцевъ, по своему состоянію не имѣющихъ права ими владѣть. Въ семъ періодѣ сохранилось также древнее право владѣльца на самовольное обезпеченіе иска залогомъ, — *запоръ* чужой скотины, загнанной съ луговъ и полей. Но и здѣсь законъ предписываетъ владѣльцу предъявить о томъ окольнымъ людямъ и извѣстить хозяина скотины.

Защита владѣнія недвижимыхъ. Римское Право допускаетъ самовольную защиту и возвращеніе недвижимыхъ, съ условіемъ, чтобъ онѣ употреблены были въ тужь минуту, во время самаго насильственнаго дѣйствія („confestim — in continenti“). Слѣдовательно владѣлецъ по прекращеніи защиты не могъ ее возобновлять или повторять. Мы видѣли, что и Литовскій Статутъ дозволяетъ ее въ обширныхъ предѣлахъ; но Русскіе законы строжайше запрещаютъ всякое самоуправство, не изъемля изъ сего даже минуту завладѣнія. Формула воеводскаго или исправническаго прещенія безъусловна и безъисключительна: „*чтобъ въ земляхъ и лугахъ и въ лѣсахъ и ни въ какихъ угодьяхъ ссоръ и боевъ и грабежу*

и убійства не было ни которыми мѣрами („vim fieri veto“); *а кто нарушитъ* (законъ), *тому быть въ опалѣ и въ жестокомъ наказаніи*“ 118). И мнѣ кажется, справедливость въ семъ случаѣ на сторонѣ Русскаго законодательства. Оно позволяетъ самовольную защиту движимаго во всей силѣ, вѣроятно по тому побужденію, что воры и разбойники, какъ люди часто вовсе неизвѣстные, безъ сего легко могли бы избѣгнуть правосудія, а ограбленный потерпѣлъ бы невознаградимый убытокъ. Напротивъ самовольная защита недвижимаго есть дѣйствіе совершенно излишнее: ибо здѣсь самовольно завладѣвшій, по свойству предмета всегда извѣстенъ, слѣдовательно противъ него всегда можно употребить воеводскую или исправническую защиту. Что законная защита владѣнія съ самаго начала сего періода существовала, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія; остается рѣшить, была ли сія защита чистый интердиктъ, или соединяла въ себѣ и вещный искъ (vindicatio)? — Хотя въ Уложеніи она и предписывается, но дѣйствія ея обыкновенно оканчивались возвращеніемъ имѣнія хозяину, слѣдовательно безспорное производство сливалось съ тяжебнымъ, а владѣніе смѣшивалось съ собственностію. Потомъ хотя указомъ 1680 Маія 16 и велѣно отдавать отнятое прежнему владѣльцу *безъ всякаго розыску* (безъ суда); но это постановленіе издано на случай межеванія, притомъ владѣлецъ предполагается хозяиномъ, а указомъ 1752 Іюня 30 предписано прямо, чтобы челобитныя о насильственномъ посѣяніи хлѣба подавать въ Судный Приказъ и дѣло рѣшить формою суда по указу 1723 г. Ноября 5. Изъ сего ясно видно, что владѣніе смѣшивалось съ собственностію, а интердиктъ съ вещнымъ искомъ. Наконецъ вскорѣ за симъ защита владѣнія начала отдѣляться отъ судопроизводства тяжебнаго, именно указомъ 1754 Генваря 20 велѣно дѣла о насиль-

номъ завладѣніи *производить слѣдствіемъ, а не судомъ*. Въ Межевой Инструкціи 1766 Августа 22 разборъ о владѣніи ясно отдѣленъ отъ разбора по крѣпостямъ. Первый съ извѣстными ограниченіями предоставленъ самимъ землемѣрамъ, а второй судебнымъ мѣстамъ. Потомъ 1767 году Августа 22 послѣдовало мѣстное постановленіе, чтобъ дѣла о завладѣніи рѣшены были болѣе *собственнымъ разбирательствомъ* (въ Малороссіи, по Черкасскому обычаю), *нежели настоящимъ производженіемъ и доказательствомъ*. Наконецъ 266 и 243 статьи Учрежденія о Губерніяхъ положили твердое основаніе Русскаго интердикта для защиты владѣнія отдѣльно отъ собственности, и появленіе сего постановленія безспорно надлежитъ приписать вліянію Литовскаго Статута. Но какъ нижнія инстанціи, о чемъ сказано выше, не понимали настоящаго разума сихъ статей, то законодательная власть признала за благо указомъ 1820 Іюля 30 пояснить статью Учрежденія о Губерніяхъ, и также подъ непосредственнымъ вліяніемъ Литовскаго Статута: ибо сей указъ основанъ на указѣ 1809 Октября 14, изданномъ по Малороссійскимъ дѣламъ въ объясненіе положенія Литовскаго Статута. Указомъ 1820 года объяснено: „Градскія и Земскія Полиціи, не входя въ разборъ документовъ, обязаны приводить только въ ясность, въ чьемъ владѣніи было имѣніе тогда, когда на ономъ учинено насиліе, и по изслѣдованіи возвращать тотчасъ тому, у кого что̀ отнято или заграблено, а учинившаго насиліе отсылать къ суду.... О принадлежности же имѣнія по письменнымъ документамъ относится къ формальному производству Гражданскаго, а не къ розбору Нижняго Земскаго Суда.“

Еще болѣе владѣніе отвлечено отъ собственности въ указѣ 1821 Ноября 16, коимъ повелѣно отнятое возвращать тому, у кого было во владѣ-

нiи, — *хотя бы отнимающiй по документамъ и поводъ имѣлъ къ присвоенiю: ибо никто самъ собою управляться не долженъ.* Но дѣйствiе защиты владѣнiя, согласно съ положенiемъ Литовскаго Статута, ограничено десятинедѣльнымъ срокомъ, по истеченiи коего искъ о возвращенiи владѣнiя измѣняется въ искъ вещный, и дѣло производится уже не слѣдствiемъ, а судомъ 119). Изъ сего опредѣленiя слѣдовало бы заключить, что насильно завладѣвшiй, по истеченiи десяти недѣль, имѣетъ право употребить защиту не только противъ постороняго, но и противъ самаго законнаго владѣльца; но какъ выше сказано, что воеводская формула вообще воспрещаетъ на земляхъ ссоры: то временемъ, съ котораго начинается защита насильственно завладѣннаго, должно полагать тотъ моментъ, въ который хозяинъ созналъ потерю своего владѣнiя.

Примѣч. Присемъ считаю нужнымъ упомянуть, что *Вельмяминовъ-Зерновъ* 120) допускаетъ употребленiе частной силы для защиты владѣнiя безъ различенiя движимыхъ отъ недвижимыхъ, ограничивая оное минутою нападенiя: „Сiе должно быть, говоритъ онъ, въ то самое время, когда другой нападаетъ на его имущество; коль же скоро завладѣетъ имъ, то владѣлецъ не имѣетъ уже права отнимать его назадъ силою, но долженъ отыскивать судомъ.“— Мнѣнiе совершенно несправедливое относительно недвижимыхъ!.. ибо законъ запрещаетъ вообще драки на земляхъ: слѣдовательно запрещаетъ и всякое употребленiе самовольной силы. Само собою разумѣется, что противъ нарушителя правъ владѣнiя, предпринимающаго наѣздъ *нарядными боемъ*, самозащищенiе и здѣсь имѣетъ мѣсто; но употребленiе частной силы должно ограничиваться только защитою лица, а не вещи. По разуму воеводской формулы нельзя употребить частной силы противъ завладѣв-

шаго безъ бою, какъ это позволялось у Римлянъ, а потому нельзя допустить и Римскаго колебанія побѣды на обѣ стороны при нападеніи и отраженіи. У Римлянъ владѣніе до тѣхъ поръ считается не потеряннымъ, пока хозяинъ, испытавъ тщетно частную силу отраженія, не прекратилъ дѣйствія защиты; но въ Русскомъ Правѣ не видно подобныхъ опредѣленій. Вельяминовъ-Зерновъ также недостаточно опредѣлилъ моментъ, въ который самовольная защита владѣнія движимыхъ (онъ говоритъ вообще, не различая движимыхъ отъ недвижимыхъ) можетъ быть употреблена владѣльцемъ при нападеніи на его имущество. Частная защита движимыхъ, какъ выше сказано, позволяется не только въ минуту нападенія, но продолжается даже на *погонѣ за воромъ*, и прекращается уже тогда, когда покраденная вещь будетъ положена въ домѣ похитителя.

О земской давности. Ни въ Русской Правдѣ, ни въ лѣтописяхъ о междусобіяхъ Князей, ни въ Новогородской Судной граматѣ, весьма близкой къ временамъ Судебника Іоанна III, не видимъ, чтобы давность погашала искъ хозяина или сообщала владѣльцу права, которыхъ онъ прежде не имѣлъ. Давность (praescriptio) какъ учрежденіе, основанное не столько на идеѣ справедливости, сколько на уваженіи государственныхъ пользъ, естественно принадлежитъ позднѣйшимъ временамъ Законодательства 121). Давность въ первый разъ начинаетъ показываться въ договорныхъ граматахъ Русскихъ Князей. Князья, при заключеніи мира послѣ взаимныхъ грабежей и насильствъ, не видя возможности возстановить дѣлъ въ прежнее состояніе, возвратить отнятое, отдать награбленное по исправѣ, часто находили полезнѣйшимъ предать забвенію дѣла насильствъ и хищенія, — о чемъ и существовала въ древнихъ договорахъ особая опредѣленная формула: „*а что взято*

(то взято) *и пограблено, тому погребъ* (забвеніе)", или: „*а что́ взято и пограблено, о томъ есма́ погренули*" 122). Но и сіе положеніе Народнаго Русскаго Права зависѣло отъ воли договаривающихся, и не было общимъ и постояннымъ правиломъ. Давность правильнѣе и постояннѣе выразилась въ Судебникѣ Іоанна III, и съ сего времени до самаго Манифеста о земской давности 1787 года непрерывно успѣвала въ дальнѣйшемъ опредѣленіи, и изъ частныхъ давностей по разнымъ родамъ дѣлъ открылась всеобщею давностію. Для большей ясности раздѣлимъ ее на два класса: a) давность для движимыхъ и b) давность для недвижимыхъ.

a) *Давность для движимыхъ.* Поелику важнѣйшій предметъ движимой собственности и владѣнія по исторіи Русскаго Законодателаства составляли рабы и крѣпостные люди: то вообще ученіе о движимыхъ полнѣе и опредѣлительнѣе выразилось въ статьѣ о сихъ предметахъ собственности и владѣнія. Указомъ Царя Василія Шуйскаго 1607 года Марта 9 постановлено: кто въ возвращеніи крестьянъ, самовольно перешедшихъ къ другимъ помѣщикамъ, въ теченіи 15 лѣтъ не просилъ, тому суда не давать, и крестьянъ не вывозить 123). Боярскимъ приговоромъ при Лжедимитріѣ 1606 Февраля 1 дня 124) узаконенно: „на бѣглыхъ крестьянъ по старому приговору далѣе 5 лѣтъ суда не давать." По Указу 1641 года велѣно бѣглыхъ крестьянъ и бобылей отдавать по суду и по сылку *за десять лѣтъ* (Акты Археолог. Экспедиціи. Т. IV. стр. 25). По Уложенію (Гл. XI. ст. 2, 6.) бѣглыхъ крестьянъ и бобылей велѣно отыскивать только тѣхъ, кои написаны въ писцовыхъ книгахъ (1616 года) и въ переписныхъ (1646 года) безъ урочныхъ лѣтъ, слѣдовательно давность допущена только временно. По Указу 1722 Апрѣля 6 п. II велѣно бѣглыхъ отыскивать только за

три года. По Указу 1754 Нояб. 14. п. 1. велѣно: „всѣмъ бѣглымъ людямъ и крестьянамъ изъ бѣговъ отдачу чинить, кто гдѣ и за кѣмъ по сказкамъ съ 1719 г. и по положенію въ подушный окладъ въ первую перепись (1724 года) и во вторую ревизію (1744 года) написаны, съ женами и съ дѣтьми и со всѣми ихъ животы и съ хлѣбомъ; а по бывшимъ до 1719 года писцовымъ и переписнымъ и ландратскимъ книгамъ, отдачи бѣглыхъ за вышеприведенными резоны не чинить (для избавленія подданныхъ отъ ябедническихъ душевредныхъ вымысловъ, отъ напраснаго невиннымъ разоренія, къ пресѣченію во всѣхъ судныхъ мѣстахъ долговременныхъ судовъ)." Наконецъ Манифестомъ 1787 года Іюня 28 постановлена общая земская давность, которая владѣльца, спокойно и безспорно владѣвшаго въ *теченіи десяти лѣтъ*, избавляетъ отъ всѣхъ притязаній и исковъ, безъ всякаго различенія основаній и предлоговъ владѣнія (causa, titulus). Законъ земской давности даже не обращаетъ вниманія на то, съ котораго времени извѣстно стало хозяину о завладѣніи принадлежащаго ему имущества, исключая случая по предмету отысканія бѣглыхъ. Давность молчанія объ нихъ начинается не съ явки о побѣгѣ, а съ минуты сознанія господина о мѣстѣ ихъ жительства: ибо до сего времени нельзя производить иска, по неизвѣстности, гдѣ находится бѣглый 125). О давности владѣнія прочихъ движимыхъ вещей мы имѣемъ свѣдѣнія только съ Уложенія. Изъ сего источника мы видимъ, что искъ вещи не подлежитъ давности, но приплодъ вещи, завладѣнной другимъ, позволено отыскивать только въ теченіи года 126) и т. д.

Давность для недвижимыхъ. Въ памятникахъ законодательства до Судебника Іоанна III хотя мы не видимъ существованія давности для недвижимыхъ; но обстоятельства редакціи сего уложенія, которое,

какъ извѣстно, содержало не новые законы, а только приведенные въ порядокъ обычаи прошедшаго времени и рѣшеныя дѣла присутственыхъ мѣстъ, служатъ достаточнымъ доказательствомъ, что давность владѣнія, а именно давность погашающая (praescriptio extinctiva) существовала еще въ концѣ перваго періода. Судебникъ не велитъ давать суда отыскивающимъ земли по истеченіи трехъ лѣтъ завладѣнія для частныхъ владѣльцевъ и по истеченіи шести лѣтъ для Государя 127). О срокѣ выкупа родовыхъ вотчинъ, проданныхъ или заложенныхъ въ чужой родъ (тогда заложенное недвижимое поступало во владѣніе заимодавца) еще не упоминается; но Судебникъ Іоанна IV, принимая давность въ отысканіи земель, полагаетъ срокъ выкупа родовыхъ и, вѣроятно, срокъ выкупа заложенныхъ, не далѣе сорока лѣтъ 128). При первомъ взглядѣ права хозяина земли, завладѣнной другимъ, несоразмѣрно малы въ сравненіи съ правами родичей и залогодателей. Такъ повелѣваетъ законъ; но думаю, что практика слѣдовала инымъ правиламъ. Въ судной грамотѣ В. К. Іоанна III 129) истцы теряютъ искъ о завладѣнныхъ земляхъ отъ того, что ищутъ за сорокъ лѣтъ; — на какомъ законѣ основано сіе опредѣленіе, изъ судной грамоты не видно. Въ судной грамотѣ В. К. Василія Ивановича 130) истцы теряютъ искъ отъ того, что ищутъ за 30 лѣтъ; но и здѣсь законъ также не приведенъ. Въ правой грамотѣ 1559 года 131) истцамъ о выкупѣ родовой вотчины судья дѣлаетъ отказъ, и ставитъ въ вину, для чего они семнадцать лѣтъ молчали и вотчины не выкупали, а въ другомъ мѣстѣ упрекаетъ, для чего они не искали вотчины двадцать шесть лѣтъ. Изъ сего видно, что для выкупа родовыхъ изъ продажи и залога хотя и положена закономъ давность сорокалѣтняя, но въ практикѣ всѣ сіи отношенія зависѣли отъ произвола судебныхъ мѣстъ. Наконецъ есть достаточное основаніе думать, что

искъ о землѣ, вмѣсто узаконенной трехлѣтней давности, подчинялся давности сорокалѣтней наравнѣ съ правомъ выкупа изъ продажи и залога: ибо въ правой граматѣ Патріарха Филарета Никитича (1627 Фев. 20) 132) Богоявленскому монастырю судья приводитъ слѣдующій законъ: по Судебнику и по указу Царя Михаила Ѳедоровича насильно завладѣнное велѣно отыскивать за *сорокъ лѣтъ*. Слѣдовательно сорокалѣтняя давность еще до Уложенія сдѣлалась почти общею земскою давностію. Въ Уложеніи 133) не только выкупъ проданныхъ, но и заложенныхъ въ чужой родъ отчинъ дозволенъ въ теченіи сорока лѣтъ: „а судити о вотчинѣ за 40 лѣтъ, а которыя вотчины будутъ въ куплѣ или закладѣ больше сорока лѣтъ, и такихъ вотчинъ послѣ указныхъ сорока лѣтъ на выкупъ ни кому не давать“. Съ Уложенія до временъ Екатерины II не столько по закону, сколько по обычаю принималась въ уваженіе незапамятная давность, называемая *старинное послѣ дѣдовъ и отцовъ владѣніе* 134), которое безъ дачь и крѣпостей равнялось собственности. Наконецъ Манифестомъ 1787 года Іюня 28 узаконена общая *десятилѣтняя земская давность*, какъ для движимыхъ, такъ и недвижимыхъ 135).

Кромѣ судебной защиты и давности Русское владѣніе не имѣетъ другихъ первообразныхъ правомѣрныхъ послѣдствій. Принимаемое Вельяминовымъ-Зерновымъ 136) за особенное послѣдствіе владѣнія право требовать вознагражденія за все время незаконнаго владѣнія есть необходимое послѣдствіе защиты *владѣнія*. Право владѣльца на предпочтеніе, равномѣрно и право его удерживать за собою вещь до рѣшенія спора, въ настоящемъ значеніи не доказываютъ ни предпочтенія, ни права: они суть послѣдствія не владѣнія, а того обстоятельства, что истецъ права своего не доказалъ. Опредѣленіе суда имѣетъ здѣсь фор-

му, называемую въ Логикѣ *безконечнымъ сужденіемъ*. Оно не опредѣляетъ, кому слѣдуетъ владѣть, а только отрицаетъ искъ просителя, какъ не имѣющій доказательствъ. По тому же должно судить и о прочихъ правомѣрныхъ послѣдствіяхъ владѣнія, принимаемыхъ Вельяминовымъ-Зерновымъ, напримѣръ: „всякое владѣніе почитается законнымъ, доколѣ не будетъ доказана судомъ его незаконность". Кромѣ того, что приведенные имъ къ подтвержденію сего мнѣнія законы ничего подобнаго не содержатъ, положеніе само по себѣ есть послѣдствіе не владѣнія, а того, что истецъ права своего не доказалъ.

Къ защитѣ владѣнія можно отнести особеннаго рода случай, когда Правительство, для своихъ государственныхъ цѣлей желая привести въ извѣстность число жителей въ Государствѣ, повелѣваетъ людей податнаго сословія, городскихъ и земскихъ, крѣпостныхъ и некрѣпостныхъ писать по наѣзду писцовъ, т. е. тамъ, гдѣ кого ревизія застанетъ, слѣд. фактическое состояніе превращаетъ какъ бы въ правомѣрное. Такимъ образомъ записанный хотя не дѣлается крѣпкимъ тому, за кѣмъ записанъ, однакожъ симъ самымъ владѣльцу сообщаются выгоды владѣнія, право защиты и давности, когда въ теченіи опредѣленнаго срока ни отъ кого не будетъ представлено крѣпостей. Тоже должо сказать о послѣдствіяхъ написанія въ писцовыхъ и межевыхъ книгахъ. Въ послѣдствіи времени сіи книги превращаются въ доказательство владѣнія, а долговременное владѣніе по онымъ превращается въ собственность 137).

ЧТО ЕСТЬ ВЛАДѢНІЕ, ФАКТЪ ИЛИ ПРАВО?

Не основательно было бы думать, что Русскій интердиктъ основанъ на предположеніи, что владѣлецъ есть хозяинъ вещи. Противъ сего свидѣтель-

ствуетъ вся исторія законодательства, и во первыхъ Новогородская Судная грамата, въ которой прямо сказано, что даже хозяинъ, самоуправствомъ отыскивающій владѣніе, теряетъ дѣло противъ незаконнаго владѣльца: „*а кто силу доспѣетъ, тымъ его и обвинить*“ 138). Поелику владѣлецъ, явно не законный, симъ не только защищается въ своемъ владѣніи, но и пріобрѣтаетъ право собственности противъ хозяина: то симъ самымъ устраняется всякое предположеніе о собственности. Законъ видитъ одно самоуправство и уничтожаетъ всѣ его дѣйствія, не различая, каковы бъ ни были побужденія къ оному. Столь же ясно опровергается неосновательность предположенія о владѣльцѣ постановленіемъ о самовольной выемкѣ завѣдомо-бѣглаго раба или завѣдомо-украденной вещи. Наконецъ Литовскій Статутъ, Учрежденіе о Губерніяхъ, и въ поясненіе ихъ изданные указы 1820 и 1821 годовъ рѣшительно признаютъ владѣніе за фактъ, а отнодь не за право. Исправникъ уполномоченъ прекращать насильство не только по жалобѣ владѣльца, но и по собственному усмотрѣнію, и когда онъ, по данной ему власти, защищаетъ владѣніе противъ насильства, то не пріемлетъ во вниманіе никакихъ письменныхъ документовъ; — онъ не хочетъ знать, кто имѣетъ право владѣть, а единственно приводитъ въ ясность, кто владѣлъ до учиненія насилія: *законъ повелѣваетъ защищать владѣніе, хотя бы отнимающій по документамъ и поводъ имѣлъ къ присвоенію.... ибо никто самъ собою управляться не долженъ.* Послѣднее объясненіе прямо указываетъ, что самоуправство запрещается не по предположенію, что владѣлецъ есть хозяинъ, а по тому, что самоуправство само по себѣ есть преступленіе публичное, угрожающее общественной безопасности, нарушающее общественный миръ, — и если Исправникъ отнятое возвращаетъ тому, у кого отнято, то симъ

не права владѣльца возстановляются въ прежнее состояніе (ибо права его не существуютъ), а уничтожаются только послѣдствія силы, которая сама по себѣ не терпима. „А кто силу доспѣетъ, тымъ его и обвинить.“ Изъ учрежденія Русской давности еще смѣлѣе можно заключать, что владѣніе защищается не по предположенію въ немъ собственности: — Русская давность не требуетъ никакого законнаго предлога или добросовѣстія отъ владѣльца, и если онъ оставляется въ спокойномъ обладаніи по истеченіи десяти лѣтъ, то нисколько не въ уваженіе его права, а единственно по тому, что безъ давности не проченъ былъ бы общественный миръ, спокойное обладаніе собственностію; слѣдовательно давность введена не просто для владѣльцевъ, а для владѣльцевъ законныхъ, чтобъ они пребывали спокойны въ своемъ владѣніи.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О

ПРІОБРѢТЕНІИ ВЛАДѢНІЯ.

Кажется, ни одному Русскому законнику не приходило на мысль подробно разбирать первоначальныя стихіи, изъ которыхъ составлено дѣло владѣнія, и Римское положеніе, что для владѣнія необходимы animus et corpus possidendi, обратили бы вниманіе нашего практика не по тому, чтобъ онъ здѣсь видѣлъ особенное остроуміе, а по тому, что Римская юриспруденція слишкомъ расточительна на объясненія того, что „само собою разумѣется.“ И въ самомъ дѣлѣ, какъ представить владѣніе безъ воли или желанія освоить вещь, безъ физической возможности распо-

лагать сю, и исключать всѣхъ другихъ отъ сего распоряженія. Въ Сводѣ Гражданскихъ Законовъ 139) бытіе владѣнія опредѣляется кратко и точно: „владѣніе не считается начавшимся, когда прежній владѣлецъ можетъ доказать актами, что въ сіе время онъ еще управлялъ и распоряжалъ имуществомъ, какъ своею собственностію.“ Здѣсь все выражено, что̀ Римскіе юристы понимали въ условіяхъ владѣнія — et animus et corpus possidendi: намъ остается развить положеніе Свода изъ исторіи минувшаго и дѣйствующаго законодательства.

Духовный дѣятель владѣнія

(animus possidendi).

Владѣніе, какъ превосходно выражено въ Сводѣ Гражданскихъ Законовъ 140), есть существенная часть права собственности: ибо собственность безъ цѣли не вообразима, а цѣль ея состоитъ въ томъ, чтобъ удовлетворять потребностямъ духа и тѣла, служить предметомъ пользованія, — а это выражаетъ сущность самаго владѣнія. Въ такомъ точно значеніи пользованіе признано въ Сводѣ Законовъ, и даже замѣнило слово *владѣніе*, когда надлежало опредѣлить владѣніе движимыхъ и даже недвижимыхъ 141): ибо по исторіи законодательства видно, что оно употреблялось иногда и для означенія владѣнія недвижимыхъ. Въ понятіи пользованія заключается мысль, что цѣль ея есть освоеніе, т. е. обращеніе предмета въ собственную природу человѣка, посредствомъ уподобленія его человѣческой личности и организму. Дѣйствіе сего освоенія необходимо соединено съ сознаніемъ предмета и желаніемъ (animus) обратить его въ собственность. Поелику въ первомъ періодѣ зако-

подательствъ всѣ умственныя представленія порабощены чувствамъ и воображенію, всѣ понятія отзываются индивидуальностію, вещественностію воззрѣній, и вообще бываютъ слишкомъ тѣлесны: то первобытная юриспруденція болѣе употребляетъ слитныя, нежели отвлеченныя названія для выраженія условій владѣнія. Но Русская юриспруденція въ этомъ отношеніи представляетъ какъ бы исключеніе: названіе *владѣніе*, не смотря на свою глубокую древность, какъ выше замѣчено, показываетъ, что предковъ нашихъ въ дѣйствіи владѣнія въ особенности поражала духовная сторона — *воло-дѣю*, я волень въ отчинѣ, вѣдаю отчину. Сіи названія совмѣщаютъ въ себѣ два духовныя условія владѣнія, сознаніе и волю, заключавшіяся у Римлянъ въ одномъ понятіи animus possidendi. Дѣятельность духа, направленная къ тому, чтобъ предметъ сознанія и желанія былъ освоенъ, превосходно замѣченная Римскими юристами, не менѣе ощутительна и въ условіяхъ Русскаго владѣнія. Еще въ XII вѣкѣ завладѣть выражалось словомъ *освоить* 142). Въ рукописи библіотеки Г. *Царскаго* судная грамата В. Князя Ивана Васильевича владѣнію приписываетъ характеръ освоенія. Кромѣ сихъ названій, показывающихъ превосходную силу отвлеченія въ геніѣ Русскаго народа, мы весьма часто встрѣчаемъ присутствіе духовнаго дѣятеля въ конкретныхъ выраженіяхъ владѣнія. Такъ нерѣдко дѣйствіе владѣнія живописуется въ словахъ: „*учали пахать на себя* (sibi possident)“ или въ Судебникѣ Іоанна IV: „завладѣли и начали звать *своими*“ 143). Литовскія граматы для владѣнія требуютъ также сознанія и воли, или стремленія ихъ къ *освоенію*, что выражается въ словахъ: держать въ *нашемъ имени* 144); ибо сообщить свое имя вещи значитъ тоже, что и освоить вещь, и выражаетъ гораздо болѣе, нежели обыкновенное освоеніе, а именно

гражданскую способность пріобрѣтать: ибо въ Русскомъ языкѣ *имѣть имя* значитъ имѣть личность, т. е. способность къ пріобрѣтенію правъ гражданскихъ. Наконецъ самое Уложеніе условіемъ къ пріобрѣтенію владѣнія поставляетъ намѣреніе освоенія вещи: владѣть вещію по Уложенію значитъ *называть вещь своею* 145). Послѣдующія узаконенія хотя особенно не опредѣляютъ, что условіемъ владѣнія служитъ сознаніе и воля, дѣйствующія на освоеніе вещи; однакожъ сіе условіе въ бытіи владѣнія всегда и вездѣ подразумѣвается, а въ указѣ 1778 Мая 15 ст. 1. видно даже намѣреніе Законодательницы отвлечь требованіе сихъ условій въ особенное положеніе: „надлежитъ особливо знать, говоритъ Она, что лучше имѣть извѣстное, нежели совсѣмъ то поставлять безъизвѣстнымъ, что̀ не во всемъ соотвѣтствуетъ точности; лучше имѣть первое, нежели другое; лучше быть каждому извѣстнымъ о своей дачѣ, нежели не имѣть о томъ ни какого извѣстія. Въ первомъ случаѣ каждый будетъ знать, что̀ ему принадлежитъ, а въ другомъ никто о томъ и свѣдѣнія имѣть не можетъ. Все будетъ сомнительное, все неосновательное и все неимовѣрное.“ Симъ убѣдительно доказывается необходимость духовныхъ условій, сознанія и воли, для дѣйствительности Русскаго владѣнія.

Мы доказали, что Русская юриспруденція точно такъ же какъ и Римская требуетъ для владѣнія *animum rem sibi habendi;* теперь мы должны опредѣлить сознаніе и волю, какъ онѣ должны быть въ дѣлѣ владѣнія сами по себѣ и потомъ внѣ себя, т. е. въ ихъ субъективномъ и объективномъ состояніи.

Опредѣленіе сознанія и воли въ субъективномъ состояніи. Въ теоріи владѣнія доказано было, что духъ человѣческій, сознаніе и воля, составляя необходимое условіе владѣнія, должны имѣть особенность, или жизненность, безъ чего самое владѣніе

дѣлается невозможнымъ: ибо лица, лишенныя индивидуальной свободы, какъ лица мертвыя, въ строгомъ смыслѣ владѣльцами быть не могутъ. Сіи, такъ сказать, безличныя лица бываютъ таковыми или по закону, или по своей природѣ. Первые суть лица физическія, но лишенныя гражданской личности, или ограниченныя въ оной по отношенію къ правамъ имущественнымъ. Таковы бываютъ: a) въ древности рабы, — обѣльные, старинные, докладные и полные холопи 146), а въ настоящее время крѣпостные крестьяне и дворовые люди; ихъ собственность и владѣніе принадлежатъ господамъ: ибо чѣмъ они ни владѣютъ, господамъ своимъ владѣютъ (alteri possident). b). *Политически мертвые*; — ссыльные и каторжные не могутъ имѣть собственности и владѣнія 147.) Законъ признаетъ въ нихъ собственность только по праву естественному; но сія каторжная собственность въ настоящемъ значеніи принадлежитъ не лицамъ политически мертвымъ, а казнѣ, — а потому и владѣніе ихъ есть собственно владѣніе казны: c) *Постригшіеся въ монахи*, живущіе Богу, а *не себѣ*, какъ добровольно отрекшіеся отъ личности и снявшіе съ себя гражданское имя, по крайней мѣрѣ относительно недвижимыхъ, не могутъ быть пріобрѣтателями владѣнія 148). Сіе положеніе, безъ сомнѣнія, получило начало вскорѣ послѣ введенія христіанства въ Россіи. Въ духовныхъ граматахъ перваго и втораго періода почти вездѣ встрѣчаемъ обычай завѣщевать недвижимое женамъ пожизненно, по замужство и по постриженіе; нерѣдко встрѣчаемъ также обычай, по коему бояре и слуги при постриженіи своемъ въ монахи все недвижимое отказывали въ монастыри, избранные ими для единожительства и иноческихъ подвиговъ. Симъ объясняется, что постриженные съ самаго начала не имѣли права владѣть недвижимыми имѣніями. Часто о семъ упоминается въ Уложеніи и

въ Новоуказныхъ статьяхъ, и даже существуетъ прямое запрещеніе постригшимся владѣть вотчинами 149.) d) *Малолѣтные*, поелику въ нихъ отрицается зрѣлость разсудка и воли, не иначе пріобрѣтаютъ и продолжаютъ владѣніе, какъ посредствомъ опекуновъ и попечителей 150). e) *Сумасшедшіе*, поелику въ нихъ отрицается послѣдовательность сознанія и воли, не могутъ пріобрѣтать владѣнія, и вещи, поступившія въ ихъ распоряженіе, должны считаться пропавшими, а не завладѣнными. Владѣльцы же, по природѣ своей не имѣющіе личности, суть *общества* всѣхъ наименованій. Римскіе юристы, какъ показано нами въ теоріи, держась строгой послѣдовательности въ развитіи понятій, не допускаютъ владѣнія обществъ. Дѣйствительно, общества, какъ существа отвлеченныя, не могутъ быть владѣльцами сами по себѣ, ибо для владѣнія необходима воля живая, сознаніе индивидуальное; а общества ни того ни другаго не имѣютъ: „*quia uni consentire non possunt.*“ Но Русское законодательство въ пріобрѣтеніи владѣнія не дѣлаетъ различія между физическими и нравственными лицами: у насъ городскія общества, монастыри и академіи точно такъ же *владѣютъ*, какъ и индивидуальныя лица 151). Если разсматривать сей предметъ по образу представленія нашихъ набожныхъ предковъ, то наши мысленные субъекты на самомъ дѣлѣ были не нравственными, а физическими лицами: владѣльцами считалось не общество монаховъ, а лица Святыхъ, во имя коихъ были основаны церкви и монастыри. Такъ въ граматахъ монастырямъ писали: „даю Св. Георгію (т. е. Юрьеву монастырю).“ или: „даю Св. Богородицѣ.“ Лица Святыхъ были и защитниками владѣнія (advocati sacrosanctae ecclesiae): „*а кто будетъ наступати, на того Богъ и Святый Георгій* 152). По этому не было никакой причины признавать церкви и монастыри нравственными ли-

цами. Между тѣмъ ихъ сознаніе и воля издревле осуществлялись въ лицѣ настоятелей, казначеевъ, посельскихъ старцевъ и стряпчихъ. Часто въ завѣщаніяхъ лице настоятеля пріемлется за субъектъ монастырскаго владѣнія: напр. „*даю Игумену Варсонофію съ братіею или кто по немъ будетъ*“ 153). Казна и публичныя общества пріобрѣтаютъ владѣніе чрезъ предсѣдателей, синдиковъ, стряпчихъ, повѣренныхъ и крестьянъ, живущихъ на казенныхъ и общественныхъ земляхъ. По духу Русскаго законодательства владѣніе приписывается не только живымъ физическимъ лицамъ и обществамъ, но и лицамъ умершихъ владѣльцевъ. Издревле былъ обычай — имѣніе не наслѣдованное писать за покойнымъ владѣльцемъ впредь до ввода наслѣдниковъ во владѣніе; но въ недавнее время сей обычай признанъ даже закономъ, такъ что Русская юриспруденція симъ сблизилась съ Римскою системою вымысловъ, принимаемыхъ для соблюденія логической послѣдовательности въ опредѣленіяхъ права. Указомъ Правительствующаго Сената, Высочайше конфирмованнымъ 1827 г. Іюня 10, имѣніе покойника впредь до поступленія къ наслѣдникамъ или въ казну велѣно числить *подъ именемъ покойника* („hereditas jacens personam defuncti sustinet“). Тоже должно разумѣть и объ имѣніи безвѣстно отсутствующихъ. Но Русская система вымысловъ по предмету владѣнія простирается гораздо далѣе. Она отвлекаетъ предметъ владѣнія отъ лица владѣльца, ставитъ его субъектомъ, и сообщаетъ ему волю и сознаніе для пріобрѣтенія владѣнія, но волю и сознаніе какъ бы задержанныя необходимостію, и потому навсегда и неизмѣнно опредѣленными. Русскому сознанію каждое земляное владѣніе издревле представлялось какъ бы живое тѣло, проникнутое однимъ духомъ и отличенное однимъ именемъ. Въ имени владѣнія сосредоточивалась цѣлость владѣемыхъ частей, и

признавалась какъ бы разумная сила воли, освоивающая смежныя пустопорожнія земли и приводящая ихъ къ единству владѣнія, по извѣстному правилу, извлеченному изъ Римской юриспруденціи: „*придаточное уступаетъ главному*.“ Сіе органическое единство владѣнія въ старинныхъ Русскихъ граматахъ выражалось такимъ образомъ: „а судомъ и данью тянутъ къ Дмитрову; а тѣ пустоши и угодья тянутъ къ селу Ильинскому“, и т. п. Но гораздо яснѣе выразилось Русское представленіе въ межевыхъ инструкціяхъ 154), гдѣ именно предписано: „межевать къ именамъ селъ и деревень, а не къ именамъ владѣльцовъ, а пустоши межевать къ собственнымъ именамъ.“ Сознаніе и воля владѣльца не могутъ измѣнить званія (titulus) привладѣнныхъ къ главной дачѣ примѣрныхъ и другихъ земель; — онѣ остаются помѣстными, вотчинными, оброчными, вопреки усиліямъ владѣльца сообщить имъ особенное званіе владѣнія 155). Нерожденные (venter) по духу Русскаго Права пріобрѣтаютъ владѣніе чрезъ опекуновъ.

Показавъ, что сознаніе и воля для пріобрѣтенія владѣнія сами по себѣ должны имѣть живую, или индивидуальную способность къ опредѣленному выраженію во внѣшнемъ мірѣ, теперь приступимъ ко внѣшней ихъ сторонѣ, къ *опредѣленности предлежательной*. Для владѣнія не достаточна субъективная опредѣленность духа; надобно, чтобъ самый предметъ сознанія и воли былъ опредѣленъ, безъ чего никакое владѣніе существовать не можетъ. Владѣніе неизвѣстнымъ предметомъ не есть владѣніе, точно также какъ знаніе неизвѣстнаго не есть знаніе, однимъ словомъ, предметомъ владѣнія можетъ быть только *res certa*. Для построенія сего начала въ систематической формѣ, ни сколько не отступая отъ началъ Русскаго законодательства, я позволяю себѣ раздѣлить всѣ предметы владѣнія на тѣла математическія

и физическія, а сіи послѣднія на три разряда единствъ: a) единство органическое, b) единство сложное или механическое, и c) единство идеальное, и разсмотрѣть по симъ разрядамъ сперва пріобрѣтеніе владѣнія движимыхъ, а потомъ недвижимыхъ.

Пріобрѣтеніе владѣнія движимыхъ. Пріобрѣтеніе величинъ математическихъ требуетъ сознанія количественнаго и качественнаго, буде сіе послѣднее имѣетъ мѣсто; если же качество вещей бываетъ различно, н. п. въ сознаніи завѣщателя, покупщика и продавца вещь не опредѣлена именно, и если нѣтъ особенныхъ опредѣляющихъ обстоятельствъ, то вещь завѣщанная или купленная предполагается средней доброты; н. п. если заводчикъ продалъ одну лошадь изъ завода, или завѣщатель написалъ въ завѣщаніи, не опредѣливъ, какую именно, то покупщикъ и наслѣдникъ имѣютъ право получить лошадь средней доброты. Въ пріобрѣтеніи тѣлъ физическихъ опредѣленіе сознанія слѣдуетъ особеннымъ началамъ. Для пріобрѣтенія особенныхъ вещей (species) требуется не болѣе какъ ясное понятіе объ оныхъ, т. е. сознаніе тѣхъ только признаковъ, по коимъ предметъ владѣнія достаточно отличается отъ всѣхъ другихъ предметовъ. (fr. 6 § 1 D. 41. 4). Въ пріобрѣтеніи предметовъ механическаго единства, н. п. корабля, дома и т. п., также не требуется подробное сознаніе частей, цѣлое составляющихъ, напротивъ достаточно опредѣленія (definitio) вещи, т. е. сознанія общаго и видовыхъ признаковъ пріобрѣтаемаго единства. Въ пріобрѣтеніи вещей идеальнаго единства, къ коимъ по Русскимъ законамъ можно отнести стада и табуны, также нельзя требовать раздѣльнаго сознанія (notio distincta). Еслибъ изъ семейства крѣпостныхъ людей съ землею и безъ земли по завѣщанію кому либо написанъ былъ только отецъ семейства: то и въ семъ сознаніи, я думаю, заключается уже понятіе о женѣ его и неотдѣленныхъ дѣтяхъ, принадлежащихъ къ его семей-

ству 156). Но по исторіи законодательства особенную важность имѣетъ опредѣленіе сознанія предметовъ *земельнаго владѣнія*.

Первоначально опредѣлилось владѣніе родовъ, потомъ владѣніе волостей, селъ и деревень, и постояннымъ правиломъ сего опредѣленія было то, что владѣніе класса свободныхъ земледѣльцевъ склонялось къ общности, напротивъ владѣніе боляръ и слугъ съ самаго начала оказывало стремленіе къ особенности, къ владѣнію единственному. Въ первый разъ о размежеваніи земель упоминается въ прибавленіи къ Правдѣ Ярослава, сдѣланномъ его сыновьями: „а иже межу переоретъ или третесъ: то за обиду VI гривенъ“ (ст. XXVIII). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что прежде всего подверглось опредѣленію владѣніе пахатныхъ полей, лежащихъ вокругъ неподвижныхъ ихъ центровъ, селъ, деревень и дворовъ, а всѣ прочія земли сами по себѣ оставались величинами неизвѣстными, опредѣляемыми единственно величиною пахатныхъ полей, и это продолжалось съ постепенными успѣхами опредѣленности до временъ Генеральнаго Межеванія. Вотъ порядокъ постепеннаго опредѣленія Русскихъ владѣній. Первоначально земля безъ различенія пахатной, сѣнокосной и лѣсомъ поросшей состояла въ общемъ владѣніи, и была сама по себѣ неопредѣленна, а опредѣлялась уже при пользованіи ею, какъ и. п. земля, на которую положенъ былъ трудъ человѣка, земля расчищенная и вспаханная. Когда утвердились центры недвижимыхъ владѣній, дворы, усадьбы, селитьбы, то радіусъ круга владѣній долго еще колебался между мѣрою подлежательною и предлежательною. Первая измѣряющая единица была соха, топоръ и коса, т. е. количество человѣческаго труда, а не количество земли; но изъ сего слабо опредѣленнаго владѣнія начали округляться въ особенное, болѣе опредѣленное владѣніе пахатныя земли, всѣ же

прочія части владѣнія, по чрезмѣрному обилію земель, еще долго оставались въ общемъ владѣніи, т. е. владѣніе ихъ опредѣлялось субъективною мѣрою, косами и топорами. Почему таковыя части владѣнія и названы *потребами*, *требованіями*, и наконецъ *угодьями* 157). Существенный характеръ угодьевъ состоялъ въ томъ, что они принадлежали къ предметамъ общаго пользованія: каждый владѣлъ ими столько, сколько нужно было для сельскаго обиходу—*на потребу*; но сами по себѣ они не составляли владѣнія, ибо безъ пахатныхъ полей они остались бы неизвѣстными, неопредѣленными. Даже юриспруденція Екатерины II замѣчала въ нихъ сію особенность, и почла ихъ не дачами (владѣніями), а только *надобностію къ выгодностямъ* 158). Угодья, какъ неизвѣстное, опредѣлялись извѣстнымъ—пахатными полями. Для ясности представимъ примѣръ опредѣленія владѣній въ первомъ и даже во второмъ періодѣ законадательства: „Се азъ Андрей Александровичь Квашнинъ далъ есми въ домъ Успенія Богородицы.... вотчину въ Московскомъ уѣздѣ въ Горетовѣ стану Пестушина и Петровскаго *три жеребьи* и съ садомъ, да деревню Парѳеновскую съ луги и съ лѣсы и со всѣми угодьи и со всѣмъ, какъ изстари потягло, куда отъ того трехъ жеребьевъ сельца Пестушина и Петровскаго и отъ деревни Парѳеновской *плугъ и соха и топоръ и коса ходили*“ 159). Итакъ вся важность сознанія сосредоточивалась въ опредѣленіи пахатныхъ полей.

Я сказалъ, что при первомъ выходѣ земель изъ общаго родоваго владѣнія мѣриломъ ихъ принимался трудъ человѣка, „куда соха и плугъ ходили.“ Это усматривается отъ части изъ того, что первоначальныя подати и оброки соразмѣрялись не съ количествомъ земли, а съ количествомъ труда („поплюжное, посошное“), и что земли даже до Генеральнаго межеванія въ древнихъ областяхъ измѣрялись со-

хами, плугами („плужище земли“) и росами (морги). Но прибавленіе къ Правдѣ Ярослава свидѣтельствуетъ, что владѣніе отъ субъективной мѣры скоро перешло къ объективной, по крайней мѣрѣ въ земляхъ населеннѣйшихъ, гдѣ естественно скорѣе чувствуема была потребность обмеживанія земель въ отдѣльное владѣніе. Первая объективная мѣра была не математическая — отвлеченная, а мѣра живая, мѣра *живыми урочищами*: владѣнія опредѣлялись рѣками и водами, буераками, деревами, камнями, гранями или насѣчками на деревахъ, или такъ называемыми *судеревными знаменами* 160). Сверхъ того для опредѣленія сознанія продавецъ самъ *заводилъ землю* 161), т. е. обходилъ ее по межѣ, при послухахъ, съ дерномъ на головѣ, что̀ наблюдалось и при межевыхъ разводахъ судебными мѣстами. Первымъ дѣломъ движенія отъ живой мѣры урочищами къ мѣрѣ отвлеченной, математической, было измѣреніе количества пашни четвертями посѣвнаго хлѣба, покосовъ копнами, лѣсовъ верстами и десятинами. Но какъ и сія мѣра имѣла пороки субъективности или неопредѣленности: то десятины по Уложенію приведены въ сажени, а четверти, копны и версты послѣдующими узаконеніями и наконецъ межевыми инструкціями приведены въ точную саженную и десятинную мѣру 162).

Опредѣленіе владѣнія по системѣ Генеральнаго Межеванія.

Геній Русской юриспруденціи ни въ какой части законодательства не выразился столь блистательно, какъ въ системѣ межевыхъ законовъ. Еще Писцовые Наказы, писанные старшими дьяками, отличались обиліемъ содержанія и здравымъ смысломъ,

столь свойственнымъ Русскому народу; но Межевая Инструкція Екатерины II превосходитъ всякое ожиданіе: глубокомысліе, обширность соображеній, историческій духъ, ясность и послѣдовательность отличаютъ сей памятникъ законодательства отъ всѣхъ другихъ, и ставятъ его на ряду съ первокласными произведеніями древней и новѣйшей юриспруденціи. Тѣмъ болѣе мы можемъ гордиться имъ, что въ немъ нѣтъ ни одной мысли заимствованной или изъ Римскаго Права, или изъ новѣйшихъ Европейскихъ законодательствъ. Здѣсь все отечественное, дьяческое, сенатское! По изученіи Межевой Инструкціи Екатерины II можно повѣрить профессору Десницкому, что Оберъ-Секретарь Князевъ, вторый членъ Межевой Канцеляріи, былъ истиннымъ оракуломъ Русской юриспруденціи. Отсюда должно научаться, какимъ образомъ Русское гражданское право можетъ быть возведено въ достоинство науки, и вступить въ состязаніе съ лучшими юриспруденціями иностранными. Это неизчерпаемый источникъ началъ отечественной юриспруденціи по предмету собственности и владѣнія; но, по моему мнѣнію, вотъ что особенно важно для теоріи владѣнія въ сей Инструкціи и объясняющихъ ее послѣдующихъ указахъ.

Мы видѣли, что Императрица Екатерина II извѣстность владѣнія признала дѣломъ весьма полезнымъ; а въ объясненіяхъ Межевой Инструкціи сія извѣстность представлена даже необходимою 163). „Кто утверждаетъ свою пустошь въ чужой дачѣ, тотъ долженъ ее и отвесть (опредѣлить межу) и незнаніемъ ея урочищъ отговариваться не можетъ.“ Потомъ указъ 1801 Генв. 31 хотя и постановляетъ, что „дачи безъ извѣстной мѣры также законно принадлежатъ владѣльцамъ какъ и дачи мѣрныя,“ однакожъ симъ не то утверждается, что можно владѣть предметомъ неизвѣстнымъ, напротивъ здѣсь

усматривается слѣдующее важное условіе владѣнія: когда мѣра какой либо дачи сама по себѣ неизвѣстна, то ее можно опредѣлить посредствомъ другихъ извѣстныхъ величинъ владѣнія, или: *какъ скоро существуетъ владѣніе, то оно безъизвѣстнымъ или безмѣрнымъ быть не можетъ.* При изложеніи правилъ, коимъ слѣдуетъ законодательство въ опредѣленіи владѣній, прежде всего должно упомянуть, что земли дѣлятся на четыре разряда владѣній: a) главная дача, b) угодья, c) пустоши, d) примѣрныя земли.

Опредѣленіе главной дачи. Когда въ писцовыхъ откащиковыхъ и другихъ книгахъ и документахъ опредѣлена мѣра угодьевъ, но не опредѣлена мѣра дачи пахатной: то это служитъ несомнѣннымъ признакомъ, что дача никогда не существовала 164): ибо дача, какъ мѣрило владѣнія, сама въ себѣ должна заключать мѣру, слѣд. когда нѣтъ единицы измѣренія, то не можетъ быть и владѣнія. Для опредѣленія дачь существуетъ двоякая мѣра: a) живыми урочищами, b) мѣра математическая четвертями, десятинами и т. п. По началамъ Русской юриспруденціи живая мѣра урочищами точнѣе и опредѣленнѣе мѣры математической, и потому когда онѣ въ спорѣ, то мѣра урочищами всегда одерживаетъ верхъ. По сему если тамъ, гдѣ дача опредѣлена и урочищами и мѣрою, при межеваніи окажется недостатокъ въ мѣрѣ, то недостатокъ такъ и оставить, и владѣльцы терпятъ по соразмѣрности долей; если же противъ крѣпостей окажется излишекъ: то имъ и излишекъ, хотя бы въ смежныхъ дачахъ оказался противъ крѣпостей недостатокъ 165). Когда урочища смежныхъ дачь, кои обѣ опредѣлены урочищами и мѣрою, будутъ перемѣшаны, т. е. урочища одной дачи будутъ углублены въ другую дачу подъ разными именами: то таковыя дачи сперва должно смѣшать, и потомъ отмежевать сперва старшую, и ею уже опредѣ-

лить дачи позднѣйшія по времени 166). Мѣрныя дачи опредѣляются по слѣдующимъ правиламъ. Мѣрныя бываютъ опредѣлены количествомъ десятинъ или четвертей и долями. Когда онѣ заключаются въ одной окружной межѣ, и ихъ должно размежевать, то межевать сперва участокъ, опредѣленный мѣрою, а потомъ участокъ опредѣленный долею 167), и. п. въ одной дачѣ изъ ста десятинъ состоящей одинъ владѣетъ пятьюдесятью десятинами, другой одною третью: при размежеваніи прежде должно выдѣлить пятьдесятъ десятинъ, а третнику — что̀ останется. Когда два или болѣе лица владѣютъ въ одной межѣ, и нѣтъ старшинства между дачами, то при размежеваніи первый отводитъ межу, кто бо̀льшимъ количествомъ владѣетъ 168). Безмѣрныя дачи, неопредѣленныя урочищами и показаніями старожильцевъ, въ опредѣленіи своемъ подчиняются особымъ правиламъ. Главное правило, какъ выше объяснено, состоитъ въ томъ, что, когда владѣніе существуетъ, то оно не можетъ быть не извѣстно: слѣд. безмѣрныя дачи безъ владѣнія ни въ какомъ случаѣ не ведутъ къ владѣнію. Безмѣрныя дачи бываютъ или населенныя, или не населенныя. Безмѣрныя дачи населенныя въ случаѣ спора опредѣляются числомъ ревизскихъ душъ по разряду земель; — въ нѣкоторыхъ губерніяхъ на каждую ревизскую душу полагается по 8 десятинъ; когда же владѣютъ безспорно, то намѣривать по 15 десятинъ на душу, но никакъ не болѣе 169). Впрочемъ при межеваніи безмѣрныхъ дачъ кочующаго народа правило измѣняется по уваженію потребностей сего народа: по указу 1826 Февр. 13 здѣсь намѣриваютъ по 30 десятинъ на душу. По какимъ образомъ опредѣляются безмѣрныя незаселенныя дачи? — По Писцовымъ книгамъ допускались vacua между различными дачами, слѣд. безмѣрную незаселенную почти не возможно было опредѣлить; но

по Генеральному межеванію сіи пустоты должны были уничтожиться. Поелику каждая безмѣрная дача необходимо должна находиться между дачами мѣрными, опредѣленными, то и принято правиломъ опредѣлять владѣніе слѣдующимъ образомъ: сперва межевать смежныя дачи мѣрныя, а потомъ, что̀ за симъ останется, полагать на безмѣрную 170). Такимъ образомъ хотя безмѣрность не лишала владѣнія, но заключала въ себѣ ту невыгоду, что дача межевалась послѣ всѣхъ и нерѣдко уменьшалась до нуля.

Опредѣленіе угодьевъ. Угодья, какъ показано было выше, образовались тогда, когда пахатныя земли сдѣлались предметомъ исключительной собственности. Угодья были не что иное, какъ участки въ общемъ владѣніи, пользованіе общимъ пространствомъ непахатной земли, и были слѣдующія: воды, рыбныя ловли, сѣнокосы, пастьбища и лѣса̀. Мѣра участія сперва опредѣлялась нуждою каждаго владѣльца пахатныхъ полей; но потомъ, когда по мѣрѣ уменьшенія земли уменьшились и общія владѣнія, то и здѣсь субъективная мѣра замѣнена объективною: потребы, или угодья постепенно измѣнились въ дачи. Прежде всѣхъ, мнѣ кажется, начали принимать опредѣленную мѣру сѣнокосы, потомъ рыбныя ловли, къ чему много содѣйствовали монастыри, испрашивая себѣ въ исключительное владѣніе рыбныя ловли на рѣкахъ и озерахъ; наконецъ позднѣе всѣхъ подчинились извѣстной мѣрѣ и исключительному владѣнію пастбища и лѣса: — причиною сему чрезвычайное изобиліе въ сихъ предметахъ пользованія. Отношеніе между главною дачею и угодьями стоило бы особеннаго продолжительнаго изысканія, тѣмъ болѣе, что сіи отношенія слѣдовали строгимъ и весьма сложнымъ началамъ Русскаго владѣнія; въ особенности помѣстная система весьма много содѣйствовала къ приведенію въ порядокъ сихъ отношеній. По правиламъ систе-

мы помѣстной каждое владѣніе было органическое цѣлое, въ которомъ пахатныя земли составляли дачу, а угодья принадлежности: чѣмъ болѣе была дача, тѣмъ обширнѣе были угодья, такъ что когда извѣстна была дача, то посредствомъ сего извѣстны были и угодья (1672 Іюн. 21). На каждую дачу отводили извѣстное число луговъ, лѣсовъ и пастьбищъ, а всего чаще отдавали все пространство сихъ угодій помѣщику, которымъ онъ и пользовался единственно впредь до пожалованія смежныхъ земель или участія въ тѣхъ же угодьяхъ другому, третьему помѣщику и т. д. Поэтому когда надлежало размежевать угодья изъ общаго пользованія по дачамъ, то ихъ отводили обыкновенно по пропорціи смежныхъ дачь, съ значительнымъ уменьшеніемъ десятинной мѣры. Когда же лѣса были разчищены, то часть земли изъ подъ нихъ раздѣлялась также между дачами по пропорціи, а остальная поступала въ новыя раздачи 171). И это было весьма справедливо. Но слѣдовали ли той же системѣ и вотчинныя владѣнія, всегда ли угодья ихъ были пропорціональны дачамъ? — Это рѣшить весьма трудно. Полагаю, что и вотчинныя владѣнія въ началѣ составляли пропорціональное цѣлое изъ дачь и угодій; но потомъ, когда нужда заставляла владѣльцевъ отрѣзывать часть земли въ продажу, въ приданое, въ монастырь, то легко могло случиться, что многія вотчинныя дачи оставались безъ полныхъ угодій. Не смотря на то, что помѣстья при Петрѣ Великомъ смѣшались съ отчинами, Императрица Екатерина II при размежеваніи ничьихъ угодій послѣдовала помѣстной системѣ и межевала ихъ по пропорціи дачь. При размежеваніи поверстныхъ лѣсовъ Межевая Канцелярія вступила въ сильное объясненіе съ Сенатомъ 172). Первая утверждала, что поверстные лѣса безмѣрны, а прозорливый Сенатъ съ гнѣвомъ предписывалъ считать ихъ мѣрными; Канцеля-

рія отвѣчала, что если считать ихъ мѣрными, то цѣлые города могутъ отойти помѣщикамъ въ угодья; (т. е. сдвинуться съ своихъ мѣстъ неподвижные центры владѣній, и Генеральное межеваніе погибнетъ въ хаосѣ владѣній, — мысль въ то время ужасная!.): ибо писцы мѣряли ихъ въ версты по глазомѣру, по сказкамъ обывателей, на-угадъ, не имѣя ни охоты, ни умѣнья опредѣлить ихъ точною математическою мѣрою. Не частному человѣку постигнуть исполинское дѣло Генеральнаго межеванія (Lex agraria), составляющаго одинъ изъ величайшихъ подвиговъ Екатерины II. Это бездна юриспруденціи, покрытая мудрыми распоряженіями Законодательницы и именемъ Государственной пользы. — Что̀ касается до меня, то я, согласно представленію Межевой Канцеляріи, въ которой Князевъ былъ вторымъ членомъ, полагаю, что поверстные лѣса большею частію были угодья, слѣд. по природѣ своей въѣзжіе лѣса: — право собственности принадлежало казнѣ, а право пользованія (на потребу) помѣщикамъ. Это видно изъ того, что одинъ и тотъ же лѣсъ отдавался сполна одному за другимъ, безъ показанія мѣры пользованія (1672 Іюн. 21). Слѣд. система межеванія при Екатеринѣ II есть новое доказательство несчетныхъ ея благодѣяній къ благородному Россійскому Дворянству.

Опредѣленіе пустошей. Названіе ихъ дѣлается извѣстнымъ въ XV вѣкѣ 173); но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онѣ существовали задолго прежде въ названіяхъ *путики и отхожія мѣста.* Пустошь не есть самостоятельная дача, однакожъ она не есть также и часть дачи. Пустоши *тянутъ* къ селамъ и деревнямъ, однакожъ Межевая инструкція предписываетъ межевать ихъ къ собственнымъ именамъ 174). Это такого рода владѣніе, для котораго нѣтъ формулы ни въ Римскомъ правѣ, ни въ новыхъ Европейскихъ законодательствахъ; оно соста-

вляетъ особенность Русскаго владѣнія. Пустоши можно уподобить островамъ, кои тянутъ къ извѣстнымъ материкамъ, или спутникамъ планетъ, совершающимъ два движенія: движеніе за планетой, и движеніе собственное. Поэтому опредѣлить сознаніе владѣнія пустошей гораздо трудиѣе, нежели самыхъ дачь. Поелику онѣ не составляютъ частей дачи, то въ сознаніи дачи не заключается сознаніе пустоши, и въ пріобрѣтеніи дачи не заключается пріобрѣтеніе пустоши. Касательно сего предмета существуютъ слѣдующія положенія*. Ошибка въ мѣстномъ положеніи пустоши не вредитъ владѣнію, и. п. если пустошь по писцовымъ книгамъ значится въ одномъ стану, а дѣйствительное ея владѣніе въ другомъ 175). Когда кто владѣетъ двумя пустошами въ разныхъ станахъ, имѣющими одно названіе, то, хотя бы спору о семъ никакаго не было, однакожъ обѣ пустоши оставлять за владѣльцемъ не слѣдуетъ 176).

Опредѣленіе примѣрныхъ земель. Существованіе примѣрныхъ земель получило начало отъ помѣстной системы; земли отдавались въ раздачу не сряду одна за другой, а по пріиску, или указанію самого помѣщика, отъ чего образовались промежутки (vacua) между дачами, т. е. какъ бы проливы между материками Русскихъ владѣній. Промежуточныя земли (vacua) составляли казенную собственность, но какъ ими никто не владѣлъ, то онѣ назывались пустопорожними, лежащими впустѣ землями. Обиліе земель было причиною, почему смежнымъ помѣщикамъ не запрещалось ими пользоваться впредь до востребованія въ раздачу служилымъ людямъ, и писцы писали ихъ за сими помѣщиками сверхъ указныхъ дачь, отъ чего они и получили названіе примѣрныхъ земель. Въ случаѣ востребованія въ раздачу

* Пустоши въ межахъ и граняхъ уступаютъ главной дачѣ.

онѣ отрѣзывались отъ прежнихъ владѣльцевъ, если сіи заранѣе не предупредили челобитной („на себя“) Государю о нарѣзкѣ въ недостающую мѣру, или въ куплю за деньги 177). Императрица Екатерина II, для облегченія неимовѣрныхъ трудностей Генеральнаго межеванія, заблагоразсудила раздѣлить примѣрныя земли безспорно владѣющимъ по пропорціи смежныхъ дачъ, частію даромъ, частію за маловажную цѣну, и за тройную цѣну тѣмъ, кои захватили ихъ по изданіи манифеста о Генеральномъ межеваніи 178). Касательно пріобрѣтенія примѣрныхъ земель существуютъ слѣдующія положенія. Примѣрныя земли а) межуются только къ землямъ смежнымъ, а не къ тѣмъ, кои лежатъ отъ примѣрныхъ черезъ земли. b) Примѣрныя земли межуются по пропорціи смежныхъ дачъ, въ одной округѣ заключающихся, и составляющихъ одинъ корпусъ владѣнія; а тѣ дачи, кои лежатъ черезъ земли, или рядомъ съ смежной, но въ особенной межѣ, хотя бъ онѣ и одному владѣльцу принадлежали, въ расчетъ не пріемлются 179). Примѣрныя земли не межуются къ дачамъ, опредѣленнымъ урочищами (?) 180). Когда смежная дача безмѣрна, то, хотя бы послѣ и приведена была въ извѣстность по числу душъ, примѣрныя земли къ ней не межуются; ибо нечѣмъ опредѣлить пропорцію придачи 181). Но отдавать ли примѣрныя къ пустошамъ и отхожимъ землямъ, если сіи будутъ безмѣрны? — Отвѣтъ былъ отрицательный 182). Даже по симъ недостаточнымъ извлеченіямъ изъ писцовыхъ наказовъ и межевыхъ инструкцій, желающій составить понятіе о настоящемъ дѣлѣ согласится, что Русская юриспруденція прошедшаго вѣка приняла превосходное направленіе, и умѣла не потеряться тамъ, гдѣ и Римскій юристъ пришелъ бы въ замѣшательство отъ чрезмѣрной трудности предмета. Подробнѣйшее и правильнѣйшее извлеченіе началъ владѣнія изъ сихъ

памятниковъ законодательства остается на отвѣтственности ученой юриспруденціи Русскихъ Университетовъ и Государственныхъ Архивовъ.

Объ основаніяхъ и порокахъ владѣнія
(Causae et vitia possidendi).

Пороки владѣнія относятся или къ сознанію, или къ волѣ. Порокъ сознанія заключается или въ ошибкѣ имени, или въ ошибкѣ вещи. Ошибка въ имени бываетъ, когда н. п. воображаю владѣть пустошью подъ именемъ Бекетовой, а она называется Симаковымъ. Существуетъ ли здѣсь владѣніе? Римскій юристъ Ульпіанъ 183) отвѣтствуетъ: „не пріобрѣтаю владѣнія, развѣ въ имени только ошибся, а вещь разумѣю одну и туже съ моимъ продавцемъ.“ По Русскимъ законамъ утверждается подобное рѣшеніе, такъ н. п. если я купилъ пустошь въ одномъ стану, а она писана въ другомъ, и я дѣйствительно ею располагаю: то это не препятствуетъ моему владѣнію 184). По Писцовымъ книгамъ писана къ землямъ пустошь съ особымъ именемъ, но по обыску съ такимъ именемъ пустоши не оказалось, а есть земля безъименная въ томъ же мѣстѣ: то сія ошибка не вредитъ дѣйствительному владѣнію 185). Если же ошибка состоитъ не въ имени, а въ вещи, н. п. ты продалъ мнѣ Копылово Дмитровское, а я купилъ Колязинское, то Римское право отрицаетъ такое владѣніе. Гораздо важнѣе сознаніе основанія, по которымъ владѣемъ вещами. Оно бываетъ или законное или незаконное: Законное, когда владѣемъ по законному акту, притомъ съ сознаніемъ, что владѣемъ своимъ. Незаконное владѣніе бываетъ, когда

владѣемъ вещію, по праву принадлежащею другому, или вещію своею, но самовольно отнятою у другаго 186). Незаконное владѣніе бываетъ добросовѣстное, когда владѣемъ чужимъ, воображая, что владѣемъ своимъ; напротивъ оно бываетъ недобросовѣстнымъ, когда владѣемъ чужимъ, сознавая его за чужое. Недобросовѣстное владѣніе бываетъ a) самовольное, — безъ насилія пріобрѣтенное, b) подложное, когда владѣемъ по подложному документу, съ утайкой и обманомъ, c), насильственное, когда оно пріобрѣтено явною силою или угрозами законному владѣльцу. Пріобрѣтенное по подложному документу, безъ вѣдома о семъ, не есть подложное владѣніе 187). Пріобрѣтенное самовольно отъ насильственно владѣвшаго не есть насильственное. Владѣніе по опредѣленію суда, въ слѣдствіе подкупа судей, не можетъ назваться добросовѣстнымъ. Каждое изъ сихъ основаній имѣетъ особенный юридическій характеръ и особенныя послѣдствія относительно вознагражденія убытковъ законному владѣльцу; но на давность никакого вліянія не имѣетъ.

Въ Римской юриспруденціи, какъ выше сказано, важную роль играло положеніе 188) объ основаніи владѣнія: „никто самъ себѣ не можетъ перемѣнить основанія (causa) владѣнія.“ Кто владѣлъ имуществомъ подъ предлогомъ наслѣдства, тотъ могъ обратить его въ собственность чрезъ годъ спокойнаго владѣнія (привилегія, имѣющая цѣлію скорѣйшее удовлетвореніе кредиторовъ наслѣдства); а кто владѣлъ не подъ симъ предлогомъ, тотъ не иначе пріобрѣталъ въ собственность, какъ давностію двухгодичною. Поэтому владѣльцу по кунчей выгодно было перемѣнить основаніе владѣнія и выдавать себя за наслѣдника. Противъ сей - то произвольной перемѣны основанія и принято вышеозначенное положеніе: никто самъ се-

бѣ основанія владѣнія перемѣнить не можетъ 189). Въ исторіи Русскаго законодательства не видно, чтобъ titulus s. causa possidendi былъ отвлеченъ и сознанъ юриспруденціею; но вопросъ объ немъ весьма нерѣдко встрѣчается въ особенныхъ видахъ владѣнія, имѣющихъ различныя юридическія послѣдствія. Въ судныхъ и правыхъ грамотахъ втораго періода судья, выслушавъ просьбу истца или возраженіе отвѣтчика, обыкновенно спрашивалъ: почему вы эту землю называете своею? Это значитъ, онъ требовалъ объясненія, по какому титлу они владѣютъ; и отвѣтчикъ и истецъ представляли ему купчую, мѣновую, отказную и т. п. Въ Судебникѣ замѣтно уже покушеніе отвлечь и сознать основаніе владѣнія отъ видовыхъ его названій: когда истецъ, производя искъ о покражѣ, цѣною превосходящей все его имущество, по *розметнымъ* книгамъ показывалъ, что та покраденная вещь была у него чужая, взятая у другаго: то судья разъискивалъ: „которымъ обычаемъ тотъ животъ у него взятъ,“ то есть, по какому основанію онъ держалъ у себя чужую вещь 190). Итакъ основаніе владѣнія названо здѣсь *обычаемъ*. По Писцовымъ наказамъ 191) тотъ же вопросъ предложенъ въ другомъ видѣ: по какому указу владѣетъ кто либо землею; и въ послѣдующихъ узаконеніяхъ: по какому *праву* владѣетъ землею. Въ указѣ 1804 Апр. 23. III. 28 титло владѣнія выражено: „владѣютъ въ собственность (pro suo)“. Наконецъ въ указѣ 1833 Фев. 21, Мая 29, почувствована потребность отвлечь основаніе владѣнія, и оно названо *видомъ* владѣнія: — „владѣютъ въ видѣ собственности.“ Здѣсь *видъ* именно означаетъ то, что Римскіе юристы называютъ causa, titulus possidendi, основаніе, предлогъ, званіе владѣнія. Мы видѣли, что у Римлянъ нельзя было самому владѣльцу перемѣнить титла владѣнія; но существуетъ ли сія невозможность по Русскимъ законамъ? — Безъ

сомнѣнія. По жалованнымъ граматамъ (XV и XVI вв.) запрещается владѣльцу оброчныхъ земель *освоивать*, *окняживать и обояривать* сіи земли, т. е. перемѣнятъ титло владѣнія въ свою собственную или постороннихъ лицъ пользу. По Уложенію Ц. Алексѣя Михайловича запрещено владѣть помѣстьемъ за вотчину безъ указу: „не называй помѣстной земли вотчинною землею 192),“ т. е. не перемѣняй самовольно титла твоего владѣнія. Дѣйствительно въ тогдашнее время помѣщикъ имѣлъ большія выгоды измѣнить помѣстье въ вотчину; ибо вотчинное владѣніе давало права гораздо обширнѣе, чѣмъ помѣстное. Тѣже отношенія существуютъ и въ настоящее время между разнородными владѣніями. Казенный крестьянинъ, владѣющій казенною землею, ни какою давностію не пріобрѣтаетъ ее въ собственность: ибо для давности требуется владѣніе за *свое*, а крестьянинъ владѣлъ землею за казенную собственность 193). Не только самовольная, но даже и добросовѣстная перемѣна титла не измѣняетъ характера владѣнія, и не ведетъ давностію къ собственности, хотя бы *укоренилась мысль*, что владѣютъ землею въ видѣ собственности 194).

При опредѣленіи титла владѣній весьма важенъ вопросъ: чѣмъ оно опредѣляется? Для рѣшенія сего нужно раздѣлить пріобрѣтеніе владѣнія на первоначальное, пріобрѣтеніе по приращенію, и пріобрѣтеніе по передачѣ. Въ пріобрѣтеніи первоначальномъ и по передачѣ титло владѣнія опредѣляется свободнымъ сознаніемъ пріобрѣтателя (и передающаго); напротивъ въ пріобрѣтеніи по приращенію (per accessionem) свобода сознанія ни малѣйшаго не имѣетъ участія, а все зависитъ отъ титла владѣнія главной вещи, къ которой дѣлается привладѣніе. Такъ по указу 1833 Окт. 19 (согласно съ Писцовымъ наказомъ 1683 Маія 20 ст. 6. 7.) всякаго

рода зданія и постройки, возведенныя владѣльцемъ на землѣ, дошедшей къ нему по наслѣдству, должны быть почитаемы родовымъ имѣніемъ. Посему также и краденая вещь, потерявъ свою особенность въ сложномъ предметѣ, пріобрѣтенномъ добросовѣстно, уступаетъ главному предлогу владѣнія, и наоборотъ. Равнымъ образомъ земля, припаханная къ родовой, казенной, поссессіонной, дѣлается родовою, поссессіонною и т. д., даже противъ воли самого пріобрѣтателя 195). Особенную важность имѣло титло владѣнія въ періодѣ помѣстной системы. Всякая припашка, привладѣніе, приращеніе въ островахъ, насыпяхъ и т. п. и придача примѣрныхъ земель къ помѣстной получали званіе помѣстнаго владѣнія. Тоже должно сказать и о вотчинномъ владѣніи. Въ настоящее время понятія объ основаніяхъ владѣнія получили правильнѣйшее образованіе. Въ Министерствѣ Финансовъ, особенно по департаментамъ Государственныхъ имуществъ и Горныхъ и Соляныхъ дѣлъ, основанія владѣнія утверждаются на строгихъ логическихъ началахъ и на точномъ знаніи исторіи Россійскихъ земляныхъ владѣній, и едва ли это не первыя коллегіи, гдѣ каждое Русское владѣніе стали называть своимъ именемъ. Принято правиломъ опредѣлять званіе владѣнія по званію главнаго и старшаго владѣнія 196). Если хозяинъ поссессіоннаго завода прикупитъ къ нему землю на собственныя деньги, или переселитъ своихъ вотчинныхъ людей на заводъ поссессіонный, то симъ нисколько не измѣняется поссессіонное титло заведенія, хотябъ придаточное было больше главнаго (?).

Русское Законодательство не допускаетъ перемѣны титла даже и тогда, когда предметъ владѣнія будетъ вымѣненъ на другой однородный: такъ н. п. помѣстье, вымѣненное на вотчину, или вотчина на помѣстье, не теряютъ своего званія въ одномъ и томъ

же лицѣ владѣльца: пріобрѣтатель вотчины владѣетъ ею на правѣ помѣстномъ, а тотъ помѣстьемъ на правѣ вотчинномъ 197). Но вещь краденая, вымѣненная на другую разнородную, или деньги, вырученныя за краденую вещь, не удерживаютъ прежняго титла владѣнія; ибо здѣсь совершается потеря владѣнія краденой, и пріобрѣтеніе вещи не краденой — на томъ же основаніи, по которому владѣлецъ, купившій землю на деньги, вырученныя отъ продажи родовой вотчины, начинаетъ владѣть съ званіемъ благопріобрѣтателя. Русское Законодательство допускаетъ еще правило, хотя не строго выдержанное, что перемѣна званія самаго владѣльца не перемѣняетъ званія владѣнія 198). Крестьяне, купленные купцомъ къ заводу, не переходятъ изъ поссессіоннаго владѣнія въ вотчинное, хотя бы купецъ въ послѣдствіи сдѣлался дворяниномъ 199). Такъ и однодворческіе крестьяне по указу 1787 Апр. 22 „ни въ какомъ случаѣ не перемѣняютъ своего состоянія,“ хотя бы владѣющій ими однодворецъ въ послѣдствіи пріобрѣлъ дворянское достоинство; но это отмѣнено указомъ 1823 Апр. 10. Итакъ званіе владѣнія можетъ измѣниться не иначе, какъ по новому дѣйствію владѣльца, или по внѣшнимъ обстоятельствамъ, или по суду; но сознаніе владѣльца само собою ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ измѣненію.

Владѣніе многихъ лицъ однимъ и тѣмъ же предметомъ.

Римскіе юристы предлагаютъ себѣ вопросъ, можетъ ли вещь сдѣлаться предметомъ владѣнія двухъ, трехъ и болѣе лицъ, не по частямъ, а для каждаго въ цѣлости (in solidum), исключительно, — и от-

вѣтствуютъ на него такимъ образомъ: „какъ два тѣла въ одно и то же время не могутъ занимать одного и того же мѣста, такъ и два лица не могутъ вдругъ владѣть однимъ и тѣмъ же предметомъ сполна.“ Русское Законодательство рѣшаетъ вопросъ одинаково съ Римскимъ, не извлекая впрочемъ общаго и постояннаго правила; но за то въ другомъ случаѣ оно дѣлаетъ шагъ впередъ и предлагаетъ обратный вопросъ: могутъ ли двѣ вещи розныя быть предметомъ одного и того же сознанія, т. е. можетъ ли въ одно и то же время мое сознаніе двоиться и падать въ двухъ экземплярахъ на два различные предмета 200)?— Когда я думаю объ одномъ какомъ либо предметѣ, могу ли думать въ то же время о другомъ? — Писцовая книга (публичное сознаніе владѣнія) числитъ за мною пустошь съ извѣстнымъ именемъ, а сказки и обыскъ открываютъ не одну, а двѣ пустоши того же имени, одну въ моемъ владѣніи, а другую ни въ чьемъ, или обѣ ни въ чьемъ: спрашивается, обѣ ли пустоши слѣдуетъ отмежевать мнѣ по сознанію Писцовой книги, или одну изъ нихъ которую нибудь? Римскій юристъ вошелъ бы въ разсмотрѣніе, не состоятъ ли онѣ въ однихъ урочищахъ, не лежатъ ли сряду, не служитъ ли одна другой для водопою, пастьбища и т. п., не состояли ли онѣ когда либо въ одномъ владѣніи, и потомъ раздѣлились, удержавъ каждая цѣльное названіе: и по этому рѣшилъ бы, слѣдуетъ ли считать ихъ за одно, или же за два отдѣльныя владѣнія?. — и Русская межевая инструкція, по уваженію обстоятельства, что между пустошами проходятъ чужія земли, или что онѣ отдѣлены одна отъ другой, — не смотря на ихъ одноименность, не признаетъ ихъ за одно владѣніе, и велитъ межевать одну изъ двухъ. Подобные случаи могутъ встрѣтиться при отдѣленіи участковъ изъ наслѣдства. Можетъ случиться такимъ образомъ, что завѣщатель вѣжалыхъ

лошадей приказалъ наслѣднику, а заводскую *караковую* отказалъ въ заводъ другому; оказалось, что заводскихъ было двѣ, и обѣ караковыя. Ясно, что здѣсь обѣ караковыя по намѣренію завѣщателя принадлежатъ легатарію — заводчику. Или: сыну моему профессору Тицію приказываю библіотеку, исключая Тита Ливія, котораго отказываю сыну же моему Мевію (книгопродавцу). Въ наслѣдствѣ оказалось пятьдесятъ экземпляровъ Тита Ливія. Ясно, что всѣ экземпляры Тита Ливія принадлежатъ книгопродавцу Мевію. Не смотря на сіи случаи, правило остается неизмѣннымъ: что сознаніе двоиться не можетъ, слѣд. и владѣніе вдвойнѣ не существуетъ, и наоборотъ: одна и таже вещь двоимъ вдругъ принадлежать не можетъ. Сему правилу повидимому противорѣчатъ слѣдующія узаконенія. До указа 1832 Февр. 3 владѣющій поссессіонной фабрикой названіемъ не различался отъ дѣйствующаго фабрикой; оба казались владѣльцами одной и той же фабрики сполна (in solidum); но это только кажущееся раздвоеніе вещи, а въ самомъ дѣлѣ это было владѣніе двоихъ двумя различными сторонами фабрики: поссессоръ былъ хозяинъ владѣнія, а дѣйствующій фабрикой владѣлецъ права владѣнія — двѣ вещи розныя. Выше означеннымъ указомъ поссессіонному владѣльцу приписано простое владѣніе (poss. directa), а содержателю *дѣйствіе* фабрикою (poss. utilis). Есть еще мѣсто въ исторіи законодательства, повидимому состоящее въ противорѣчіи съ вышесказаннымъ правиломъ. По указу 1723 Ноября 28 велѣно: „Если кто бѣглыхъ къ прежнимъ помѣщикамъ не отвезли и къ переписчикамъ (чиновникамъ для пріема ревизскихъ сказомъ) не объявили, такимъ бѣглымъ, оказавшимся послѣ ревизіи, быть въ расположеніи подушнаго сбора (и рекрутской повинности) за тѣми людьми, за кѣми они въ бѣгахъ жили, платить за нихъ подуш-

ныя деньги, хотя они на прежнія жилища вывезены будутъ, *спуста*, понеже они по многимъ милосердымъ указамъ на сроки тѣхъ бѣглыхъ на прежнія жилища не отвезли.“ Бѣглыхъ писать за помѣщиками по наѣзду значило оставлять ихъ во владѣніи за тѣмъ, кто держалъ; на отвозъ ихъ на прежнія жилища положенъ срокъ, по истеченіи коего обязанность отвезть не прекращалась, но подушныя платились уже спуста, т. е. вдвойнѣ—отъ владѣльца настоящаго и отъ владѣльца спуста (possessio ficta). Но въ этомъ двойномъ или тройномъ владѣніи настоящій владѣлецъ былъ одинъ, а прочіе были только мнимые владѣльцы. Законъ воображалъ держателя бѣглыхъ владѣльцемъ единственно во вредъ ему. Тоже отношеніе встрѣчается, когда воръ, во избѣжаніе отвѣтственности предъ судомъ, откажется отъ владѣнія покраденной вещи, или кто самъ напрашивается къ отвѣту за другаго въ искѣ о владѣніи. Но во всѣхъ случаяхъ правило остается неизмѣннымъ: двое одною и тою же вещію вдвойнѣ владѣть не могутъ.

Черезполосное владѣніе.

Правило несовмѣстности владѣнія не препятствуетъ многимъ владѣть одною и тою же вещію по частямъ или въ общности (fr. 25 D. 50. 16) (partes certae et incertae). Общее владѣніе по частямъ (pro diviso) бываетъ тогда, когда каждая часть составляетъ отдѣльное цѣлое, н. п. Тицій владѣетъ верхнимъ этажемъ дома, а Мевій нижнимъ этажемъ. Владѣніе въ общности бываетъ, когда каждый, не имѣя опредѣленной части (pro indiviso) отдѣльной, владѣетъ долею цѣлаго. Отъ общаго владѣнія должно отличать общественное владѣніе: го-

родскихъ общинъ, учебныхъ или богоугодныхъ заведеній и т. п. Общее владѣніе есть владѣніе въ настоящемъ значеніи, а общественное владѣніе заключается только въ пользованіи 201) (usus) каждаго члена; первое владѣлецъ имѣетъ право продавать, закладывать и т. п.; второе не подлежитъ ни тому, ни другому, и когда членъ оставляетъ общество, то на часть ему принадлежащее право пользованія остается въ пользу общества безъ всякаго вознагражденія. Въ общемъ владѣніи могутъ встрѣтиться нѣсколько различныхъ основаній владѣнія, отдѣльный искъ и отдѣльная давность; тогда какъ въ общественномъ владѣніи для всѣхъ существуетъ одно основаніе владѣнія, одинъ искъ и одна давность. Важнѣйшій случай общаго владѣнія по Россійскимъ законамъ составляетъ *владѣніе черезполосное*. Оно есть особенный видъ общаго владѣнія, въ которомъ двое или нѣсколько лицъ владѣютъ землею въ общей межѣ по равнымъ или неравнымъ частямъ, опредѣленнымъ долями или десятинами, съ передѣломъ или безъ передѣла участковъ. Сколько можно заключать по духу Россійскаго Законодательства, сущность чрезполоснаго владѣнія состоитъ въ томъ, что (по Писцовому наказу 1686 Мар. 16. ст. 2., по Межевой Инструкціи Екатерины II и по Мн. Госуд. Сов. Выс. конф. 1836 Ген. 8.) оно признается за одну дачу, за владѣніе нераздѣльное (possessio pro indiviso); — свойство же нераздѣльнаго владѣнія заключается въ томъ, что оно, какъ бы ни было раздѣлено для пользованія, въ какихъ бы урочищахъ ни находились участки, и сколько бы ни было участковъ и дробей, все вмѣстѣ и каждая часть по одиначкѣ состоятъ въ общемъ владѣніи, не смотря ни на какое пространство времени исключительнаго пользованія сими частями. Посему въ чрезполосномъ владѣніи, въ строгомъ смыслѣ, каждое поле, каждая полоса, каждая песчинка находится

въ общемъ владѣніи, не смотря на исключительное ими пользованіе одного изъ соучастниковъ. Изъ сего слѣдуетъ, что давность пользованія не есть давность владѣнія, и ни въ какомъ случаѣ не пріемлется за основаніе преимущества одного ко вреду прочихъ соучастниковъ. Наконецъ, поелику чрезполосное владѣніе есть владѣніе нераздѣльное въ Римскомъ смыслѣ (possessio pro indiviso), то, въ случаѣ дѣленія на части, каждое поле, каждая полоса, каждая сажень и песчинка подлежитъ дѣленію: ибо владѣніе чрезполосное, подобно наслѣдству многихъ лицъ, въ цѣломъ и въ частяхъ есть общее владѣніе. Изъ того, что такое общество не есть товарищество или лице нравственное, слѣдуетъ, что измѣненіе чрезполоснаго владѣнія иначе не возможно, какъ по взаимному согласію. О семъ есть мудрое изреченіе Римскаго юриста Сабина: „въ общемъ владѣніи вещи ни одинъ владѣлецъ не можетъ ничего сдѣлать противъ воли другихъ совладѣльцевъ“, и Папиніанъ къ сему прибавляетъ: „поэтому каждый владѣлецъ имѣетъ право прещенія; ибо при равенствѣ правъ голосъ запрещающаго одерживаетъ верхъ“ (fr. 28. D. 10. 3). За вредъ, причиненный соучастникомъ чрезполосному владѣнію, причинившій отвѣтствуетъ товарищамъ, н. н. за вырубку деревъ; слѣд. и за сдѣланную пользу также получаетъ вознагражденіе отъ соучастниковъ (fr. 8. § 2. fr. 11. D. 10. 3). Но падаетъ ли убытокъ и вознагражденіе на наслѣдниковъ или покупщиковъ участка въ чрезполосномъ владѣніи? н. п. владѣлецъ, вырубивъ часть общаго лѣса, безъ согласія соучастника, продалъ свою землю другому: — сей покупщикъ обязанъ ли вознаградить соучастника и отказаться отъ рубки остальнаго лѣса? Юриспрудентъ Павелъ отвѣтствуетъ: въ семъ искѣ убытки отыскиваются на вещи, а не на лицѣ: слѣд. преемникъ и вознаграж-

дастъ и получаетъ вознагражденіе (fr. 29. D. 10. 3 , срав. fr. 14 § 1. ibid.). Но можетъ случиться такимъ образомъ: соучастникъ продалъ свои участки въ дѣйствительномъ владѣніи безъ передѣла (certis regionibus finitum) другому; при раздѣлѣ оказалось, что сіи участки далеко меньше доли , принадлежавшей продавцу: слѣдуетъ ли дополнить преемнику недостатокъ изъ излишковъ соучастника ? Если спеціальное размежеваніе производитъ по числу душъ ревизіи до 1766 г. , то слѣдуетъ ; если же по дѣйствительному владѣнію , то не слѣдуетъ : ибо что̀ покупалъ , тѣмъ и долженъ владѣть. — Спеціальное размежеваніе по началамъ Генеральнаго межеванія должно совершиться слѣдующимъ порядкомъ. Если есть Писц. книги и крѣпости, до Генеральнаго межеванія составленныя: то межевать по симъ книгамъ и крѣпостямъ. Количество, означенное не мѣрою, а долями, межевать по долямъ. Если же ни мѣры, ни долей не означено: межевать по числу душъ ревизіи, бывшей до Генеральнаго межеванія ; если же дача образовалась послѣ генеральнаго межеванія изъ (ненаселенной) безмѣрной пустоши: то по дѣйствительному владѣнію , доказанному понятыми. Но участки послѣ Генеральнаго межеванія могли быть отчуждаемы по купчимъ , дарственнымъ и т. п. Въ такомъ случаѣ мѣра позднѣйшихъ крѣпостей уступаетъ ли мѣрѣ , опредѣляемой по Генеральному межеванію ? — вопросы трудные ! . При семъ не должно упускать изъ виду прибыль и убыль чрезполосной дачи. По правилу общаго владѣнія прибыль и убыль , безъ содѣйствія и вины соучастника произшедшая , падаетъ на всѣхъ по соразмѣрности частей владѣнія. Земля , привладѣнная къ отдѣльному участку пользованія , есть прибыль общая ; но потерянная давностью изъ отдѣльнаго участка (certis regionibus finitum) пропадаетъ ли во вредъ совладѣльца постояннаго

участка? *) Можетъ представиться и такой случай: я имѣю съ другимъ дачу въ чрезполосномъ владѣніи, и къ моему чрезполосному участку имѣю еще смежную особенную дачу, къ которой мои предмѣстники или я самъ привладѣли часть изъ чрезполоснаго владѣнія, или, по какимъ либо хозяйственнымъ расчетамъ изъ чрезполоснаго участка припустили въ особенную смежную дачу полосу или двѣ или болѣе: должно ли допустить здѣсь законъ давности, или не должно? — Именно такой случай (только безъ условія привладѣнія) представленъ въ книжкѣ Сапожковскаго помѣщика *О Чрезполосныхъ владѣніяхъ* 202). Можетъ встрѣтиться и противуположный случай: привладѣніе или припашка сдѣлана изъ особенной дачи къ чрезполосной. Особенную важность будутъ имѣть сіи вопросы въ дачахъ общаго владѣнія безмѣрныхъ. По моему мнѣнію, припашка къ чрезполосному, безъ сознанія о семъ, давностію обращается въ общую дачу; припашка отъ чрезполоснаго къ особенной дачѣ не подлежитъ давности, если она сдѣлана самимъ владѣльцемъ: ибо подразумѣвается положеніе, что никто самъ на себя жалобу подавать не можетъ, или: никто самъ у себя не крадетъ; напротивъ, если припашка къ особенной дачѣ сдѣлана предмѣстниками, и даже настоящимъ владѣльцамъ, но тогда, когда они еще не имѣли владѣнія въ общей дачѣ: то, поелику сознаніе существовало здѣсь въ двухъ разныхъ лицахъ, давность мѣсто имѣетъ. Римскій юриспрудентъ Павелъ вотъ что говоритъ о чрезполосномъ владѣніи. „Если ты и я

* Ср. fr. 19 D. 8. 5. См. также важное мнѣніе Кая fr. 7 § 4 D. 20. 6. „Illud tenendum est, si quis communis rei partem pro indiviso dederit hypothecae, divisione facta cum socio non utique eam partem creditori obligatam esse, quae ei obtingit, qui pignori dedit, sed utriusque pars pro indiviso pro parte dimidia manebit obligata.“ См. тоже въ fr. 6 § 8 D. 10. 3.

имѣемъ общую дачу, а смежная дача моя единственная, то можемъ ли мы имѣть промежъ себя дѣло о размежеваніи (общей отъ особенной)?—и Помпоній пишетъ: не можемъ имѣть дѣла, — ибо я и товарищъ мой въ этомъ дѣлѣ не можемъ быть соперниками, а считаемся за-одинъ. Нѣтъ никакой возможности допустить это дѣло даже по уподобленію какому нибудь (ne utile quidem judicium dandum); не прежде можемъ начать тяжбу, какъ тогда, когда я продамъ или особенную, или общую дачу.“ Если можно сдѣлать какое либо употребленіе изъ сего строго логическаго положенія, то должно допустить слѣдующее мнѣніе: доколѣ сіи владѣльцы состоятъ въ общемъ владѣніи, до тѣхъ поръ дѣло о завладѣніи мѣста имѣть не можетъ (ибо самому себѣ соперникомъ быть нельзя); но какъ скоро сдѣланъ раздѣлъ, то всѣ тяжбы по отношенію смежнаго особеннаго владѣнія къ общему возникаютъ и рѣшаются безъ всякаго участія давности. И у насъ, я думаю, соблюдаются подобныя правила: — покуда соучастники продолжаютъ владѣть чрезполосно, до тѣхъ поръ никоторой не имѣетъ права требовать отъ прочихъ вознагражденія за улучшеніе; но какъ скоро дѣло къ дѣлежу: то и убытки и улучшенія наличные пріемлются въ расчетъ при уравненіи частей. Вознагражденіе за осушеніе болотъ, учиненное участникомъ н. п. за 15 лѣтъ до раздѣла, съ намѣреніемъ исключительнаго пользованія ими въ теченіи сего времени, можетъ ли имѣть мѣсто при раздѣлѣ дачи? — А при спеціальномъ размежеваніи чрезполосныхъ дачъ могутъ встрѣтиться и такіе случаи: изъ двухъ владѣльцевъ поровну одинъ дѣйствительно пользуется 60 десятинами, а другой 50; при раздѣлѣ должно еще принять въ разсмотрѣніе, не пользовался ли тотъ лишними 10 десятинами по праву осушенія болотъ, или расчистки изъ подъ лѣсовъ.

Дѣло о чрезполосномъ владѣніи кромѣ юридической стороны имѣетъ еще сторону *политическую*. —

Великая мысль Государя о приведеніи земляныхъ владѣній въ состояніе приноситъ несравненно бо́льшія выгоды противъ прежняго, обнаруженная въ сосредоточеніи удѣльныхъ имѣній въ немногихъ губерніяхъ 203), столь же благодѣтельно обращена и на пользы Россійскаго Дворянства. Мысль обильная послѣдствіями для настоящихъ и грядущихъ поколѣній! a) Она изводитъ тысячи капиталовъ изъ бездѣйствія, (ср. Землед. Газ. 1836 N 73), на которое они осуждены были въ теченіи цѣлыхъ столѣтій системой чрезполоснаго владѣнія: она должна сосредоточить ихъ, усилить и двинуть ими сельскую и даже фабричную промышленность къ свободнѣйшей и обширнѣйшей дѣятельности; b) она отъемлетъ у благородныхъ сосѣдей случаи къ безконечнымъ ссорамъ, неудовольствіямъ и безпокойствамъ, словомъ, она даруетъ миръ владѣніямъ, — одно изъ драгоцѣннѣйшихъ благъ частной гражданской жизни. Помышляя о семъ предметѣ съ чувствомъ глубочайшей преданности Законамъ, пріемлю смѣлость выразить, что Провидѣніе раскрываетъ геній Россіи съ дивною послѣдовательностію и въ дѣлѣ высшихъ государственныхъ интересовъ, и въ дѣлѣ чрезполоснаго владѣнія, и въ дѣлѣ отхожихъ нарѣчій и обычаевъ, и въ дѣлѣ отхожихъ пустошей,—геній, вездѣ сильный, вездѣ однообразный въ началахъ, вездѣ равный самому себѣ. Вопросъ о Чрезполосномъ владѣніи есть одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ въ исторіи Россійскаго Законодательства,— столько же трудный, какъ и составленіе Свода Законовъ, и Генеральное межеваніе Екатерины II, вопросъ, заключающій въ себѣ множество вопросовъ важнѣйшихъ, и окончательно имѣющій развиться только въ грядущихъ поколѣніяхъ. Онъ предложенъ еще за 150 лѣтъ въ Писцовомъ наказѣ, былъ сознаваемъ Екатериною II; но до нашихъ дней оставался нерѣшеннымъ въ системѣ земляныхъ Русскихъ владѣній.

Представимъ вкратцѣ исторію сего владѣнія по наличнымъ памятникамъ Законодательства.

Въ граматахъ до XVI вѣка не встрѣчается чрезполосное владѣніе; но по всѣмъ обстоятельствамъ исторіи Россійской земельной собственности съ достовѣрностію можно положить, что оно существовало съ глубочайшей древности, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ появилась на Руси недвижимая собственность и владѣніе. Было время, когда существовало въ Россіи владѣніе чрезполосное даже по времени. Въ граматѣ 1410 года Москва, бывшая тогда на правахъ частнаго владѣнія, дѣлится между братьями не по пространству, а по времени: пять лѣтъ владѣетъ одинъ, пять лѣтъ владѣетъ другой. Сіе владѣніе въ противуположность чрезполосному должно назвать *очереднымъ*. По духовной Іоанна III въ 1504 году точно такъ же дѣлится Москва между братьями по очереди владѣнія (черезъ пять лѣтъ). Сущность сего владѣнія состояла въ общности, нераздѣльности. Но чрезполосное владѣніе должно быть несравненно древнѣе очереднаго. Въ первый разъ я встрѣтилъ его въ правой граматѣ 1559 года, изд. Сандуновымъ. Литовскій Статутъ такъже признаетъ чрезполосное владѣніе. Въ Судебникѣ объ немъ не упоминается; но въ земляныхъ дѣлахъ до Уложенія вездѣ встрѣчается чрезполосное владѣніе. Уложеніе знаетъ его; а со временъ Уложенія граматы и другія узаконенія упоминаютъ объ немъ подъ различными именами: a) владѣніе черездесятинное, b) вл. черезземельное, c) владѣніе черезъ полосу, d) вл. пополосное, e) вл. чрезполосное 204). Я сказалъ, что владѣніе чрезполосное весьма древне по своему происхожденію: это явствуетъ изъ того, что общее пользованіе полями, покосами иначе нельзя представить, какъ чрезполоснымъ. Гдѣ была слобода, село, владѣвшія землями на правахъ собственности или на правѣ оброчныхъ статей, тамъ владѣніе, безъ

всякаго сомнѣнія, было уже чрезполосное. Трудно представить, чтобъ мелкая дача, особенно въ старину, составляла цѣлый корпусъ владѣнія, т. е. усадьбу, поля, луга, воды и лѣса. Въ такомъ видѣ намъ должно понимать владѣніе свободнаго класса людей на правахъ собственности; владѣніе же крестьянъ оброчное ни подъ какимъ видомъ не было особеннымъ, да и быть не могло иначе какъ чрезполоснымъ. Причина самая простая: мелкое владѣніе не можетъ быть особеннымъ потому, что оно никакъ не составитъ цѣлаго корпуса владѣнія. Иное дѣло — владѣніе боярское и дворянское: — не будучи чрезполоснымъ, оно могло быть столько обширнымъ, что всѣ хозяйственные капиталы и труды могли развернуться въ немъ свободнѣйшимъ образомъ. Это условіе было понимаемо и въ стройной системѣ помѣстной. Нельзя не замѣтить, что сія система стремилась къ сосредоточенію владѣній къ однѣмъ областямъ и въ однѣхъ межахъ, и въ этомъ отношеніи была несравненно хозяйственнѣе системы вотчинной. Служилые люди раздѣлены были на корпуса по главнѣйшимъ областямъ, образовавшимся изъ удѣльныхъ Государствъ въ одно тѣло Царства Московскаго и всея Россіи. Еще въ состояніи удѣльномъ правительства сихъ областей стремились сосредоточить земли въ однородную массу владѣній, и не терпѣли (особливо Новгородъ) въ своихъ межахъ и граняхъ владѣній иностранныхъ, принадлежавшихъ Князьямъ и Боярамъ Тверскимъ, Московскимъ и другимъ 205). По присоединеніи удѣловъ къ Москвѣ, областные служилые люди не размѣщались, какъ нынѣ, по разнымъ полкамъ и корпусамъ, а каждый служилъ въ своемъ корпусѣ, въ Разрядѣ Новогородскомъ, Московскомъ, Казанскомъ или Бѣлогородскомъ 206). Сему обычаю строго слѣдовали и въ помѣстномъ верстаніи. На выморочное мѣсто Новогородскаго дворянина въ боевомъ строю и въ

спискѣ владѣльцевъ становился Новгородецъ же, а не Московскій служилый человѣкъ. Московскому дворянину не давали помѣстья ни въ Новгородѣ, ни въ Казани, ни въ Смоленскѣ, ни въ Бѣлгородѣ, а давали въ Москвѣ 207). Но это правило скоро разрушено было введеніемъ раздачи украинскихъ помѣстьевъ Московскимъ служилымъ людямъ 208). Вотчинное начало всюду тѣснило помѣстное: помѣстье продавали и жаловали въ вотчину, примѣрную землю помѣстья продавали въ вотчину, порядокъ наслѣдованія постепенно вводили вотчинной, и наконецъ Петръ В. рѣшительно смѣшалъ помѣстье съ вотчиной 209). Отчинное начало, естественно должно было одержать верхъ надъ служебнымъ: ибо оно было и древнѣе и сильнѣе помѣстнаго; дворянинъ не жалѣлъ крови и трудовъ, чтобы помѣстье обратить въ выслуженную вотчину. Итакъ сіи два начала были враждебны между собою: помѣстное склонялось къ сосредоточенію, къ маіорату, или по большинству владѣній (Козачьихъ, Солдатскихъ, Рейтарскихъ, Ландмилицкихъ и Сербско-Гусарскихъ) къ минорату; напротивъ вотчинное начало стремилось къ раздробленію, и слѣд. къ чрезполосности 210). Большое имѣніе, составляя большой корпусъ владѣнія, нѣсколько разъ могло выдержать операцію дѣлежа между наслѣдниками; но мелкая вотчинная дача, послѣ двухъ дробныхъ раздѣловъ, изъ живаго тѣла должна была превратиться въ трупъ, или спасать себя въ чрезполосномъ владѣніи (Ср. Землед. Газеты 1836 № 73). И помѣстныя дачи бывали въ чрезполосномъ владѣніи; но за то онѣ скорѣе могли возвратиться къ владѣнію единственному, сдѣлавшись вымороченными, опальными и т. п. Таково свойство живыхъ капиталовъ сельскихъ, — тогда какъ владѣніе денежное, будучи мертвымъ, не имѣетъ нужды быть чрезполоснымъ!. Римляне, народъ неискусный въ политич. экономіи, въ юриспруденціи

живо понимали законъ взаимныхъ отношеній между вещами, и ихъ общую и особенную цѣнность. Напримѣръ они знали, что одна перчатка стоитъ 2 копѣйки—не болѣе, а когда при ней будетъ другая, то таже перчатка будетъ стоитъ рубль. Это у нихъ называлось id quod interest 211). Прекрасный невольникъ у Римскаго Сенатора оцѣненъ въ 5,000 сестерцій, а когда Сенаторъ выписалъ другаго, сходнаго съ тѣмъ какъ двѣ капли воды, то тотъ же невольникъ стоилъ уже 10,000 сестерцій. И здѣсь возвышенныя цѣнности называются id quod interest. Тоже можетъ встрѣтиться и у насъ. Сельскій дворецъ вельможи стоилъ милліона рублей, у его 15 наслѣдниковъ стоилъ уже 80,000 рублей, а у 45 правнуковъ онъ не стоитъ кирпичей, изъ которыхъ сдѣланъ. Тоже иногда бываетъ съ иной дачей, если она захочетъ быть изъ единственной чрезполосной, и изъ чрезполосной единственной. Наши законодатели, какъ видно изъ исторіи законодательства, давно чувствовали потребность уничтожить чрезполосность владѣній. По Выпискѣ изъ Писцоваго наказа 1681 Августа 26. ст. 23 чрезполосное владѣніе положено уничтожить и писцамъ предписано межевать сряду и дѣлить между владѣльцами по жеребьямъ; но черезъ три года по Писцовому наказу 1684 Ап. ст. 34 оно вновь разрѣшено, съ дозволеніемъ однакожъ каждому владѣльцу вырѣзать свой участокъ изъ общаго владѣнія, безъ согласія отъ совладѣльцевъ. Довольно непонятно, почему владѣльцы тогдашняго времени не воспользовались благодѣяніемъ закона, дозволяющаго выдѣлъ безъ согласія совладѣльцевъ. Далѣе, по дополнительнымъ статьямъ къ Писцовому наказу 1686 года Марта 16 ст. 5 дозволено межевать чрезполосную дачу къ однимъ мѣстамъ, съ тѣмъ, чтобъ и дворы не стояли уже противъ чужихъ участковъ, а *были снесены къ своимъ*, (сравн. раздѣлъ полковника Беклешова съ Еси-

новымъ и Аничковымъ въ Земледѣльческой Газетѣ 1836 г. № 75 и 47), а усадебнымъ землямъ и конопляницамъ позволено оставаться въ чужомъ участкѣ. Важныя пожертвованія, доказывающія печальную невозможность ужиться вмѣстѣ! Еслибъ въ то время были сады (разумѣется, не фруктовые), рыбные пруды, проспекты, цвѣтники, могилы и гробницы предковъ, завѣтныя дубравы, возращенныя ихъ трудами, и церкви, украшенныя ихъ вкладами, то и они всѣ за исключеніемъ конопляницъ могли отойти въ чужое владѣніе? И павильоны, гдѣ рѣшена судьба жизни двухъ прелѣжныхъ и чувствительныхъ сердецъ, и рощи съ ихъ вечерними думами и тайными вдохновеніями — всѣ.. всѣ безъ изключенія должны были отойти въ чуждое владѣніе? — Правда, этотъ романическій бредъ не свойственъ былъ грубымъ сердцамъ нашихъ предковъ; но гробницы прародителей и святыя церкви, хранящія въ мирѣ прахъ ихъ, всегда возбуждали чувство благоговѣйной привязанности къ древнимъ владѣніямъ. Нельзя безъ нѣкотораго участія читать жалобу двухъ сутягъ Царю Іоанну Грозному о выкупѣ родовой вотчины. „Царю Государю и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Россіи, бьютъ челомъ холопи твои Васюкъ да Данилко Григорьевы дѣти Ѳомина. Милостивый Царь Государь! покажи милость.... Андрей Квашнинъ отдаетъ вотчину въ Кириловъ монастырь,..... а та, Государь, вотчина, не его одного и его родителей, (а) Петра Ильича и всѣхъ насъ, каковы близки, таковъ и онъ къ той вотчинѣ. Царь и Государь! не вели тое отчинки отдать въ Кириловъ монастырь, вели у насъ за ту отчинку деньги взять, *хотя и выше цѣны*, или въ то мѣсто вели нашей отчинной земли взять въ иномъ мѣстѣ..... *и не отведи, Государь, отъ Спаса и отъ родителей* 212)." Развѣ этимъ только можно объяснить, по чему законъ 1681 года не

состоялся, и даже Екатерина II, явивши чудеса Генеральнаго межеванія, спеціальный отводъ черезполосныхъ дачь къ однимъ мѣстамъ оставила на произволъ владѣльцевъ 213). Дѣйствительно, спеціальное межеваніе во многомъ измѣнитъ систему Русскихъ владѣній!.. Но если поэтъ Москвы, отбросивъ лиру, орудуетъ астролябіей 214); если дворянство развестись желаетъ, и Самъ Царь повелѣваетъ: то надобно, чтобъ бѣдствія общаго владѣнія превзошли мѣру терпѣнія черезполосныхъ. (См. Земледѣльч. Газеты 1836 N 59, 57, 41 — Мнѣніе Г. *Кошелева*, N 73. — О черезполосномъ владѣніи — Сапожковскаго помѣщика. Письмо къ А. С. *Хомякову*).

Тѣлесный дѣятель владѣнія.

(*corpus possidendi.*)

Духовныя условія владѣнія нашими предками выражались по преимуществу словами *владѣть* и *вѣдать*, напротивъ присутствіе тѣлеснаго дѣятеля подразумѣвалось въ понятіи *держать*; но всего чаще сіе внѣшнее дѣйствіе означалось видовыми, особенными выраженіями владѣнія, н. п. *пашутъ*, *косятъ*, *сильно живутъ*, *сильно сидятъ*, *сильно посажали за себя крестьянъ* и т. п. Безъ сомнѣнія и Русское Законодательство, подобно Римскому, для владѣнія считаетъ недостаточнымъ одного сознанія и воли, и хотя не прямо, но настоятельно требуетъ, чтобъ имъ соотвѣтствовала физическая возможность располагать вещію и исключать отъ сего всѣ посторонніе лица. Разсмотримъ сіе условіе раздѣльно въ пріобрѣтеніи движимыхъ и недвижимыхъ.

Пріобрѣтеніе владѣнія движимыхъ. По различію способовъ пріобрѣтенія требуется неодинаковый объ-

емъ физическихъ условій для владѣнія движимыхъ, и не одинаковъ признается моментъ, съ котораго владѣніе считается пріобрѣтеннымъ. Въ первоначальномъ способѣ занятія употребляется бо́льшая полнота физическихъ условій, чѣмъ въ пріобрѣтеніи по передачѣ. Владѣніе животными дикими начинается съ того времени, когда онѣ пойманы, и не могутъ освободиться отъ нашей власти. Это бываетъ или непосредственно, въ нашихъ глазахъ, когда мы н. п. застрѣливаемъ, или посредственно, безъ личнаго нашего присутствія, когда животное попалось въ нашу сѣть, на уду, въ верши и т. п. Здѣсь владѣніе, по опредѣленію Русской Правды 215), начинается съ той минуты, какъ животное попалось въ сѣть, а не тогда, когда мы узнаемъ о семъ: ибо тайный выемъ птицы изъ охотничьей сѣти въ Правдѣ признанъ за воровство. Изъ сего должно заключить, что животное раненое, хотя и преслѣдуемое, еще не считалось во владѣніи ловца. Животныя полудикія, къ коимъ по разуму Римскаго законодательства должно отнести между прочими пчелъ, поступаютъ въ наше владѣніе не прежде какъ сядутъ на нашей дачѣ и будутъ обраны въ улей, садокъ и т. п. 216). Что касается до животныхъ домашнихъ, то они до тѣхъ поръ состоятъ въ нашемъ владѣніи, покуда *не отгуляютъ* (si aberraverint); по крайней мѣрѣ такъ сказано объ лошадяхъ въ Уложеніи 217), и вѣроятно, моментомъ, до котораго продолжалось владѣніе, считался тотъ, когда хозяинъ, сдѣлавши поиски на мѣстахъ пастбищъ, не находилъ своихъ лошадей (покуда не хватится). Рабы до тѣхъ поръ состоятъ во владѣніи, покуда не сбѣгутъ, или не составятъ себѣ фальшивой отпускной, или, желая избыть отъ крѣпостнаго состоянія, явно не отрекутся отъ отца и отъ матери, состоящихъ въ рабствѣ 218). Военный способъ пріобрѣтенія въ Русской землѣ былъ до того употребите-

лень, что въ каждой договорной граматѣ упоминается о плѣнникахъ, обращенныхъ въ рабство, и о грабежныхъ животахъ, дѣлимыхъ обыкновенно между воинами на *щитъ и на копье.*

Примѣч. Но еще во второмъ періодѣ законодательства сей способъ пріобрѣтенія владѣнія былъ ограниченъ: плѣнные оставались рабами только до смерти первыхъ пріобрѣтателей 219). Въ періодѣ дѣйствующаго законодательства законъ подушнаго сбора и рекрутской повинности весьма благопріятствовалъ распространенію рабства: ибо симъ способомъ весьма облегчилось для правительства взиманіе вышеозначенныхъ повинностей 220). Наконецъ человѣколюбивая Государыня Екатерина II закрыла навсегда сей источникъ пріобрѣтенія: указами 1781 Іюля 28 и 1783 Окт. 20 она запретила плѣнныхъ и вольныхъ людей всѣхъ націй записывать въ крѣпостное состояніе, и съ тѣхъ поръ никакая давность не обращаетъ ихъ въ крѣпостныхъ.

Когда главная вещь пріобрѣтена, то всѣ вещи, изъ ней или при ней образовавшіяся: приплоды, придѣлки, вдѣлки, острова, наволоки (alluviones), доходы и всякія прибыли и выгоды, однимъ словомъ все, что̀ природою или искуствомъ присоединяется къ владѣемой вещи, падаетъ въ предѣлы главнаго владѣнія безъ *особенной на то воли и сознанія* владѣльца первоначальной вещи. Но арендный содержатель, или владѣлецъ на правѣ помѣстномъ, или оброчникъ пріобрѣтаютъ ли владѣніе надъ островомъ, наволокой образовавшимся по заключеніи договора, и по вводѣ во владѣніе? — О семъ былъ уже вопросъ въ Новогородскомъ Разрядѣ во время помѣстной системы и рѣшенъ въ пользу помѣщиковъ, хотя они и были верстаны опредѣленными окладами 221). При вопросѣ о вознагражденіи владѣльцу при выкупѣ ро-

довыхъ отчинъ прибылые крестьяне раздѣлялись на *рожденныхъ* и приписныхъ; рожденные выкупались нераздѣльно съ отцами, хотя бы они *учали жить дворами вновь*, а за приписныхъ дѣлалось особое вознагражденіе отъ выкупающаго 222). Если судить по строгости началъ, то всё пріобрѣтенное способомъ приращенія не состоитъ въ нашемъ владѣніи, доколѣ не будетъ отдѣлено отъ главной вещи и не составитъ предмета самостоятельнаго. Напримѣръ, кто не отыскивалъ бѣглаго семейства рабовъ изъ чужаго владѣнія десять лѣтъ, тотъ не имѣетъ права отыскивать дѣтей того семейства, хотя бы они родились за два года до исполненія срока давности 223). Если же дѣти, живущія вмѣстѣ съ отцомъ и съ матерью, не подлежатъ десятилѣтней давности, то должно заключить, что они не состояли во владѣніи, и что ихъ бытіе слитно съ бытіемъ ихъ родителей (ср. Акты, собр. Археол. Экспедиц. Т. IV. стр. 26 и Сводъ Гражд. Закон. Т. X. Кн. III ст. 914). Здѣсь-то чувствуется въ особенности доброта страннаго Римскаго положенія, что „кто владѣетъ цѣлымъ, тотъ еще не владѣетъ частями онаго.“ По томужъ и клады, сокрытые въ нѣдрахъ чьей либо земли, хотя и принадлежатъ вмѣстѣ съ землей владѣльцу сей земли, но не состоятъ у него во владѣніи: ибо для сего нужно особенное физическое дѣйствіе — вырытіе изъ земли. Допустивъ владѣніе невырытыхъ кладовъ въ ихъ особенности, принуждены будемъ допустить, что каждый колосъ на землѣ составляетъ владѣніе, и что хлѣбъ *земляной*, посѣянный на родовой землѣ, но купленный на свои деньги, есть имущество благопріобрѣтенное, что̀ очевидно не справедливо 224).

Гораздо труднѣе опредѣлить время, съ котораго начинается владѣніе въ пріобрѣтеніи по передачѣ. Слѣдуя Римской теоріи, мы должны принять положеніе, что нельзя пріобрѣсть владѣнія вещи, до-

колѣ прежній владѣлецъ не переставъ ею владѣть ; слѣдовательно здѣсь необходимо , чтобы передающій сдалъ пріобрѣтателю *vacuam possessionem* , чтобъ воля его оставила владѣніе упраздненнымъ, и въ то же время воля пріобрѣтающаго какъ бы непосредственно простерлась на оное. Если въ сіе время нѣтъ препятствій со стороны третьяго, то передача и принятіе совершаются въ одинъ моментъ, хотя бы вовсе не было современнаго физическаго взятія. — Старинный Русскій обычай прекрасно живописуетъ сіе движеніе владѣнія въ слѣдующихъ словахъ: *передать изъ рукъ въ руки , изъ полы въ полу.* По сей простый актъ пріобрѣтенія подвергается многимъ видоизмѣненіямъ въ государствѣ отъ вліянія положительныхъ законовъ. Такъ напримѣръ въ договорной граматѣ К. Мстислава Давидовича съ Ригою моментомъ передачи признано взятіе и поносеніе товара изъ гостинаго двора 225). По древнимъ Русскимъ законамъ особенная точность требовалась въ пріобрѣтеніи лошадей и рабовъ. Лошади раздѣлялись на *домарощеныхъ* и *купленыхъ.* Первые безусловно состояли во владѣніи хозяина ; но признакомъ владѣнія купленными принималось *пятнаніе* , которое само собою , безъ посредства физической силы, служило знакомъ пріобрѣтенія владѣнія. Оно извѣстно въ Русской Правдѣ XI вѣка и продолжалось непрерывно до половины XVIII вѣка 226).

Пріобрѣтеніе владѣнія недвижимыхъ. И здѣсь вещественнымъ основаніемъ владѣнія служитъ физическая возможность располагать вещію, выражаемая дѣйствительнымъ приложеніемъ силы или по крайней мѣрѣ возможностію дѣйствовать на нее во всякое время, когда это полезно и необходимо. Самое древнее выраженіе для означенія сего физическаго условія заключается въ словахъ : *сидѣніе* , *усадьба* , *селидьба* ; но потомъ , когда не одинъ дворъ , а поля

и луга начали быть предметами исключительнаго владѣнія, условіе выражалось словами: *пахать, косить* и т. п. Кромѣ сихъ существенныхъ признаковъ владѣнія уважались также признаки случайные, какъ н. п. *погребеніе родителей*, *печища*, *одворки* и другіе жилые признаки на земляхъ; — также посылка волостелей, взиманіе оброковъ, платежъ податей въ казну, поставка повинностей натурою, приводились въ доказательство бывшаго владѣнія 227). Сверхъ сего еще въ древности считалось достаточнымъ признакомъ владѣнія, если земля обведена урочищами, изгородою, или когда она пригорожена, когда насѣчены грани, выкопаны ямы, канавы, однимъ словомъ достаточно было помѣтки на земляхъ, чтобъ доказать бытіе владѣнія, хотя бы дѣйствительнаго пользованія и не существовало, хотя бы земель не пахали и не косили и не употребляли для пастбищъ. Неприкосновенность границъ и другихъ межевыхъ знаковъ признана еще въ XI вѣкѣ 228). Показавъ необходимость физическаго условія для пріобрѣтенія владѣнія недвижимыхъ по первоначальному способу пріобрѣтенія, объяснимъ, какимъ образомъ физическая сила принимала участіе въ насильственномъ пріобрѣтеніи недвижимыхъ. Насильство выражается въ нападеніи *парядными боемъ* (vi armata) и обыкновенною силою (vi quotidiana), также обманомъ и подлогомъ 229). По Римскому праву владѣніе насильствомъ пріобрѣтается съ того момента, какъ прежній владѣлецъ созналъ завладѣніе, но не защищался, или защищавшись безуспѣшно, прекратилъ сопротивленіе 230); но Русское Законодательство опредѣляетъ сей моментъ по тому, какъ пріобрѣтатель началъ распоряжать имѣніемъ, не различая, съ вѣдома или безъ вѣдома хозяина, и давность насильственнаго владѣнія начинается не съ того времени, какъ узналъ о семъ хозяинъ, а тогда какъ

завладѣвшій началъ распоряжать имѣніемъ 231) Само собою разумѣется, что насильникъ, изгнанный судомъ, считается въ томъ положеніи, какъ будтобъ никогда не владѣлъ имѣніемъ. Насильственное завладѣніе по исторіи Русскаго Законодательства часто называется *напздомъ*, а по Литовскому Статуту *вытискомъ* изъ владѣнія 232): то и другое означаетъ употребленіе силы. Итакъ въ обоихъ Законодательствахъ по сему способу пріобрѣтенія требуется употребленіе физической силы, будетъ ли она состоять въ дѣйствительномъ ея приложеніи, или въ видѣ угрозы, мнимой опасности, фальшиваго нападенія; но угроза не судомъ, а судьей заключаетъ ли въ себѣ насильство по смыслу старинной пословицы: „*не бойся суда, а бойся судьи*“? Угроза судомъ, т. е. объективнымъ разумомъ, никогда не можетъ быть насильствомъ, по извѣстной юридической аксіомѣ: „разумъ насильства не творитъ.“ Всѣ сіи виды насильства относятся собственно къ волѣ; но есть насильства и противъ разума, напримѣръ обманъ и подлогъ въ куплѣ, продажѣ и т. п. И Литовскій Статутъ опредѣляетъ весьма правильно, называя насильствомъ порчу межей и другіе подлоги 233). Впрочемъ для пріобрѣтенія владѣнія по подложному акту требуется еще вводъ во владѣніе.

Опредѣливъ участіе физической силы въ пріобрѣтеніи владѣнія по первоначальному способу, объяснимъ его въ пріобрѣтеніи по передачѣ. Передача земли отъ одного къ другому издревле совершалась торжественно, въ присутствіи свидѣтелей, съ различными обрядами и символами, свидѣтельствующими событіе. У Римлянъ передающій вводилъ пріобрѣтателя на землю и указывалъ ему мѣсто и пространство владѣнія 234). Въ средніе вѣки существовала инвеститура (investitura, saisina), торжественная передача, при свидѣтеляхъ, при клятвен-

номъ обѣщаніи вѣрности отъ пріобрѣтающаго вассалла сеньору (если пріобрѣталось феодальное владѣніе), и въ тоже время знаменуемая врученіемъ жезла и перстня, дерна, древесной вѣтви и т. п. 235). А до временъ феодализма было въ обычаѣ пріобрѣтающему класть въ пазуху землю, давать огонь, какъ символъ водворенія на землѣ (огнище), ссужать телегу для въѣзда въ дачу, наконецъ, что̀ весьма замѣчательно, употреблялось трехъсуточное сидѣніе на пріобрѣтенной землѣ, при чемъ владѣніе начиналось не прежде истеченія третьихъ сутокъ. 236) Можетъ быть отсюда ведетъ свое начало нерѣдко употребляемое въ древнихъ граматахъ для означенія завладѣнія Русское выраженіе *засидѣть землю*, т. е. какъ бы согрѣть ее собственнымъ тѣломъ и сознаніемъ. И у насъ въ Россіи существовала встарину инвеститура, имѣвшая свою особенную форму, и называлась *одерень*,—названіе, заимствованное отъ *дёрна* и прямо указывающее на Римское *stips* и Франкское *saisina, festuca* 237). Ее можно раздѣлить на обычную и указную. Первая состояла въ томъ, что отчуждающій *заводилъ землю* (circumducere, excalceare terram) въ присутствіи покупщика и послуховъ 238); вторая состояла въ томъ, что пожалованному давалась жалованная, а оправданному судомъ правая грамота на собственность и владѣніе, и въ то же время посылалась *ввозная* или *послушная грамота* 239), по которой воевода, городовый прикащикъ или волостель въ присутствіи окольныхъ людей и приходскихъ Священно-церковнослужителей вводилъ во владѣніе. Нынѣ вводъ во владѣніе совершается Земскимъ Судомъ или Городничимъ почти такимъ же образомъ.

Если такимъ образомъ для пріобрѣтенія владѣнія кромѣ сознанія и воли требуется еще тѣлесное дѣйствіе, то при семъ можетъ представиться вопросъ,

всѣ ли вещи, подлежащія освоенію, могутъ быть предметомъ владѣнія, и можно владѣть вещами неосязаемыми, безтѣлесными? Строгая Римская юриспруденція сего не допускаетъ; она полагаетъ правиломъ что „владѣть можно только вещами тѣлесными“ 240). Къ вещамъ безтѣлеснымъ она относитъ вообще права въ чужой вещи, наслѣдство, какъ совокупность правъ и обязанностей и т. п. Дѣйствительно, трудно назвать предметомъ владѣнія то, что̀ само по себѣ невидимо и неосязаемо, и дѣлается ощутительнымъ для сознанія только въ своихъ послѣдствіяхъ. Но поелику сіи безтѣлесныя вещи часто ведутъ къ выгодамъ совершенно вещественнымъ, н. п. право въѣзда въ чужой лѣсъ даетъ брусья на постройку зданій и дрова для отопленія дома: то Римскіе юристы по уваженію сихъ послѣдствій приняли *квивладѣніе*, нѣчто похожее на владѣніе (quasi possessio). И Русское Законодательство хотя не прямо, однакожъ принимаетъ дѣленіе вещей на тѣлесныя и безтѣлесныя: оно дѣлитъ имущества на *наличныя* и *долговыя*, другими словами, на имущества, заключающіяся въ вещахъ, и имущества, заключающіяся въ правахъ 241). Но допускаетъ ли оно, подобно Римской юриспруденціи, положеніе, что владѣть можно только вещами тѣлесными? — Рѣшительно нѣтъ. Изъ исторіи Законодательства видимъ, что понятіе владѣнія прилагалось къ селамъ и деревнямъ съ XII вѣка, къ церковнымъ десятинамъ (т. е. къ вещамъ безтѣлеснымъ) съ XIII вѣка, къ людямъ безъ земли съ XV вѣка, къ рыбнымъ ловлямъ въ чужихъ дачахъ, къ покосамъ, бортнымъ ухожьямъ и въѣзжимъ лѣсамъ, къ доходамъ всякаго рода 242). Итакъ по Рускому Законодательству предметомъ владѣнія могутъ быть какъ вещи тѣлесныя, такъ и безтѣлесныя.

Пріобрѣтеніе владѣнія чрезъ другихъ.

Прекрасно мыслитъ Римская юриспруденція, когда утверждаетъ непремѣннымъ правиломъ, *что мы пріобрѣтаемъ владѣніе духомъ всегда своимъ, а тѣломъ и своимъ и чужимъ* 243). Изъ сего непосредственно слѣдуетъ, что вещь, пріобрѣтенная повѣреннымъ, еще не состоитъ въ нашемъ владѣніи, если нѣтъ на то воли и сознанія самого довѣрителя; равнымъ образомъ довѣритель не пріобрѣтаетъ владѣнія, если повѣренный вопреки его повелѣній пріобрѣлъ вещь для себя, а не для него: ибо въ семъ способѣ требуется, чтобъ повѣренный имѣлъ намѣреніе владѣть для другаго (animus alteri possidendi), а не для себя. Впрочемъ повѣренный, по приказанію довѣрителя купившій вещь, хотя бы перемѣнилъ намѣреніе и началъ владѣть для себя, до тѣхъ поръ владѣетъ для довѣрителя, покуда явно не отречется выдать купленную вещь 244). Для бо́льшаго уясненія времени, съ котораго начинается владѣніе для довѣрителя, здѣсь должно обратить вниманіе на то, что довѣренность какъ по Римскому, такъ и по Русскому праву бываетъ частная и общая 245). Довѣренность частная дается на совершеніе какого либо извѣстнаго дѣла, или на пріобрѣтеніе извѣстнаго предмета. Здѣсь владѣніе пріобрѣтается для довѣрителя тотчасъ по передачѣ ея отъ продавца повѣренному, хотя бы самъ довѣритель узналъ о семъ спустя долгое время (но если повѣренный пріобрѣлъ вещь безъ приказу довѣрителя?). Впрочемъ Римскій юристъ Папиніанъ на сіе отвѣтствуетъ т. об.: „повѣренный пріобрѣтаетъ владѣніе довѣрителю даже безъ его вѣдома; но давность владѣнія для сего послѣдняго начинается не прежде той минуты, въ которую онъ узналъ, что вещь для него

пріобрѣтена 246)." По началамъ Русскаго Законодательства сего мнѣнія допустить нельзя: ибо, какъ скоро довѣритель принялъ на свой щетъ купленную вещь, то давность владѣнія начинается для него съ минуты пріобрѣтенія вещи повѣреннымъ, т. е. сознаніе довѣрителя простирается не только на будущія, но и на прошедшія дѣйствія повѣреннаго. Не таково свойство пріобрѣтенія владѣнія *по общей довѣренности*. Получившій оную на примѣръ на управленіе деревнею, домомъ и другими различными дѣлами, пріобрѣтаетъ владѣніе даже безъ его вѣдома и безъ особеннаго приказанія, если только сими дѣйствіями не выступаетъ изъ предѣловъ данной ему довѣренности. Такимъ образомъ всѣ вещи, купленныя управителемъ для имѣнія, предполагаются въ господскомъ владѣніи съ самой минуты ихъ пріобрѣтенія (ср. fr. 2 § 9 D. 41. 4). Сія власть повѣренныхъ ограничивается повелѣніемъ закона и особенными приказаніями господина, равномѣрно и все, что̀ выходитъ изъ предѣловъ общаго управленія, требуетъ особенной довѣренности, безъ чего владѣніе довѣрителю пріобрѣтено быть не можетъ 247).

Пріобрѣтеніе владѣнія чрезъ рабовъ и крѣпостныхъ.

Сей способъ пріобрѣтенія сходствуетъ съ пріобрѣтеніемъ чрезъ повѣренныхъ. Крѣпостные люди пріобрѣтаютъ владѣніе или по особенному приказу господина, или безъ приказу. Въ первомъ случаѣ они сходствуютъ съ повѣренными; разница сихъ отношеній заключается въ томъ, что рабъ пріобрѣтенное по приказу господина не можетъ поворотить въ собственное владѣніе: ибо всё, что̀ онъ пріобрѣтаетъ, пріобрѣтаетъ своему господину. Римская юриспруденція, строго развивая сіе начало, утверждаетъ, что

рабъ, окрадывая господина, не лишаетъ его владѣнія: ибо онъ самъ всею своею личностію находится во владѣніи господина. Пріобрѣтеніе чрезъ рабовъ безъ особеннаго приказу допускается какъ Римскимъ, такъ и Русскимъ Законодательствомъ. Русскіе рабы и крѣпостные подобно Римскимъ, по милости и великодушію господъ своихъ, имѣютъ свое особенное движимое имѣніе (peculium), которое, не составляя ихъ собственности, сообщаетъ всѣ выгоды собственности, если они хорошо себя ведутъ, или дурнымъ поведеніемъ не навлекаютъ на себя гнѣва господъ своихъ. Хотя о семъ нѣтъ ясныхъ положеній закона, однакожь такъ принято, такъ соблюдается (olim receptum est). Это особенное имущество составляется изъ господскаго жалованья и подарковъ, изъ платы за услуги отъ постороннихъ, или пріобрѣтается другими подобными промыслами. Крѣпостный человѣкъ воленъ располагать имъ по собственному произволу, или съ ограниченіемъ со стороны господина, не отдавая ему отчета. Но какъ оно въ сущности своей есть добро господское, то объ немъ можно сказать тоже, что̀ Римскіе юристы говорятъ о рабскомъ имуществѣ: что рабъ, пріобрѣтая себѣ, пріобрѣтаетъ господину, даже безъ его вѣдома. Здѣсь можно употребить аналогію приращенія насыпей, наволокъ, или по опредѣленію Римскаго права, здѣсь „придаточное уступаетъ главному.“ Но рабъ, или крѣпостный могутъ пріобрѣтать господину безъ его вѣдома только подъ условіемъ, если способъ пріобрѣтенія не предосудителенъ. Именно этого требуетъ Римская юриспруденція, и приводитъ къ сему слѣдующее основаніе 248): „поелику рабъ, состоя въ твоей власти, безъ вѣдома твоего можетъ тебѣ пріобрѣтать не физическое только обладаніе, а владѣніе дозволенное закономъ, ибо таковое только пріобрѣтеніе предполагалось, когда ты давалъ ему особенное рабское имѣніе....“ Конечно,

когда господинъ даетъ рабу средства пріобрѣтать, предполагается, что сіи средства не суть насильство, воровство, обманъ и т. п. Дѣло другое, когда самъ господинъ приказываетъ рабу пріобрѣтать преступными способами; въ такомъ случаѣ самъ господинъ пріобрѣтаетъ владѣніе 249). Русское право не допускаетъ, чтобъ преступно пріобрѣтенное крѣпостнымъ изъ особеннаго рабскаго имѣнія или прямо господину, поступало къ сему послѣднему во владѣніе; однакожъ украденное рабомъ легко можетъ обратиться въ собственность господина: ибо Русская давность не требуетъ ни законнаго основанія владѣнія, ни сознанія о владѣніи со стороны господина. Впрочемъ это видно будетъ изъ слѣдующихъ статей.

Пріобрѣтеніе движимаго чрезъ бѣглыхъ рабовъ.

Ярославова Правда о пріобрѣтеніи посредствомъ рабовъ совершенно умалчиваетъ. Правда XIII столѣтія подробно опредѣляетъ плату за владѣніе чужими рабами („проторь“). Господинъ платилъ за вредъ, причиненный рабами лицу постороннему; но во избѣжаніе тяжкой уплаты было въ обычаѣ отдавать ихъ головою (noxae dare). По этому можно судить, что рабы пріобрѣтали владѣніе господамъ своимъ и безъ ихъ вѣдома; впрочемъ вѣрившій деньги рабу, зная, что онъ рабъ, не могъ искать на самомъ господинѣ 250). Трудно рѣшить, прекращалось ли владѣніе рабомъ, когда онъ находился въ бѣгахъ, и никто еще имъ не завладѣлъ; но несомнѣнно, что пріобрѣтенное имъ въ этомъ состояніи обращалось въ собственность господина, если сей въ послѣдствіи успѣлъ возвратить его въ свою власть. Законы XIII вѣка содержатъ о семъ предметѣ слѣдующее поло-

женіе: „если холопъ, будучи въ бѣгахъ, пріобрѣтетъ себѣ имѣніе, то какъ долгъ за холопа уплачиваетъ господинъ, такъ и пріобрѣтеніе, сдѣланное имъ, принадлежитъ господину вмѣстѣ съ самымъ рабомъ 251)." Тогда не было еще вопроса о давности, слѣдовательно излишне было бы говорить о томъ, съ какого времени считается владѣніе пріобрѣтеннымъ во время бѣгства, съ митуты ли самаго пріобрѣтенія, или съ минуты возвращенія раба во власть господина? — Это не опредѣлено; однакожъ можно принять, что еслибъ кто занялъ у бѣглаго раба деньги, то господинъ, по отысканіи его въ свою власть, считалъ бы долгъ со времени займа. Но по этому нельзя еще судить, что пріобрѣтенное бѣглымъ рабомъ подлежало владѣнію господина тотчасъ по пріобрѣтеніи: ибо владѣніе самымъ рабомъ еще сомнительно, и Правда XIII в. содержитъ о семъ только слѣд. правило: *господину же холопъ и долгъ, господину же и товаръ* 252)." Есть еще положеніе, что бѣглая раба пріобрѣтаетъ мужа своего господину, по тому же началу, какъ пріобрѣтаются владѣльцу главной дачи наволоки, острова и приплодъ 253). Въ періодъ Судебника, вѣроятно, удержалось древнее правило, что господину принадлежитъ и холопъ и долгъ, господину же и товаръ. Уложеніе 254) подтверждаетъ древніе обычаи, присоединяя къ нимъ нѣкоторыя дополненія. При возвращеніи холопа законному его владѣльцу возвращается все то, съ чѣмъ холопъ отъ него сбѣжалъ, съ женою и дѣтьми, съ которыми сбѣжалъ, или съ женою, на которой женился въ бѣгахъ и съ родившимися отъ нея дѣтьми, исключая случай, если они отдѣлились отъ семейства, *живутъ собою* или служатъ другимъ. Равномѣрно возвращаются всѣ животы, съ которыми бѣглый холопъ принятъ, и даже заработныя деньги, однимъ словомъ, возвращается все, кромѣ того, что̀ трудами раба обращено въ

собственное имущество держателя. Позднѣйшія узаконенія подтверждаютъ сіе правило во всей его силѣ 255). Изъ всего выше приведеннаго явствуетъ, что рабъ, находящійся въ бѣгахъ, что̀ ни пріобрѣталъ, обращалось во владѣніе господина ad usucapionem. — Оно не тотчасъ по пріобрѣтеніи подлежало владѣнію господина; но когда господинъ возвращалъ раба, то по всему рабскому имуществу для него начиналась давность не со времени возвращенія раба, а съ минуты пріобрѣтенія рабомъ. Тоже самое принято и въ Сводѣ Законовъ 256).

Пріобрѣтеніе владѣнія недвижимыхъ чрезъ крестьянъ.

Въ недвижимыхъ еще явственнѣе подтверждается та истина, что рабы пріобрѣтаютъ владѣніе господамъ своимъ даже безъ ихъ вѣдома (etiam ignorantibus acquirunt), всѣми способами безъ различія, позволенными и непозволенными, куплей, припашкой, привладѣніемъ, насильственнымъ завладѣніемъ, такъ что всѣ выгоды насильственнаго пріобрѣтенія относятся къ господину, а всѣ невыгоды владѣнія и принятія бѣглыхъ на господскую землю падаютъ на самихъ крестьянъ и старостъ 257). Русская Правда о семъ не упоминаетъ; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что смерды, воздѣлывавшіе землю господина, если „сѣчали грани или межу припахивали“, то привладѣніе относилось къ выгодѣ ихъ господина: ибо смерды въ семъ случаѣ не себѣ припахивали, а господину, развѣ господинъ именно отказался отъ такого пріобрѣтенія. Исторія процессовъ полна насильствъ, причиненныхъ крестьянами къ выгодамъ господскаго владѣнія. Извѣстно по исторіи, что всякій слуга по сельскому ключу былъ холопъ (крѣпокъ), и въ семъ званіи что̀ ни пріобрѣталъ по управленію господска-

го имѣнія, обращалось въ собственность господина. Въ духовной граматѣ К. Владиміра Андреевича 1410 года значится, что деревни, *купленныя ключниками за его ключемъ* (на его имя), принадлежатъ къ оставленному имъ наслѣдству и поступаютъ къ дѣтямъ. Безъ сомнѣнія, крѣпостные люди насильствомъ и другими непозволенными средствами не пріобрѣтаютъ владѣнія господамъ своимъ, вопреки ихъ намѣренію и желанію; однакожь еслибъ господа вздумали воспользоваться правомъ давности противъ истца: то все время владѣнія крестьянъ безъ сомнѣнія было бы зачтено имъ въ десятилѣтнюю давность. Тоже должно сказать о самовольномъ водвореніи бѣглыхъ людей на помѣщичьихъ земляхъ старостами безъ воли самихъ помѣщиковъ. И здѣсь, когда искъ будетъ произведенъ до истеченія давности, невыгоды принятія падаютъ на старостъ, а выгоды давности относятся къ господамъ, и сія давность считается не отъ времени сознанія помѣщиковъ, а со времени водворенія. Такъ слѣдуетъ заключить по началамъ Русскаго Законодательства. Что водвореніе чужихъ людей на земляхъ помѣщика безъ его вѣдома доставляетъ ему владѣніе, то это явствуетъ изъ статьи 314 Кн. II Свода Гражданскихъ Законовъ, гдѣ утверждается, что помѣщики *владѣютъ* самовольно-водворенными даже и тогда, когда о томъ никакого свѣдѣнія не имѣютъ, и сіе отсутствіе сознанія владѣніе ихъ дѣлаетъ добросовѣстнымъ! Полагаю, что здѣсь владѣніе безъ сознанія допущено по уваженію того, что давность владѣнія считается съ минуты завладѣнія и водворенія, а не съ минуты сознанія о томъ господина.

Наконецъ слѣдуетъ рѣшить вопросъ: владѣютъ ли крестьяне землею своихъ умершихъ или безвѣстно отсутствующихъ помѣщиковъ до ввода наслѣдниковъ во владѣніе? — Хотя по исторіи Законодательства и по Своду Законовъ (Св. Гражд. Зак. Кн. II.

ст. 314) и приписывается имъ *владѣніе*: однакожъ здѣсь должно понимать только одну физическую сторону владѣнія, что́ Римляне выражаютъ словами: *naturaliter tenent, naturaliter possident;*“ слѣдовательно къ нимъ не относятся всѣ вышеозначенныя выгоды владѣнія, ни защита владѣнія, ни давность. Никакая давность владѣніе крестьянъ помѣщичьею землею не можетъ обратить въ ихъ собственность: ибо для сего недостаетъ существенныхъ условій — намѣренія владѣть для себя и владѣть за свое. Но если бы чрезъ десять лѣтъ они считали себя свободными по формальному акту увольненія въ свободные хлѣбопашцы и были признаваемы въ семъ званіи присутственными мѣстами, то таковое владѣніе свободою имѣло бы послѣдствіемъ и владѣніе землею, т. е. въ теченіи десяти лѣтъ она сдѣлалась бы ихъ собственностію, не смотря на то, что основаніе увольнительнаго акта могло быть подложно. И такъ здѣсь оказываетъ свое дѣйствіе прежнее юридическое начало: „никто самъ себѣ основанія владѣнія перемѣнить не можетъ.“ Если такимъ образомъ крестьяне не владѣютъ помѣщичьею землею ненаслѣдованною, то кто жь ею владѣетъ? — Извѣстно, что ни казенный присмотръ, ни опекунское учрежденіе не владѣютъ ввѣренными имъ въ *распоряженіе* (detentio?) имуществами: они *не для себя* владѣютъ, и давность владѣнія для нихъ не существуетъ. Итакъ кому же держать крестьяне помѣщичью ненаслѣдованную землю? — По силѣ указовъ о ревизіи, межевыхъ узаконеній и указа 1827 Іюня 10 владѣетъ покойникъ: ибо ревизія *за нимъ* пишетъ крестьянъ, Межевые Конторы за нимъ межуютъ земли, и Правительство за нимъ числитъ села и деревни до поступленія ихъ къ наслѣдникамъ или до причисленія въ казенное владѣніе. Но какъ покойникъ не имѣетъ живаго сознанія и воли, слѣдовательно въ строгомъ смыслѣ не *владѣетъ*; то сей недостатокъ

дополняется управителемъ, старостой въ тѣхъ же предѣлахъ власти, въ какихъ управляли они при жизни помѣщика, находящагося въ безвѣстномъ отсутствіи. * Римской юриспрудентъ Гермогеніанъ по сему предмету даетъ слѣдующее заключеніе: „наслѣдство по многимъ отношеніямъ считается за господина, и подобно ему пріобрѣтаетъ чрезъ раба, принадлежащаго къ наслѣдству; но тамъ, гдѣ требуется дѣйствіе лица (т. е. человѣка, имѣющаго право гражданства), или актъ отъ его имени, рабъ ничего не пріобрѣтаетъ для наслѣдства: онъ не можетъ н. п. вступить во владѣніе завѣщаннымъ ему наслѣдствомъ безъ приказу наслѣдника 258)." Яснѣе, рабъ, или крѣпостный староста для наслѣдства пріобрѣтаетъ всё, что̀ по своей природѣ относится къ нему какъ предметъ приращенія къ главной вещи — *ex re, ex causa hereditatis*, слѣдовательно естественные и искуственные плоды, и даже самая работа раба или крѣпостнаго, припашка, привладѣніе изъ смежныхъ владѣній принадлежатъ къ наслѣдственной землѣ; но завладѣніе особенныхъ земель (ex alia causa), кои не могутъ относиться къ главной въ званіи принадлежностей, крѣпостными наслѣдства сдѣлано быть не можетъ; ибо для сего нужно особенное сознаніе, котораго наслѣдство (hereditas jacens) не имѣетъ. Еслибъ староста по довѣренности отъ господина для совершенія купчей на имѣніе, совершилъ ее по смерти господина, о которой онъ не былъ извѣщенъ, то купчая была бы дѣйствительна; если бы завѣдомо совершилъ на имя мертваго, то не дѣйствительна 259). Давность

---

* На основаніи указа 1802 Мая 19 ст. VII П. 3 мы можемъ уподобить покойника безвѣстно отсутствующему, какъ Римскіе юристы сумашедшаго считаютъ *loco absentis*. Ср. ук. 1820 Мая 21; ук. 1763 Авг. 25.

владѣнія для наслѣдника начинается не со времени вступленія его во владѣніе, а со времени завладѣнія его предшественникомъ или крѣпостными наслѣдства.

ГЛАВА ТРЕТІЯ

ПРЕКРАЩЕНІЕ ВЛАДѢНІЯ.

Владѣніе, по ученію Римскихъ юристовъ, продолжается до тѣхъ поръ, пока не будетъ потеряно; а теряется оно дѣйствіями противуположными тѣмъ, кои требовались для пріобрѣтенія. Владѣніе пріобрѣтается духомъ и тѣломъ, слѣдовательно и теряется отсутствіемъ духовнаго и тѣлеснаго дѣятеля.

Прекращеніе владѣнія отсутствіемъ духовнаго дѣятеля.

Для пріобрѣтенія владѣнія требовалась общая возможность сознанія и воли, и дѣйствительное употребленіе ихъ въ особенныхъ предметахъ и отношеніяхъ. Посему когда нѣтъ ни того, ни другаго, то владѣніе должно считать несуществующимъ. Потеря общей, или субъективной возможности происходитъ или отъ политическихъ, или отъ естественныхъ причинъ. Посему владѣніе прекращается для каторжныхъ и ссылочныхъ, также для ума-лишенныхъ, какъ нравственно мертвыхъ; равно и для свободныхъ людей, насильственно удерживаемыхъ въ крѣпостномъ состояніи, хотя бы они по прежнему физически распоряжали своимъ имуществомъ 260). Относительно сумасшедшихъ Римскіе юристы 261), какъ бы отступаясь отъ своихъ началъ, утверждаютъ противное. На основаніи положенія, что къ прекращенію владѣнія нужны обратныя условія пріобрѣтенія

„*in contrarium actum*“, они говорятъ, что сумасшествіемъ владѣніе не прекращается: ибо сумасшедшій не въ состояніи перемѣнить сознаніе владѣемой вещи. Они требуютъ не одного отсутствія воли, но и особеннаго, прямо противуположнаго дѣйствія, сознанія, что нѣтъ владѣнія. Юриспрудентъ Прокулъ говоритъ о семъ слѣдующее: „тотъ, кто владѣлъ отхожими пастьбищами, не можетъ потерять сіе владѣніе, подвергшись лишенію ума; ибо сумасшедшій не можетъ перестать владѣть по сознанію.“ Но мнѣ кажется, Римскіе юриспруденты разсуждаютъ о семъ предметѣ слишкомъ строго, такъ что симъ нарушается послѣдовательность ихъ же глубокихъ умствованій. Допустивъ сіе положеніе, они должны согласиться, что сумасшедшій не теряетъ владѣнія даже и тогда, когда оно насильственно будетъ у него отнято: ибо и въ семъ случаѣ владѣніе теряется съ минуты сознанія о семъ владѣльца,—а сумасшедшій сознавать насильственнаго отнятія не можетъ. Но этого они не принимаютъ, слѣдовательно и того положенія равно принимать не должны. Притомъ, если въ сумасшедшемъ не допускается желаніе отказаться отъ владѣнія, то нельзя въ немъ допустить (развѣ propter utilitatem publicam) и положительнаго желанія продолжать владѣніе, безъ чего оно существовать не можетъ, что̀ признано ими же Римскими юристами (fr. 44 § 6 D. 41. 3.). Мы допускаемъ, что сумасшедшій терять владѣніе не можетъ, но потому единственно, что онъ не владѣетъ.

Когда юристы говорятъ, что для продолженія владѣнія необходимо продолженіе сознанія и воли, то подъ симъ условіемъ не должно разумѣть, чтобъ сознаніе и воля о извѣстномъ предметѣ каждую минуту находились въ дѣйствіи. Это физически не возможно; и потому достаточно, если владѣлецъ по временамъ безпрепятственно можетъ возобновлять

дѣйствія духа и физической силы. Временное забвеніе предмета или нерѣшительное намѣреніе отчуждить его не прекращаютъ владѣнія. Но съ другой стороны достаточно одного рѣшительнаго отреченія для прекращенія владѣнія, хотя бы самый предметъ не выходилъ изъ предѣловъ физическаго вліянія владѣльца. Прекращеніе владѣнія движимыхъ по передачѣ совершается въ моментъ поступленія ихъ въ руки пріобрѣтателя; впрочемъ и не переходя изъ рукъ въ руки, они подвергаются перемѣнѣ владѣнія, если покупщикъ отдастъ ихъ продавцу въ закладъ, подъ сохраненіе, въ наемъ и т. п. Владѣніе рабами прекращается съ минуты ихъ побѣга, и безъ побѣгу, когда рабъ *перемѣнитъ себѣ имя, напишетъ воровски себѣ отпускную* и предъявитъ, или крѣпостный по суду хотя единожды воспользуется свободою 262). Прекращеніе владѣнія недвижимыхъ сознаніемъ и волею по добровольной передачѣ совершается вводомъ пріобрѣтателя во владѣніе. Долговременное неупотребленіе недвижимаго имѣнія не есть признакъ прекращенія владѣнія: хотябъ оно было брошено, до тѣхъ поръ предполагается въ прежнемъ владѣніи, покуда кто либо имъ не завладѣлъ. Но начало сего постановленія должно считать со времени указа 1763 года и Межевой Инструкціи, по которой земли, оставленныя безъ употребленія велѣно писать за прежними владѣльцами; а до изданія сихъ постановленій всѣ таковыя земли назывались *покидными* или *отсутствующими* (res derelictae), хотя бы владѣлецъ и не былъ безвѣстно отсутствующій. Это можно объяснить малою цѣнностію земель во времена древняго изобилія.

Прекращеніе владѣнія отсутствіемъ тѣлеснаго дѣятеля.

И здѣсь для продолженія владѣнія не должно требовать, чтобъ физическая возможность располагать вещію осуществлялась каждую минуту; довольно если она можетъ возобновляться по произволу владѣльца, или по мѣрѣ надобности, смотря по самой природѣ вещи, н. п. въ сѣнокосахъ, пастьбищахъ, рыбныхъ ловляхъ и т. п. Но тамъ, гдѣ сія физическая возможность дѣйствовать на вещь прекратилась, вмѣстѣ съ симъ прекратилось и владѣніе ею. По сему владѣніе *движимыхъ* прекращается: a) истребленіемъ, b) потребленіемъ вещи, или измѣненіемъ ея субстанціи по намѣренію и безъ намѣренія владѣльца, хотя бы въ тоже время на мѣсто ея появилась или образовалась другая равноцѣнная вещь, н. п. когда червонецъ превращается въ кольцо, или деньги въ товары, и товары въ деньги, c) покражей вещи, d) продажей или потерею вещи и наконецъ e) передачею 263). Пропажа опредѣляется по различнымъ свойствамъ вещи и нравамъ народа, н. п. лошадь, найденная въ полѣ, отнюдь не предполагается потерянною, напротивъ кошелекъ съ деньгами, найденный въ полѣ, предполагается потеряннымъ. Относительно рабовъ должно упомянуть, что рабъ, захваченный непріятелями въ плѣнъ, по возвращеніи въ отечество не подвергался власти господина („для полоннаго терпѣнья“), 264); но если онъ попался въ плѣнъ, находясь въ бѣгахъ, или самъ бѣжалъ за границу, то по освобожденіи и возвращеніи подвергался прежнему состоянію. То же правило принято и въ Сводѣ Законовъ. Владѣніе *недвижимыхъ* прекращается передачею, самовольнымъ завладѣніемъ посторонними, на-

сильственнымъ отнятіемъ или бѣгствомъ изъ владѣнія при угрожающей опасности разбойниковъ и непріятелей. Въ послѣднемъ случаѣ оно не прекращается, а только останавливается, ибо по удаленіи непріятелей владѣніе возстанавливается само собою, безъ особеннаго духовнаго и физическаго дѣйствія 265). То же должно сказать о земляхъ затопленныхъ разлитіемъ воды; но если затопленіе произошло по намѣренному дѣйствію сосѣда, то по сбытіи воды земля не возвращается сама собою въ прежнее владѣніе: ибо предполагается, что затопившій имѣлъ намѣреніе удержать за собою мнимое право дѣлать и впредь подобныя затопленія 266). Посему періодическое сбытіе воды не нарушаетъ непрерывности владѣнія для затопившаго. Перемѣна теченія малой рѣки не измѣняетъ состоянія владѣній; но перемѣна теченія *большой рѣки*, поелику она составляетъ *знатное живое урочище*, прекращаетъ владѣніе тѣми частями земли, кои перешли на чужой берегъ 267). Изъ постановленія, на сей предметъ изданнаго, усматривается, что это правило признано необходимымъ для удержанія неподвижности центровъ Россійскаго Генеральнаго межеванія.

РАЗДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ЧАСТЬ ОСОБЕННАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ВСЕОБЩЕ-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОНЯТІЕ.

Исторія владѣній составляетъ весьма важную сторону во всеобщей исторіи народовъ: ибо она разливаетъ свѣтъ на матеріальное основаніе государственной жизни, безъ коего не возможно никакое проявленіе нравственныхъ и юридическихъ идей въ народахъ и племенахъ. Всѣмъ извѣстно, что голосъ философа въ рѣшеніи судебъ государственныхъ никогда не имѣлъ такой силы, какъ голосъ фабриканта, земледѣльца и подѣнщика. Положительная сторона общественной жизни всегда и вездѣ зависѣла отъ матеріальнаго класса людей, а не отъ философовъ. Дѣло философа сознать и объяснить состояніе общества; осуществленіе же сего сознанія, или утвержденіе его послѣдствій предоставлено грубѣйшей части общественнаго организма. Поэтому всѣ великіе законодатели народовъ прежде всего обращали вниманіе на распредѣленіе и утвержденіе земляныхъ владѣній, и потомъ уже на общественное воспитаніе, сообразно идеѣ, господствующей въ системѣ земляныхъ владѣній. Одно другому непремѣнно должно соотвѣтствовать, если государство желаетъ пользоваться прочнымъ благосостояніемъ: ибо сіе благосостояніе зависитъ отъ гармоніи

матеріальныхъ и нравственныхъ стихій государства. Подробное изложеніе вліяній, какое имѣетъ система владѣній на исторію государства, считаю непринадлежащимъ къ моему предмету; и для того предоставляю себѣ указать только вкратцѣ на состояніе владѣній у разныхъ народовъ, въ различныхъ періодахъ ихъ существованія.

Въ Индіи, гдѣ государство пребываетъ внѣ всякаго историческаго движенія, всѣ земли изъ глубочайшей древности принадлежали въ собственность духовенству (Браминамъ) и военной кастѣ (царямъ и воинамъ, составлявшимъ царскую дружину, съ названіемъ *царскихъ дѣтей*). Всѣ прочія сословія не имѣли земельной собственности, и пользовались землями привилегированныхъ классовъ, отъ коихъ отдавались онѣ въ оброчное содержаніе. Но собственность привилегированныхъ классовъ не равна въ своемъ достоинствѣ. Военная собственность, по ученію священныхъ книгъ, была ниже собственности жреческой. Браминъ, какъ *первородное* созданіе, какъ *мозгъ* въ организмѣ государства, имѣлъ права на всѣ вещи, такъ что прочія, *невозрожденныя* лица наслаждаются благами сего міра единственно по великодушію Брамина. Неприкосновенность собственности Брамина признается съ большею строгостію, чѣмъ неприкосновенность собственности Царской. „Царь, хотя бы съ голоду умиралъ, не долженъ требовать подати съ Брамина, яко вѣдущаго священныя книги; но самъ не долженъ допускать, чтобъ ученый Браминъ умиралъ съ голоду въ его владѣніяхъ 268).“

Въ Египтѣ 269) мы находимъ тѣ же касты и тотъ же законъ о земляномъ владѣніи и собственности. Всѣ земли и угодья принадлежали въ собственность храмамъ и военной кастѣ, предводительствуемой Царемъ, и, также какъ въ Индіи, отдавались въ оброчное содержаніе низшимъ классамъ: торго-

вымъ людямъ, земледѣльцамъ, свинопасамъ, волопасамъ, судовщикамъ и проч. Оброки, съ нихъ сбираемые, состояли въ исправленіи барщины или въ денежныхъ взносахъ. Изъ Пятокнижія Моисеева видимъ, что Евреи за пользованіе пастбищами употреблялись на кирпичныя и каменныя работы, отъ чего Египетъ въ умахъ Евреевъ навсегда оставилъ непріятное впечатлѣніе. Они иначе не звали его какъ *домомъ работы*, а владычество его *игомъ*.

Еврейскій законъ о владѣніи и собственности представляетъ совершенную противуположность съ Индійскимъ и Египетскимъ. Какъ нравственныя понятія отвлеклись здѣсь отъ грубаго пантеизма и фетишизма, такъ и собственность Еврейской жреческой касты, по отвлеченіи отъ земскаго тѣлеснаго владѣнія, выразилась въ системѣ жреческаго акивладѣнія. Пророкъ и Законодатель Моисей не признаетъ даже права собственности въ колѣнахъ и родахъ Евреевъ, а послѣдующіе за нимъ пророки часто посмѣеваются Египетскимъ мудрецамъ, ихъ плодоноснымъ каналамъ и фабрикамъ и горделивымъ ихъ помысламъ, что хлѣбодарный Нилъ, порабощенный искуству народа, принадлежитъ ему въ собственность 270). По закону Моисея Еврейская земля объявлена собственностію Іеговы, и только право владѣнія даровано было Евреямъ. Ни одинъ Еврей не имѣлъ крѣпостнаго, или вотчиннаго права на землю: *и земля да не продастся во утвержденіе*, *Моя бо есть земля* 271);“ оброки же, возложенные на Евреевъ за владѣніе, должны были состоять въ дѣлахъ благотворенія ближнему 272). Для предупрежденія сосредоточенія владѣній въ рукахъ богачей, учрежденъ *Юбилей*, *годъ оставленія*, въ который земли, проданныя въ чужой родъ, безъ выкупа возвращались къ прежнимъ владѣльцамъ, получившимъ ихъ по первоначальному уравнительному размежеванію зе-

мель 273). Но Юбилей простирался только на сельскія земли и домы, городскіе же сады и домы продавались въ вѣчное и потомственное владѣніе. Сей знаменитый законъ Еврейскаго владѣнія подчиненъ былъ высшей политической цѣли. Моисей не хотѣлъ дѣлить народа Божія на касты, на возрожденныхъ и невозрожденныхъ. По его предначертанію каждый Еврей имѣлъ право изучать букву и разумъ Божественныхъ Писаній. По этому колѣно Левіино, заключавшее въ себѣ жрецовъ и прочихъ служителей храма, врачей и приказныхъ людей, хотя по назначенію своему и болѣе просвѣщенное, чѣмъ другія колѣна, но по закону Моисея отличено было не многими вещественными преимуществами. Моисей, какъ бы желая во всей чистотѣ отвлечь нравственное начало Государства, не далъ Левитамъ землянаго участка наравнѣ съ прочими Евреями, а судилъ ему пользоваться только начатками плодовъ, десятинами и частію отъ жертвъ: лопаткой, челюстьми и потрохомъ. „Да не будетъ жрецомъ и Левитамъ ни всему племени Левіину части, ниже жребія со Израилемъ: приношенія Господу жребій его, да ядятъ я. Жребій же да будетъ ему въ братіи его, Господь самъ жребій его, яко же рече ему 274)“. Земляный законъ Индіи и Египта остался неподвижнымъ; а законъ Моисеевъ, уступая всемірно-историческому движенію владѣній, съ появленіемъ монархіи среди Евреевъ, поколебался, и плѣненіемъ Вавилонскимъ навсегда разрушенъ.

Греческій законъ о владѣніи и собственности 275).

Спартанское Государство произошло отъ завоеванія, и потому земляное владѣніе имѣло здѣсь характеръ помѣстный, характеръ нераздѣльности съ

воинымъ маіоратомъ и миноратомъ, безъ крѣпостнаго, или вотчиннаго права на земли. Спартанское владѣніе похоже на Русское ландмилицкое, драгунское и пахатныхъ солдатъ владѣніе. Но эта первобытная система владѣнія не могла устоять противъ промышленныхъ идей вотчинной Аттики, и обольщеній Персидскаго золота: она разрушилась, и въ паденіи своемъ увлекла военную дисциплину, воспитаніе и образъ правленія суроваго Дорическаго племени. Представительницею Европейскаго историческаго движенія въ древности была любомудрая *Аттика*. Ея основный законъ былъ непрерывное движеніе въ области знанія, дѣйствованія и чувствованій. Государственная жизнь, не останавливаемая ничѣмъ, протекла различные періоды развитія, какъ вообще въ системѣ законодательства, такъ и въ особенности въ системѣ земляныхъ владѣній. Трехъ родовъ владѣніе одно за другимъ господствуетъ въ ней отъ начала государства до послѣдней минуты его существованія: a) священно-героическое, b) казенное и c) частное гражданское.

Владѣніе священно-героическое. Въ героическомъ періодѣ мы видимъ собственниками царей, евпатридовъ и храмы боговъ. Казенной и свободногражданской собственности тогда не было. Древняя Аттическая собственность образовалась отъ завоеваній. Греческія ополченія, предводительствуемыя князьями, во многомъ сходствовали съ Германскими дружинами, кои подъ начальствомъ наслѣдственныхъ князей (principes) или избранныхъ вождей (duces) грабили и опустошали Римскую Имперію — съ тою разницею, что Греческіе князья остались навсегда старшими товарищами, и благородные ихъ спутники — евпатриды удержали навсегда вотчинное право на земли, пріобрѣтенныя ихъ храбростію; тогда какъ Европейскіе графы и бароны навсегда остались милостниками,

кліентами своихъ государей, и землями владѣли въ слѣдствіе благодѣянія (beneficium, fé-ôd) государей. Князья и евпатриды племенъ сперва сами занимались сельскимъ хозяйствомъ, употребляя къ сему собственныхъ рабовъ; но потомъ, съ постепеннымъ возрастаніемъ ихъ могущества и богатства, они начали отдавать свои земли въ оброчное содержаніе гражданамъ, кои не имѣли собственныхъ участковъ. Классъ васалловъ — земледѣльцевъ (*γεωμοροι*) былъ лично свободенъ; но какъ часто бѣдные оброчные владѣльцы не въ состояніи были исполнять своихъ обязанностей, то вотчинники—евпатриды за недоимки заклёпывали ихъ въ кандалы и продавали за море въ рабство, по обычаю, общему всѣмъ первобытнымъ народамъ. Но какъ государственная исторія по понятію юриста не что иное есть, какъ исторія движеній одного класса въ другой, или исторія перехожденія земляныхъ владѣній изъ однѣхъ рукъ въ другія: то въ Аттикѣ, землѣ непрерывнаго движенія, земляное вотчинное владѣніе не могло вѣчно оставаться въ одномъ сословіи. Скоро изъ бѣднѣйшихъ земледѣльцевъ образовался классъ подёнщиковъ (*τετῆς*); изъ сихъ классъ ремесленниковъ (*ἐργάδες*); а отсюда произошелъ городъ и могущественное сословіе коммерсантовъ, банкировъ. Тезей нашелъ уже въ Аѳинахъ евпатридовъ, земледѣльцевъ и ремесленниковъ. При Драконѣ открылась борьба вотчинниковъ съ оброчными владѣльцами за недоимки. Отъ Солона бѣдные требовали уже уравнительнаго размежеванія земель между всѣми сословіями гражданъ. Солоновыми законами кончилась аристократія евпатридовъ, и быстро начала усиливаться аристократія богачей, безъ всякаго различія сословій. Напрасно законы покушались остановить неравенство собственности; коммерція разрушила всѣ преграды, и Аѳинское государство имѣло своихъ Лукулловъ, Крассовъ и Помпеевъ. Вотчинное владѣніе землями, рудниками и садами сдѣ-

лалось достояніемъ каждаго свободнаго гражданина. *Священная Греческая собственность и владѣніе* если не старѣе, то по крайней мѣрѣ современны героическому владѣнію. Храмы Додонскій и Дельфійскій славились богатствами съ незапамятныхъ временъ. О Ликургѣ говорятъ, что онъ всѣ богатства Спарты, состоявшія въ драгоцѣнныхъ вещахъ, пожертвовалъ Дельфійскому богу. Солонъ, вѣроятно, на основаніи существующихъ обычаевъ, множество штрафныхъ взысканій отказалъ также Дельфійскому богу. Коммерсанты дѣлали обѣты богатыхъ приношеній для счастія своихъ торговыхъ предпріятій. Храмъ Минервы въ Аѳинахъ, кромѣ постоянныхъ окладовъ, земель съ горными заводами, пастбищами и другими угодьями, отдаваемыми въ оброчное владѣніе, имѣлъ еще случайные доходы отъ вкладовъ, конфискацій и штрафовъ по разнымъ преступленіямъ. Но вѣроятно таковъ органическій законъ государствъ, что священные храмы, исполнивъ свое назначеніе, т. е. утвердивъ средоточіе общественной жизни и образованія, уступаютъ свои права и владѣнія новымъ дѣятелямъ общественной жизни. Открылась секуляризація священныхъ имуществъ, и Дельфійскія сокровища самовольно забраны и издержаны на сооруженіе флотовъ и сухопутныхъ войскъ. Греческія артистки украшались драгоцѣнностями, посвященными богамъ—покровителямъ Греціи. Въ то время, какъ философы разсвящали религію въ естественное боговѣденіе, Греческіе вожди и государи разоблачали боговъ отъ драгоцѣнныхъ украшеній, для нихъ, конечно, безполезныхъ. Діонисій, Сиракузскій тиранъ, забавляясь нащетъ боговъ, снималъ съ нихъ золотыя одежды и облекалъ въ шерстяныя, увѣряя, что эти будутъ гораздо полезнѣе богамъ. Аѳинскій полемархъ Ификратъ, занявъ островъ Корциру, на вопросъ, что̀ ему дѣлать съ богатствами храмовъ, отъ товарищей сво-

ихъ получилъ слѣдующій достопримѣчательный отвѣтъ: „не столько надобно заботиться о собственности боговъ, сколько объ жалованьѣ солдатамъ.“ По словамъ Діодора Сицилійскаго, священная Фокейская война изъ казны Дельфійскаго храма пустила въ оборотъ до 60,000,000 нашихъ рублей. Въ Аѳинахъ конечно не грабили храма Минервы; но пышныя гекатомбы пожирало уже не жертвенное пламя, а праздполюбивые Аѳинскіе граждане. Казенная Аѳинская собственность появилась вмѣстѣ съ государствомъ, слѣдовательно долго спустя послѣ появленія собственности князей и евпатридовъ. Подати, штрафы, конфискаціи, таможенные сборы увеличили ее до высокой степени, и подъ конецъ республики, когда публичная жизнь Аѳинъ подавила жизнь частную, казна грозила поглотить всѣ богатства гражданъ, поколебать собственность и содержать всѣхъ гражданъ на жалованьѣ. Когда надлежало сдѣлать новый налогъ, открыть новый источникъ доходовъ: то республиканскому правительству стоило только конфисковать имѣніе какого нибудь Аѳинскаго богача, безъ различенія, правъ онъ или виноватъ, — (остракизмъ на денежное превосходительство соотвѣтствовалъ личному остракизму), и въ то же время бѣднякамъ раздавали отъ казны по два обола для входа въ театръ: ибо у державнаго народа наслажденіе изящнымъ составляло какъ бы государственную повинность. Для удовлетворенія безчисленныхъ расходовъ казна владѣла публичными полями, огромными гостинницами, горными заводами въ Лавріумѣ и во Ѳракіи и безчисленными податями и сборами.

Римская собственность и владѣніе.

Система Римскаго владѣнія до сихъ поръ не довольно раскрыта юристами. Въ недавнее время, особенно со

времени появленія глубокомысленной Р. Исторіи Нибура, лучше стали различать виды Римскихъ владѣній по ихъ настоящимъ свойствамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что историческая часть Римскаго владѣнія, еслибъ достаточно была объяснена, могла бы служить полезнѣйшимъ указателемъ всеобщихъ законовъ, коимъ подвергается владѣніе въ историческомъ его движеніи. И здѣсь обнаруживается тотъ же законъ постепенности: земляное Р. владѣніе первоначально было жреческое и патриціанское 276); но потомъ уже съ постепеннымъ раскрытіемъ плебейскаго сословія, постоянно склонялось на сторону свободнаго частнаго владѣнія, о чемъ и происходили вѣковые споры у плебейцевъ съ патриціями до временъ уничтоженія различія между сими двумя сословіями. Что касается до жреческаго, или храмоваго владѣнія, то и оно, хотя не испытало законной секуляризаціи, но во время междоусобій Республики и при императорахъ подверглось многимъ разграбленіямъ и хищеніямъ. Объяснимъ сіи положенія событіями Римской исторіи. Римъ первоначально былъ патриціанскою землею, гдѣ не было другаго владѣнія кромѣ патриціанскаго 277); точно также какъ въ средніе вѣки Европы не только земли, но и города принадлежали въ собственность сеньорамъ. Еще Ромулу приписываютъ раздѣленіе *Римскаго поля* на тридцать равныхъ частей по числу курій, т. е. по числу патриціанскихъ колѣнъ (gentes) 278). Патриціи обыкновенно отдавали свои земли кліентамъ для обработыванія, и этотъ родъ владѣнія далъ бытіе въ послѣдствіи такъ называемому милостному, или жалованному владѣнію (precarium. См. Dionys. Halicarnas. 1. c.) Потомъ, когда между патриціями показалась многочисленная плебсъ и городъ: то въ Римскомъ полѣ приняли участіе и члены сего новаго сословія. Сервію Туллію приписываютъ отмежеваніе по 7 десятинамъ на плебейца въ собственность изъ публичнаго поля 279). Отсюда началось общирное развитіе зе-

мельныхъ владѣній. Римляне, побѣдивъ непріязненный народъ, отнимали у него часть земли для увеличенія публичнаго поля 280), которое по мѣрѣ завоеваній безпрерывно расширялось. Правительство отдавало участки его въ пользованіе гражданамъ съ условіемъ платить десятину отъ доходовъ 281). Но какъ польза казны требовала, чтобы сія отдача производима была большими участками для легчайшаго сбора десятины и для ясности и большей простоты цензорскаго кадастра 282): то естественно, что съ самаго начала сіи земли должны были перейти въ руки богачей, коими были тогда преимущественно патриціи. Привилегированный же классъ патриціевъ, какъ сословіе правительственное, забравъ въ свое владѣніе участки публичнаго поля, насильствами и обманомъ легко могъ достигнуть льготы и отъ взноса десятины. Сіе-то обстоятельство и подало поводъ отважному трибуну Лицинію Столо 283) напасть на любостяжаніе патриціевъ и ограничить количество владѣнія публичнымъ полемъ пятью стами десятинъ (jugera). Но сей знаменитый законъ, какъ видно изъ исторіи, почти никогда не исполнялся, и потому, когда число безземельныхъ съ возрастаніемъ могущества Республики и богачей весьма увеличилось, трибуны Тиверій и Кай Гракхи завели кровопролитную тяжбу съ Сенатомъ о раздѣлѣ публичнаго поля бѣднымъ гражданамъ, и о подтвержденіи прежняго ограниченія, т. е. чтобы никто не владѣлъ болѣе пяти сотъ десятинъ. Жестокія гражданскія войны, истребивъ древніе плебейскіе роды и республиканскій духъ Рима, погасили неконченную тяжбу о раздѣлѣ Римскаго поля, и даже самое имя его изчезло изъ законодательства во второмъ столѣтіи по Р. Христовѣ 284). Земляное владѣніе тогда только можно почесть прочнѣйшимъ достояніемъ, когда есть законы и правосудіе; но какъ во время упадка нравовъ и зако-

новъ въ позднѣйшія времена въ Римѣ не было ничего священнаго: то Римскія поля, давно уже воздѣлываемыя рабами, постепенно запустѣли, и, какъ началось Римское хозяйство при Ромулѣ, такъ и кончилось при императорахъ — пастьбищами (pascua).

Такимъ находимъ его въ правленіе императоровъ Аркадія и Гонорія. Въ то время, какъ исчезло изъ исторіи законодательства древнее владѣніе публичнымъ полемъ, на сцену появилась система эмфитестическаго, или податнаго владѣнія (ager vectigalis), по коему земля, принадлежащая казнѣ, городамъ, жреческимъ обществамъ и другимъ нравственнымъ лицамъ, отдавалась въ потомственное содержаніе, подъ условіемъ исправнаго платежа податей, или въ долговременные сроки, на пятьдесятъ и на сто лѣтъ 285). Обширно также была развита между частными людьми система временнаго оброчнаго владѣнія, которое въ противуположность податному называлось ager non vectigalis.

Система Римскаго межеванія, заимствованная изъ Етруріи, по всей вѣроятности заключала въ себѣ обширныя и назидательныя правила; но до сего времени она остается мало раскрытою. Одно правило изъ нея въ особенности заслуживаетъ наше вниманіе. Римляне не допускали единственныхъ, или особенныхъ владѣній публичнымъ полемъ 286). У нихъ до конца государства господствовала система владѣнія многихъ въ одной окружной межѣ, по отдѣльными участками (possessio communis pro diviso). Окружное владѣніе (templum) межевалось въ урочища (ager arcifinius), а участки въ оном въ математическую мѣру (ager limitatus). Отъ сего имена многихъ дачь, по свидѣтельству Нибура, изъ глубокой древности остались тѣже до настоящаго времени. Участники мѣнялись по купчимъ, даровенным и по наслѣдованію, а имя и пространство окружной дачи оставались неизмѣнными. Частная дача

составляла не цѣлое, а дробь единицы — *унцію* общаго владѣнія. Причина сего учрежденія заключалась въ томъ, что при раздѣлѣ публичнаго поля владѣніе отводили не каждому по одиначкѣ, что̀ было бы крайне затруднительно для правительства, а по центуріямъ гражданъ. Сей способъ раздѣла во многомъ уменьшалъ труды цензора при новой переоброчкѣ (lustrum) поля, при сборѣ десятины, и вообще весьма удобенъ былъ для цензорскаго кадастра. Количество владѣній навсегда оставалось неизмѣннымъ; только число участковъ въ общемъ владѣніи по временамъ измѣнялось 287).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Владѣніе и собственность у новыхъ Европейскихъ народовъ.

Аллодіальное и Феодальное владѣніе.

Земляное владѣніе новыхъ Европейскихъ народовъ основано на двухъ противуположныхъ началахъ. Первое и древнѣйшее начало владѣнія есть *семейственное*, или родовое (Stammgut, Salland, terra salica), — въ прямомъ смыслѣ отчинное (terra aviatica, terra paterna), которое основывалось на правѣ собственности рода. Земля была собственностію только относительно постороннихъ родовъ, а внутри состояла въ нераздѣльномъ владѣніи всѣхъ и каждаго. Сему способствовало изобиліе въ земляхъ и угодьяхъ и неосѣдлый образъ жизни первобытнаго народа. Потомъ, когда земледѣліе утвердило осѣдлость рода и племени, а народонаселеніе уменьшило количество выгодныхъ поселеній при рѣкахъ: то съ сего времени началось внутреннее размежеваніе, и земляное владѣніе дѣлалось отъ

часу болѣе исключительнымъ. Существенный характеръ вотчиннаго владѣнія состоялъ въ томъ, что владѣлецъ по землѣ ни отъ кого не зависѣлъ, и правила наслѣдованія и всякаго рода отчужденія проистекали изъ семейственныхъ обычаевъ. Однакожъ, поелику имѣніе принадлежало не лицу, а роду, то воспрещалось отчуждать его безъ согласія рода, иначе оно подлежало выкупу однородцевъ; и поелику бездѣтныя жены и дочери не принадлежатъ роду: то имъ отказано въ правѣ наслѣдовать наравнѣ съ родственниками мужеской линіи. Въ первомъ періодѣ Европейскихъ государствъ сіе вотчинное начало владѣнія было господствующимъ; но, съ того времени, какъ феодализмъ проникъ во всѣ общественныя отношенія, во многихъ государствахъ оно уступило феодальному началу, а въ нѣкоторыхъ и совсѣмъ уничтожилось (288).

Феодальное владѣніе, т. е. жалованное отъ государя подданному, обязано своимъ происхожденіемъ первобытной системѣ военнаго устройства. Оно началось съ наградъ, раздаваемыхъ отъ вождей дружинѣ, или ихъ военнымъ товарищамъ, и состояло сперва въ вещахъ движимыхъ; но потомъ, когда военныя племена приняли твердую осѣдлость на завоеванныхъ земляхъ, феодальное владѣніе сдѣлалось земляннымъ: — въ раздачу воинамъ и слугамъ поступали земли и угодья, таможенные и судные сборы, мостовщина, должности съ ихъ доходами, и не было предмета владѣнія, который бы не сдѣлался феодальнымъ. Цѣлыя области, раздаваемыя для управленія, феодализмомъ обращены были въ частное владѣніе. Отсутствіе государственнаго порядка, своевольство бароновъ, шайки разбойниковъ принудили свободныхъ людей по одиначкѣ и цѣлыми городами искать спасенія подъ защитой сильныхъ владѣльцевъ, и даже при Карлѣ Великомъ изданъ былъ указъ, чтобъ всѣ безсильные искали себѣ спасе-

нія у сильныхъ покровителей. Тогда погибла первобытная свобода Германца, и древнее положеніе, что всякій Германецъ имѣетъ свой *дымъ и огонь*, не имѣло уже никакого значенія,—и дымъ и огонь поселянина не принадлежали ему въ собственность. Одни государи были свободны (semperfrey); дворянство (Ritterschaft) было или полусвободно (mittelfrey) или состояло въ крѣпостномъ услуженіи (milites servientes, ministeriales); всѣ же прочіе были или рабами, или крѣпостными, послушными, подзащитными, задворными, захребетными. Самые города были болѣе или менѣе крѣпостными владѣніями; церкви и монастыри состояли подъ покровительствомъ сеньоровъ. Въ такомъ положеніи вещей вотчинное право, т. е. право собственности принадлежало только верховному государю, а прочимъ чинамъ: земскимъ государямъ и рыцарству, оставалось одно владѣніе, безъ права собственности; крестьяне подзащитные, но не крѣпостные, были также владѣльцами, а не вотчинниками; крѣпостные же, жившіе на земляхъ сеньоровъ, не только не были вотчинниками, но не считались даже владѣльцами: ибо они держали земли не для себя, а для господъ своихъ. Въ Германіи, за исключеніемъ весьма немногихъ имѣній, уцѣлѣвшихъ на вотчинномъ правѣ, по безпечности ли земскихъ государей, или по тому, что сіи имѣнія удалены были отъ сцены, гдѣ свирѣпствовало феодальное начало, собственность принадлежала Императору или Имперіи. Въ Англіи по системѣ Норманскаго раздѣла земель одинъ король считается вотчинникомъ; поддашные же безъ различія сословій, титуловъ и чиновъ признаны владѣльцами безъ права собственности. Самая высшая земельная собственность у Англичанъ есть не болѣе какъ владѣніе на феодальномъ положеніи.

Феодальное владѣніе, противуположное вотчинному, или аллодіальному по происхожденію, противу-

положно и по своимъ послѣдствіямъ. Феодальное соединялось съ обязанностію служить государю вѣрой и правдой, личностію и имѣніемъ; а вотчинное сему не подвергалось. Вотчинное владѣніе принадлежало не лицу, а роду, слѣд. подчинялось закону наслѣдованія; напротивъ феодальное, какъ жалованное лицу, а не роду, не подчинялось наслѣдственности, и таковымъ пребыло до десятаго вѣка. Но съ сего времени и жалованныя владѣнія подверглись наслѣдственности, и такимъ образомъ утратили свой первоначальный характеръ 289).

Для примиренія сихъ противуположныхъ началъ владѣнія во второй половинѣ среднихъ вѣковъ является третій видъ владѣнія: владѣніе городское. Дворы, лавки, и другія городскія зданія не подчинялись вотчинной системѣ, и положили основаніе свободному Европейскому владѣнію, въ коемъ отрицается какъ вотчинное такъ и служебное начало владѣнія. Дворянская собственность предполагается недвижимой, наслѣдованной; городская напротивъ движимой (товаръ) и благопріобрѣтенной. Первая пріобрѣтается рожденіемъ, а вторая личными трудами, и не подлежитъ выкупу родственниковъ, по крайней мѣрѣ такъ постановлено было Сѣверо-Германскими и Русскими законами 290). Городская движимая собственность въ своемъ движеніи первоначально ограничивается торговыми оборотами; но потомъ, когда вольное пріобрѣтеніе получитъ перевѣсъ, городское владѣніе свободно превращается въ земляное сельское владѣніе.

Церковное владѣніе.

У Римлянъ позволенныя общества имѣли право пріобрѣтать недвижимую собственность, и располагать ею наравнѣ съ физическими лицами. Христіанская Церковь, гонимая въ языческія времена Им-

періи, не могла имѣть другой собственности, кромѣ незначительныхъ приношеній для поддержанія Богослуженія и раздаянія милостыни. По мѣрѣ того какъ національный духъ Рима угасалъ, и идея всемірнаго законодательства уяснялась, всеобщая терпимость отъ часу болѣе внѣдрялась въ Имперіи, такъ что Христіанская церковь наравнѣ съ прочими нравственными лицами воспользовалась благодѣяніями всеобщей терпимости. Еще во времена язычества она начала имѣть недвижимую собственность, не по дарованному праву, а по безмолвному согласію, или терпимости Римскихъ императоровъ. Законное признаніе церковной собственности начинается со временъ Константина В.— Еще до принятія крещенія, онъ не только позволилъ церквамъ имѣть земли, но и утвердилъ сіе право эдиктомъ 313 года въ Миланѣ. Въ 321 году онъ разрѣшилъ дѣлать отказы въ пользу церкви, и личною императорскою щедростію подавалъ примѣръ подданнымъ обогащать Христіанскія церкви. Не только бездѣтные, но даже отцы семействъ дѣлали значительные отказы въ пользу церквей; но какъ сіе клонилось къ ущербу законныхъ наслѣдниковъ: то императоръ Валентиніанъ III въ 370 году издалъ указъ, чтобъ церкви не принимали отказовъ, сдѣланныхъ женщинами 291).

Германскіе народы по своей набожности еще болѣе явили щедротъ Христіанской церкви. Духовенство старалось убѣдить мірянъ, что милостыня есть важнѣйшая Христіанская добродѣтель. Почему вскорѣ каѳедральныя церкви, особливо Римская, начали имѣть обширнѣйшую собственность. Франкскіе государи, особливо Карлъ В., даровали Римской каѳедрѣ цѣлыя области на правахъ *владѣнія* (dominium utile) 292). Богатства церквей и монастырей потекли изъ безчисленныхъ источниковъ: постригшіеся нерѣдко отдавали все свое имѣніе въ монастырскую казну; бо-

гатые наслѣдники обязывались давать часть по душѣ покойника; отказы церквамъ сдѣлались долгомъ умирающаго христіанина; небреженіе о семъ считалось наравнѣ съ утайкой церковнаго долга 293). Поелику духовныя лица присутствовали при смертномъ одрѣ христіанина, управляли его совѣстію и волею, участвовали въ составленіи завѣщаній, то за отсутствіемъ воли умирающаго нерѣдко дополняли ее собственными распоряженіями, дозволяя себѣ даже подлоги на пользу Христіанской церкви 294). Другой источникъ церковныхъ богатствъ были *десятины*, основанныя на Моисеевомъ законѣ. Впрочемъ положенія Соборовъ по сему предмету весьма не точно были исполняемы: свѣтскія власти постоянно сему противились, и даже Папа Григорій VII. отчаялся поддержать ихъ во всей силѣ. Десятина дѣлилась на три части: одна назначалась для Епископа, другая для бѣдныхъ, третья на содержаніе церквей и причтовъ. Исчисленные источники пріобрѣтенія образовали обширное церковное владѣніе; но кромѣ сего духовенство владѣло недвижимыми имѣніями на правѣ феодальномъ. Нерѣдко аббаты вмѣстѣ съ баронами садились на коней и отправляли военную службу государямъ по обязанности васалловъ.

Церковныя имущества по праву Каноническому объявлены неподвижными, неотчуждаемыми, слѣд. могли постепенно увеличиваться, никогда не уменьшаясь; но это-то самое и послужило поводомъ къ ихъ ограниченію. Благородные владѣльцы умирали, подвергались фелоніи, или опаламъ, конфискаціи на государя; а церкви и монастыри, какъ лица мертвыя и безгрѣшныя, отнимали у государей всякую надежду на выморочное и опальное; притомъ многія изъ нихъ пользовались льготами отъ выполненія земскихъ повинностей. Почему рано почувствована была потребность ограничить духовенство въ стяжаніи благъ земныхъ,

и императоръ Фридрихъ Барбарусса первый подалъ къ сему примѣръ (1158 года), запретивъ отдавать церквамъ имущества съ вотчиннымъ и феодальнымъ правомъ безъ особеннаго дозволенія Государя. Но сіе постановленіе, какъ и многія за нимъ послѣдовавшія, были только предвѣстниками всеобщей секуляризаціи. Реформація Лютера, испровергнувъ каѳедры и монастыри, передала церковныя имущества въ казну государей, въ вѣдомство университетовъ и въ приказы общественнаго призрѣнія. Во Франціи революція признала ихъ достояніемъ націи.

Казенная Европейская собственность и владѣніе.

Государственная казна сперва была казною государевою, точно также какъ государственныя учрежденія были сперва приказами двора государева: ибо въ феодальныя времена не было государствъ, а были только государи; не было подданныхъ и государственныхъ войскъ, а были только дворяне, слуги и рабы. Но прошли средніе вѣка, — и государства получили бытіе особенное отъ лица государей. Эпохой, въ которую государство отдѣлилось отъ двора, или земщина отъ опричнины, было введеніе земскихъ совѣтовъ, и безсмѣнныхъ войскъ, — когда рыцари (Ritter) замѣнены рейтарами, личная служба дворянъ наемными воинами (Soldaten) и даточными, кавалерія инфантеріею. Съ тѣхъ поръ и государственная казна отдѣлилась отъ государевой, и быстрый ходъ ея развитія увлекаетъ за собой феодальные замки и села, монастырскія отчины и угодья, и всё, что встрѣчаетъ на пути своемъ, съ стремленіемъ уноситъ за собой. Безсмертная личность казны увеличиваетъ свои владѣнія, никогда не теряя, и только періодъ полнаго откровенія идеи

права въ образѣ государства, когда всеобщее приходитъ въ гармонію съ частнымъ, полагаетъ предѣлъ безмѣрному разширенію казенныхъ владѣній!...

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

РОССІЙСКОЕ ВЛАДѢНІЕ.

А) *Отчинное.*

Древнѣйшее и выгоднѣйшее владѣніе въ Росеіи есть владѣніе *отчинное*. Изъ Несторовой Лѣтописи видно, что Рюрикъ нашелъ его на всемъ пространствѣ Русской земли. Внесенная имъ феодальная система владѣнія не могла укорениться въ Россіи, и уступила навсегда природному закону вотчинничества. Главный видъ вотчиннаго владѣнія было владѣніе политическое, которое въ первобытныя времена обществъ обыкновенно сливается съ владѣніемъ частнымъ гражданскимъ. Государство считалось частною собственностію, которую можно было дѣлить, продавать, дарить и всячески отчуждать и пріобрѣтать. Всѣ Государственныя учрежденія и распоряженія были не что иное, какъ послѣдствія вотчиннаго права, и потому вотчинное владѣніе издревле содержало въ себѣ судъ и расправу надъ жителями области, т. е. нѣкоторую степень власти законодательной, судебной и исполнительной, почему и образовалось тогда коренное положеніе юриспруденціи: „*а судомъ и данью потянуть по землѣ и по водѣ.*“ Политическое вотчинное владѣніе было ни отъ кого независимо. Удѣльный князь вступалъ во владѣніе безъ утвержденія (investitura) Великаго Князя, не отдавалъ ему отчетовъ въ управленіи, и служба его относилась не къ лицу В. Князя, а была доброволь-

ною жертвою за вѣру и отечество—за святую Русскую землю. Все, что̀ находилось въ предѣлахъ земли удѣльнаго князя, подлежало его суду и расправѣ, и составляло его собственность, исключая церквей и монастырей, о чемъ въ первый разъ предложенъ былъ вопросъ въ концѣ XV вѣка 295), и рѣшенъ на основаніи обычаевъ земли, сходственно съ положеніемъ Священной Римской Имперіи, т. е. что В. Князь есть покровитель православной Церкви на всемъ пространствѣ Русской земли, и что церковныя имущества въ удѣлахъ составляютъ не земскую удѣльную, а какъ бы имперскую собственность Россіи. Но обширное вотчинное право въ удѣлахъ, какъ видно изъ договорныхъ грамотъ XIV и послѣдующихъ столѣтій, постепенно начало стѣсняться преобладающею властію В. Князей, кои въ сношеніяхъ съ удѣльными древнее пустое званіе *отцевъ* измѣнили на болѣе существенное — *старшихъ братьевъ*, и сперва по обычаю и по договорамъ, а потомъ по званію Государей всей земли Русской наряжали ополченія князей 296). Договорныя граматы свидѣтельствуютъ, что въ XIV вѣкѣ между В. Княземъ и удѣльными начались отношенія, сходныя съ правами Германской Имперіи. Русскія граматы содержали въ себѣ условія, сходныя съ *инвеститурными* условіями императоровъ и отвѣтными на оныя такъ называемыми *реверсальными грамотами* васалловъ Имперіи, земскихъ государей. Сіи обязанности удѣльныхъ были: *всѣсти на коня*, когда самъ В. Князь *всядетъ*, врагами и друзьями считать враговъ и друзей В. Князя, *во всемъ ему добра хотѣти* (fidelitas!) 297). Но всѣ сіи обязанности не подвергали удѣльныхъ государей суду Великокняжескаго двора, а имущества ихъ конфискаціи въ случаѣ нарушенія договорныхъ условій. Наконецъ Московскіе Государи, почувствовавъ въ рукахъ своихъ силу самодержавія, начали требовать безуслов-

ной покорности отъ князей и городовъ. Съ Іоанна III они рѣшительно перестали цѣловать крестъ въ утвержденіе своихъ обязанностей, и на Москвѣ созрѣла аксіома, что „*Московскій Государь никогда не присягаетъ*“ 298): Князья сдѣлались подданными, а обширныя вотчинныя права ихъ понизились до уравненія съ дворянскими вотчинными правами. Симъ кончилось политическое вотчинное владѣніе!

Въ предѣлахъ владычества Князей издревле образовалось вотчинное земляное владѣніе бояръ и слугъ, сдѣлавшееся извѣстнымъ съ XII вѣка 299). Князья раздавали земли въ вотчины Боярамъ и Слугамъ, принадлежавшимъ къ ихъ дружинѣ, или двору. Бояре по землѣ были собственностію князей, и подлежали раздѣламъ и отчужденіямъ вмѣстѣ съ нею; но лично были свободны. Они изстари вольны были переходить въ службу отъ одного Князя къ другому, не лишаясь своихъ отчинъ, по общепринятому въ тѣ времена правилу: „*а боярамъ и слугамъ вольнымъ воля*“ 300). Но сія первобытная вольность Дворянства начала ограничиваться договорами князей, по содержанію коихъ вольный переходъ на службѣ подвергся запрещенію, исключая городской осады, во время коей государь земли имѣлъ право задержать въ гарнизонѣ всѣхъ безъ изъятія, исключая *Бояръ сведеныхъ и путныхъ* 301), т. е. верстанныхъ помѣстьями въ другихъ княженіяхъ. Наконецъ бояре и слуги съ паденіемъ своихъ государей иммедіатизированы къ Москвѣ и безусловно подчинились Самодержавнымъ Московскимъ Государямъ. Ихъ вотчины подверглись общему Московскому законодательству, опредѣляющему вотчинное владѣніе слѣдующими правами: *продать*, *заложить*, *въ приданое и по душѣ отдать* каждому вольно 302). Симъ выражается полная независимость вотчиннаго владѣнія,—владѣнія, основаннаго на правѣ собственности.

Что касается до субъектовъ сего владѣнія, то Русское законодательство представляетъ рѣдкій примѣръ терпимости къ правамъ всѣхъ свободныхъ классовъ. Каждый свободный имѣлъ право владѣть вотчинными заселенными и незаселенными землями, какъ видно изъ граматъ перваго и втораго періода Законодательства и изъ самаго Уложенія 303). Отъ Уложенія до Екатерины II и далѣе видимъ постепенное уничтоженіе сего права 304), доколѣ наконецъ Императоръ Александръ всѣмъ свободнымъ состояніямъ вновь дозволилъ пріобрѣтать во владѣніе незаселенныя земли на правѣ вотчинномъ 305). Владѣніе же крѣпостными осталось навсегда исключительнымъ правомъ благороднаго Россійскаго Дворянства.

В) *Домовое владѣніе духовенства.*

Для отличія отъ вотчиннаго владѣнія физическихъ лицъ духовныя владѣнія во второмъ и третьемъ періодѣ Законодательства часто называются *Домовыми вотчинами и угодьями* 306). Россійскіе іерархи, церкви и монастыри въ прежнія времена были богатѣйшими владѣльцами. Нельзя доказать существованія церковныхъ владѣній во времена язычества Руссовъ (хотя еще въ X в. упоминается въ Кіевѣ урочище *Турова божница*); но со введенія Христіанства имѣемъ памятники, свидѣтельствующіе глубокую древность духовныхъ владѣній. Еслибъ Церковные уставы Св. Владиміра и Ярослава и не существовали въ видѣ письменныхъ документовъ, то и тогда существованіе десятины и другихъ вотчинныхъ правъ духовенства не подлежало бы ни малѣйшему сомнѣнію 307). Подтвержденіе сихъ уставовъ начинается съ первой половины XII вѣка и продолжает-

ся непрерывно до XVI вѣка въ Новгородѣ, Кіевѣ, въ Бѣлоруссіи и въ Москвѣ. Сверхъ сего лѣтописи упоминаютъ о церковной десятинѣ во времена В. К. Мстислава Владиміровича 308) и Андрея Георгіевича Боголюбскаго, коего грамата Печерскому монастырю, по свидѣтельству позднѣйшей граматы (1668 Апр. 18., см. Поли. Собр. Закон. Росс. Имперіи), была внесена въ протоколъ Константинопольскаго Патріаршаго престола („ради крѣпости вписана въ книги Константинопольскія великія церкви"). Домовыя вотчины образовались изъ пожалованія Государей, отъ вкладовъ частныхъ людей, и покупкою земель на домовыя деньги. — Къ вотчиннымъ правамъ духовенства должно отнести также десятины съ сельскихъ произведеній и городской промышленности, таможенные сборы на монастырскихъ торгахъ, свѣчные и кадильные („на ладанъ") сборы, руги, вѣнечные доходы, рыбныя ловли и безчисленныя мелкія подаянія на церкви и монастыри 309). При восшествіи Никона на Патріаршій престолъ Домовая казна угрожала соперничествомъ казнѣ Государевой, и игемонія Патріаршихъ монастырей феодальною зависимостію второстепеннымъ монастырямъ, изъ коихъ многіе сдѣлались отчинами Патріаршей казны. Но сіи замыслы не имѣли успѣха: и владычество Никона и игемонія Патріаршихъ монастырей разрушены Вселенскимъ соборомъ на Москвѣ 310). Церкви, монастыри и архіерейскіе домы не только владѣли землями на правѣ вотчинномъ, но имѣли участіе и при раздачѣ помѣстьевъ; а Россійскіе іерархи не только сами владѣли отчинами, но и раздавали ихъ въ помѣстья своимъ боярамъ, дворянамъ и боярскимъ дѣтямъ, составлявшимъ Домовый штатъ, на общихъ правилахъ дворской и гражданской службы 311).

Домовыя земли состояли въ вотчинномъ владѣніи, и на основаніи церковныхъ правилъ признаны

имуществами неподвижными 312), неотчуждаемыми, неподлежащими опаламъ, или конфискаціямъ, ибо, по словамъ настоятеля Волоколамскаго Іосифова монастыря (1548 года), только „*монахи согрѣшаютъ, а монастыри и церкви никогда не согрѣшаютъ*“ 313). Домовыя вотчинныя права сходствовали съ земскими княжескими, и были слѣдующія: судъ и расправа на церковныхъ земляхъ по всѣмъ дѣламъ, исключая „*убійства, татьбы и разбоя*“, — права налагать повинности и подати на жителей земли, право учреждать таможенные сборы, и древнее право (?) ѣздить по селамъ и деревнямъ *на братчины* (на пиры) *незвано* 314). Сверхъ сего домовыя вотчины по содержанію жалованныхъ граматъ избавляемы были отъ многихъ земскихъ повинностей, исправляемыхъ сельскими жителями на Государя и его приказныхъ людей.

Хотя обладаніе отчинами для Духовенства обезпечено было страшными заклинаніями Государей и вкладчиковъ, и собственность его признана столь же неподвижною, сколь неподвижно основаніе земли: „*дондеже и міръ вселенней стоитъ*“ 315); однакожъ сія неподвижность во многомъ зависѣла отъ самобытности Государства, отъ храбрыхъ и благоустроенныхъ воіискъ и отъ твердаго правосудія. Почему Іоаннъ III, полагая твердое основаніе Государственныхъ войскъ, востребовалъ на сіе необходимой жертвы отъ Духовенства. Въ 1500 году, раздавши Новогородскія церковныя земли Боярскимъ Дѣтямъ, Великій Князь предложилъ, что духовенству, и въ особенности иноkамъ, непристойно владѣть многими селами и деревнями; но глава Духовенства, Митрополитъ Симонъ отвѣтствовалъ сильною рѣчью въ защиту неприкосновенности церковныхъ стяжаній, — и грозный завоеватель Новагорода смирился предъ пастыремъ. Между тѣмъ мысль секуляризаціи ни на минуту не останавливалась. Князь Ѳеодоръ Борисовичъ,

сынъ Князя Бориса Васильевича и внукъ В. Князя Василія Васильевича, въ простотѣ тогдашнихъ временъ выразилъ своимъ поведеніемъ господствовавшій образъ мыслей: *онъ во все* (распоряженіе монастырскими имуществами) *началъ вступатися и денегъ просити*, а въ случаѣ отказа со стороны настоятелей *грозилъ кнутьемъ бити*. Его дипломатическіе чиновники еще простѣе объяснялись съ иноками о семъ дѣлѣ: „*воленъ де Государь въ своихъ монастыряхъ: хочетъ жалуетъ, хочетъ грабитъ*“ 316). Хотя Стоглавомъ (гл. 75) и признана неотчуждаемость церковныхъ имѣній; но Іоаннъ Грозный никогда не оставлялъ намѣренія отобрать церковныя имущества, или по крайней мѣрѣ ограничить излишнее ихъ скопленіе. Соборнымъ положеніемъ 1557 года Маія 1го дня монастырямъ запрещено покупать вотчины безъ Царскаго доклада, а отданныя имъ *по душп* позволено родственникамъ выкупать; потомъ указомъ 1580 г. вмѣсто завѣщанныхъ вотчинъ велѣно вносить въ монастыри деньги, чего тѣ вотчины стóятъ. Тоже подтверждено указомъ 1584 года Іюля 20го и сверхъ того велѣно отобрать отъ монастырей всѣ древнія Княжескія вотчины. Всѣ сіи распоряженія Государей клонились къ тому, чтобъ усилить количество земель для раздачи въ помѣстья, и чтобъ иноки, по словамъ Царя Грознаго, были на землѣ не *Ангелами*, а *Апостолами*, чтобъ они подвизались подвигомъ добрымъ 317). Тотъ же духъ секуляризаціи одушевлялъ Государей Россійскихъ со временъ Уложенія до Императрицы Екатерины II. Уложеніемъ подтверждено прежнее запрещеніе монастырямъ покупать и брать въ залогъ вотчины, а Патріаршіе и Митрополичьи тяглые дворы на Москвѣ отобраны на Государя 318). Петръ Великій еще рѣшительнѣе приступилъ къ исполненію намѣренія своихъ предшественниковъ. Въ 1701 году Января 24 на мѣсто Патріаршаго Разряда, для

управленія монастырскими вотчинами онъ учредилъ Монастырскій Приказъ изъ лицъ свѣтскаго состоянія; тогоже года Марта 11го дня онъ уничтожилъ всѣ контракты, заключенные монастырями на оброчныя статьи, и велѣлъ отдать ихъ новымъ оброчнымъ содержателямъ, но уже отъ казны, а не отъ монастырей 319). Учрежденіемъ Монастырскаго Приказа Петръ Великій отнялъ только управленіе и распоряженіе отчинами, но владѣніе и право собственности на оныя остались за монастырями; въ 1724 году, Марта 28, онъ повелѣлъ привести въ извѣстность всѣ доходы духовенства, и что̀ окажется излишнимъ, отобрать въ казну. Но смерть его прекратила дальнѣйшія распоряженія давно желанной секуляризаціи. Онъ успѣлъ отобрать только нѣкоторыя отчины для удовлетворенія случайнымъ нуждамъ, возникшимъ въ дѣлѣ преобразованія Россіи, н. п. въ 1703 году вотчины Тихвина монастыря онъ приписалъ къ Олонецкимъ заводамъ (но Екатерина I съ 1725 г. Декабря 19го возвратила ихъ опять монастырю по прежнимъ грамотамъ), — роздалъ нѣсколько монастырскихъ вотчинъ своимъ сподвижникамъ: Князю Меншикову, Брюсу и другимъ 320). Секуляризація отчасти выполнена также росписаніемъ заслуженныхъ воиновъ по монастырямъ; но эта мѣра, стѣснительная для монастырей, не принесла ожидаемой пользы самому Правительству, и потому въ послѣдующія царствованія сама собою уничтожилась: драгуны Петра Великаго 321) тяготились монастырскимъ спокойствіемъ, и лучше хотѣли жить милостынею сограждан̀ъ, нежели питаться отъ обильной монастырской трапезы, но пребывая въ заточеніи. Между тѣмъ Духовенство искусно отклоняло намѣреніе Государя отъ секуляризаціи, пользовалось безпорядками Монастырскаго Приказа, чтобы показать Правительству превосходство духовнаго управленія предъ казеннымъ, на-

копившимъ множество недоимокъ, и даже надъ гробомъ Великаго преобразователя дерзнуло обнаружить негодованіе противъ угрожавшей Домовымъ владѣніямъ реформаціи 322). Въ царствованіе Анны Іоанновны Духовенство спокойно продолжало свое отчинное владѣніе; но потомъ при Елисаветѣ I и Петрѣ III мысль секуляризаціи снова пробудилась 323). Императрица Екатерина II, при восшествіи на престолъ, даруя богатыя милости высшимъ сословіямъ, не одобряла намѣреній своего предмѣстника 324); но потомъ вскорѣ и она манифестами обнародовала о новомъ управленіи 325) духовными имуществами, кои сами собою клонились уже къ неизбѣжной секуляризаціи, и если не по указу, то по собственной волѣ Духовенства должны были отойти въ свѣтское управленіе: ибо непрочность сихъ владѣній, дознанная примѣромъ Германіи, и мнѣнія вѣка, проникнувшія въ самые низшіе слои общества, готовили страшное неповиновеніе крестьянъ 226), и потому даже полезно было спасти сановитость сословія благоразумнымъ лишеніемъ неприличныхъ ему мірскихъ стяжаній. Въ 1764 году архіерейскіе домы, соборныя церкви и монастыри получили новые штаты, коими земельное владѣніе ограничено для Архіерейскихъ домовъ 60 ^{10}, для монастырей 30 ^{10} десятинами,—а 910,686 крестьянскихъ душъ съ землями и угодьями преданы навсегда въ казенное управленіе 327).

Богатыми духовными владѣльцами собственно были архіерейскіе домы и монастыри; напротивъ дѣйствующее ко спасенію душъ Бѣлое Духовенство никогда не отступало отъ правилъ Апостольской нищеты, исключая нѣкоторыхъ соборныхъ причтовъ, какъ н. п. Московскаго Архангельскаго 328), который владѣлъ десятками тысячь душъ и сотнями пустошей. Образовавшись изъ простолюдиновъ, изъ дворянъ и боярскихъ дѣтей, не состоявшихъ на

службѣ, и даже изъ граматныхъ холопей, Бѣлое Духовенство не простирало далеко своихъ требованій. Достаточное для отправленія церковныхъ требъ, оно могло обойтись безъ просвѣщенія, безъ книгъ и удобствъ жизни, радовалось льготамъ отъ дачи ополченныхъ, отъ солдатчины, отъ оброковъ и земскихъ сборовъ, а въ царствованіе Петра Великаго даже готово было подвергнуться всѣмъ земскимъ и государственнымъ повинностямъ. Приходскія церкви со введенія Христіанства содержались ругою, небольшими землями и отъ исправленія требъ, и при этомъ еще дѣлились своими малыми доходами съ Епархіальнымъ начальствомъ 329). По Писцовымъ книгамъ, какъ видно изъ Новоуказныхъ статей о помѣстьяхъ (1676 Марта 10 п. 14.), къ церквамъ велѣно отмежевать по 10, 15 и 20 четвертей, смотря по количеству владѣльческихъ земель. Тоже предписано Новоуказными статьями 1677 Августа 10 п. 18, и въ межевыхъ статьяхъ 1680 Августа 25 опредѣлено: изъ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ земель межевать къ приходскимъ церквамъ съ 600 четвертей по 20, съ 500 и ниже до ста по 15, а со ста и ниже по 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ, притомъ отмежевать сряду, а не чрезъ полосу. Тоже было подтверждено и послѣдующими узаконеніями. По Межевой Инструкціи 1766 года Февр. 13. п. 69 къ приходскимъ церквамъ, при конхъ не было земель, по волѣ владѣльцевъ велѣно межевать по 30 десятинъ на пашню и по 3 на сѣнокосы; по Межевой Инструкціи 1766 Маія 25 гл. X велѣно церковныя земли межевать по Писцовымъ дачамъ и крѣпостямъ, съ примѣрными землями, а въ случаѣ недостатка прежнихъ дачъ дополнять по пропорціи владѣльческихъ дачъ на прежнемъ основаніи. Съ сихъ поръ 33-десятинная мѣра земли сдѣлалась правиломъ церковныхъ владѣній, и это продолжалось до изда-

нія указа 1829 года Декабря 6 дня. Государь Императоръ, для успѣшнѣйшаго образованія духовнаго юношества и обезпеченія духовенства въ содержаніи, повелѣлъ вводить тройную, двойную и полуторную пропорцію церковныхъ земель (99, 66 и 49½ десятинъ), смотря по изобилію (§ 15) казенныхъ и помѣщичьихъ земель, принадлежащихъ прихожанамъ.

Церковное владѣніе имѣетъ особенный юридическій характеръ. Приходскія земли принадлежатъ не лицамъ причта, а церкви, какъ нравственному лицу; по прежнимъ же узаконеніямъ и церкви онѣ принадлежали не на правѣ собственности, а на правѣ владѣнія: ибо по Инструкціи Провинціальнымъ Канцеляріямъ и Межевымъ Конторамъ 1766 Маія 25 гл. X ст. 10, „церковныя земли, которыя за опустѣніемъ церквей лежатъ впустѣ, утверждаются за тѣми владѣльцами, изъ чьихъ оныя дачь прежде къ церквамъ были даны.“ Но сіе правило отмѣнено узаконеніями 1808 года Іюля 26 и 1829 Декабря 6 § 11, по коему „земля, а гдѣ есть и другія угодья упраздненной или приписываемой церкви, не должны быть возвращаемы прихожанамъ, а принадлежатъ той церкви, къ которой она приписывается съ прихожанами.“ По разуму сихъ узаконеній церковная земля стала собственностію церкви. Хотя церквамъ и монастырямъ запрещено пріобрѣтать земли покупкою и вкладами безъ Высочайшаго разрѣшенія, но по изъясненію указа 1823 Ноября 29 они имѣютъ право пріобрѣтать ихъ давностію на общемъ положеніи; напротивъ сами не теряютъ владѣнія симъ способомъ: ибо въ случаѣ завладѣнія церковныхъ земель лицами посторонними онѣ имѣютъ право требовать отъ прихожанъ дополненія недостающей пропорціи и удовлетворяются даже безъ собственнаго ходатайства; въ случаѣ же завладѣнія самими прихожанами опять имъ дѣлается дополненіе безъ осо-

беннаго ходатайства. Здѣсь можетъ измѣняться предметъ владѣнія, но самая пропорція остается неизмѣнною 330).

C) *Помѣстное владѣніе.*

Русскія помѣстья имѣютъ одинаковое происхожденіе съ Германскими. Русскіе Князья создавали себѣ дружины обѣщаніемъ военной добычи, предварительнымъ раздаяніемъ вещей и военнаго оружія и наконецъ пиршествами и угощеніями; но потомъ съ успѣхами гражданственности, когда сіи временныя пособія оказались недостаточными, Князья начали раздавать земли, деревни, села, города и области на правѣ отчинномъ въ собственность, — или только въ пожизненное владѣніе, съ условіемъ стать на службу по первому воззванію, съ людьми, конями и оружіемъ. Съ теченіемъ времени, когда внутреннее управленіе сдѣлалось потребностію Государства, къ помѣстьямъ отнесены выгодныя государственныя должности, названныя *кормленіями* бояръ и слугъ. Русскіе феодальные слуги (vasalli) XII вѣка въ Кіевской Лѣтописи названы *милостниками*, а пожалованное имъ княжеское оружіе *милостнымъ* оружіемъ 331); въ XV и XVI вѣкѣ помѣстное владѣніе называлось *жалованьемъ* (fe-ôdal), а помѣщики *кормленщиками*, *путниками*, *путными боярами*, *дворецкими съ путемъ* и т. п. 332). Помѣстное владѣніе селами, городами, угодьями и кормовыми должностями существовало во всѣхъ областяхъ Россіи; но нигдѣ не было положено ему столь прочнаго и обширнаго основанія какъ въ Государствѣ Московскомъ. Къ сему отчасти подала поводъ Татарская система податей и сборовъ, по которой Московскіе

Государи, сдѣлавшись сборщиками дани въ порабощенной Россіи, могли пританвать себѣ знатныя суммы денегъ и упрочить за собой сію отрасль промышленности условіями договорныхъ граматъ, чтобъ никто изъ князей *не зналъ Орды*, кромѣ ихъ Московскихъ Государей 333). Въ слѣдствіе сего Москва сдѣлалась резиденціею исполнительной власти Хановъ и сборнымъ мѣстомъ военныхъ силъ Россіи, Литвы, Польши и иныхъ странъ, — и что въ Западной Европѣ послужило къ разобщенію народовъ, то въ Москвѣ сдѣлалось краеугольнымъ камнемъ единодержавія. Московская помѣстная система разрушила удѣлы, истребила Великій Новгородъ, покорила Казань и создала сильное Московское Царство, — покрыла колоніями безмѣрныя поля Россіи, и изъ земли воздвигла храброе Дворянство Имперіи.

Помѣстныя земли пріобрѣтались службою Государю, и количество ихъ соразмѣрялось съ достоинствами лицъ; не подлежа наслѣдственности, подобно отчинамъ, съ смертію служилаго владѣльца онѣ дѣлались *выморочными* 334), и возвращались Государю для новыхъ помѣстныхъ раздачь. Между тѣмъ и у насъ, подобно какъ въ Германскихъ Государствахъ, помѣстья рано обнаружили склоненіе къ наслѣдственности: составляя жалованье служилаго дворянина, въ случаѣ его смерти они становились пенсіономъ для его вдовы и малолѣтныхъ дѣтей, и даже при жизни владѣльца, буде онъ старъ и увѣченъ отъ Государевой службы, обращались ему въ пенсіонъ до смерти и до возраста дѣтей. Однакожъ сіе начало наслѣдственности, открывшееся въ помѣстномъ владѣніи, далеко уклонилось отъ нормальнаго своего развитія во владѣніи вотчинномъ. Здѣсь принимались въ уваженіе близость родства и родовое происхожденіе вотчинъ; напротивъ въ помѣстномъ владѣніи обращалось вни-

маніе на способность къ службѣ; почему наслѣдниками помѣстьевъ могли быть даже постороннія лица („сдача помѣстій“), если они *добры собою* (молодцы) и съ *Государеву службу ихъ станетъ*, — обращалось особенное вниманіе на вдовъ и дочерей, по уваженію къ заслугамъ ихъ мужей и отцовъ, чего не заключалось первоначально въ вотчинномъ владѣніи, — призывались къ наслѣдованію зятья съ ихъ нисходящими, а за неимѣніемъ сихъ и боковые ихъ родственники, словомъ, основаніемъ наслѣдованія помѣстьевъ служили a) родство, b) способность къ службѣ и c) награда за службу 335). Особенный характеръ помѣстнаго владѣнія составляли также a) *нераздѣльность владѣнія*. Помѣстье заключало въ себѣ окладъ жалованья, съ тѣмъ предположеніемъ, чтобъ съ него можно было служить Государеву службу, и потому, когда у помѣщика было много сыновей, то нѣкоторыхъ изъ нихъ писали на службу съ отцовскаго помѣстья, а другихъ верстали пустопорожжими, дикими, выморочными землями и женинными приданными помѣстьями 336). b) *Сосредоточенность владѣнія*. Поелику Государеву службу можно служить только въ одномъ полку, гдѣ кто живетъ, а не въ двухъ или болѣе, по Новугороду, по Москвѣ и т. п.; то двумя помѣстьями въ различныхъ областяхъ владѣть было не можно. Новогородскій дворянинъ не могъ сдать помѣстья Московскому, Московскій служилый человѣкъ иноземному, Бѣлозерскій Магометанскому (въ Казани) или Бѣлогородскому 337). Наконецъ c) особеннымъ характеромъ помѣстьевъ была *полнота владѣнія*. При раздачѣ помѣстьевъ Правительство распоряжалось такимъ образомъ, чтобы дача была снабжена всѣмъ необходимымъ для обзаведенія служилаго дворянина; посему помѣстье должно было составлять стройный корпусъ владѣнія и содержать въ себѣ: землю подъ усадьбу, пашню, покосы, выгоны,

лѣса и воды. Мѣра угодьевъ, хотя бы въ отказной грамотѣ не была опредѣлена прямо, какъ выше объяснено въ статьѣ о владѣніи по Системѣ Генер. Межеванія, опредѣлялась мѣрою пахатныхъ полей 338)—особенность, не заключавшаяся въ вотчинномъ владѣніи. Сверхъ сего никакая давность, ни даже сороколѣтняя вотчинная, не увеличивала и не уменьшала помѣстнаго владѣнія 339). Владѣніе излишнимъ было позволено, но только до новаго пріищика и челобитчика, и первый челобитчикъ всегда имѣлъ преимущество даже предъ долговременнымъ владѣльцемъ 340). Наконецъ, поелику помѣстная дача предоставлялась только во владѣніе, а право собственности на оную всегда принадлежало Государю, то помѣщикъ не имѣлъ права сводить крестьянъ съ помѣстной земли на вотчинную, и лично отвѣчалъ Государю за упущенія въ управленіи, отъ коихъ дача пришла въ худшее состояніе 341).

Субъектъ помѣстнаго владѣнія. Помѣщикомъ могъ быть всякій, кто былъ физически и граждански способенъ нести Государеву службу; посему имѣли право на полученіе помѣстьевъ: a) духовныя лица: Патріархи, Митрополиты, Архіепископы, Епископы и Архимандриты монастырей, b) служилые люди всякихъ чиновъ, военныхъ, придворныхъ и гражданскихъ, бояре, дворяне, боярскія дѣти, служилые иноземцы, подъячіе, рейтары, солдаты и козаки. Одни неслужилые люди и неслужилыхъ отцовъ дѣти не имѣли права на полученіе помѣстьевъ. Впрочемъ существовало временное узаконеніе, по коему сіи лица оставлены владѣльцами купленныхъ помѣстьевъ, но съ обязанностію служить съ нихъ Государеву службу. Поелику сверхъ служилаго состоянія владѣніе помѣстьями основывалось на личныхъ достоинствахъ, то нѣкоторыя помѣстныя преступленія (felonia) подвергали лишенію помѣстьевъ, какъ-то: измѣна, неявка въ походъ („нѣтчики“), побѣгъ отъ службы и

подлогъ во владѣніи помѣстьемъ. Наконецъ, поелику помѣстья принадлежали не въ собственность, а во владѣніе, то за дурное управленіе оными приказывали иногда „кнутьемъ бити“ 342).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что между причинами величія Россіи помѣстная система занимаетъ важное мѣсто. Основывая земельное владѣніе на личныхъ доблестяхъ, успокоивая старость и утѣшая увѣчье мужественно подвизавшихся за отечество, она была блистательною пританеею Россіи для генераловъ и простыхъ воиновъ, и вмѣстѣ разсадникомъ новыхъ военныхъ поколѣній и земледѣльческихъ колоній на обширномъ пространствѣ Царства Русскаго. Она развила военный духъ благородныхъ классовъ, и если бы къ сему присоединилась Европейская дисциплина: то Россія при Петрѣ Великомъ не имѣла бы надобности прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ при отправленіи рекрутъ на мѣста ихъ назначенія. Но сія система личнаго *дородства* не могла держаться противъ системы *отечества* 343), издревле господствовавшей въ Русскихъ обычаяхъ и законахъ. Помѣщики завидовали владѣльцамъ вотчинныхъ, кои, не служа Государевой службы, могли спокойно наслаждаться всѣми благами жизни. Посему въ служилыхъ людяхъ издавна обнаруживалось стремленіе помѣстья обращать въ вотчины покупкою цѣлыхъ помѣстныхъ дачъ, или прикупкою примѣрныхъ земель, или наконецъ выслугою на Государевой службѣ 344). Итакъ еще до Петра Великаго замѣчено было сближеніе началъ помѣстнаго владѣнія съ вотчинными; но рѣшительное обращеніе помѣстьевъ въ вотчины совершилось въ его царствованіе, предназначенное Провидѣніемъ къ всеобщему преобразованію Россіи. Петръ Великій въ высокихъ предначертаніяхъ преобразованія не различалъ никакихъ званій владѣнія, и непрерывно занятый высшими государственными пользами не имѣлъ

времени думать о правосудіи по дѣламъ Государственной и частной собственности. — Путешествуя въ иностранныхъ государствахъ, онъ чаще встрѣчалъ владѣніе безъ права собственности, замѣчалъ учрежденія маіоратовъ для поддержанія блеска высокородныхъ домовъ, и безземельность кадетовъ, ревностныхъ на поприщѣ службы, наукъ и промышленности; наконецъ онъ вездѣ встрѣчалъ остатокъ юриспруденціи среднихъ вѣковъ, такъ называемыя *королевскія права* (jura regalia, jura reservata): изъ сего онъ вывелъ заключеніе, что подобныя учрежденія должны быть введены и въ Россіи 345). Публицистамъ принадлежитъ трудъ взвѣсить важность благодѣяній, послѣдовавшихъ для Россіи отъ сихъ нововведеній; но цивилистъ не можетъ утаить отъ себя несомнѣнной истины, что отъ сихъ нововведеній поколебались понятія Россіянъ о собственности и владѣніи, произошли недоразумѣнія въ системѣ Гражданскихъ законовъ, и только великій, истинно творческій духъ Екатерины II могъ возстановить коренныя начала Русскаго владѣнія и освободить дворянскую собственность отъ преградъ, стѣснявшихъ ее со временъ Великаго преобразователя 346). Во время сего внезапнаго крушенія отечественныхъ нравовъ и законовъ погибла и знаменитая система помѣстнаго владѣнія. По указу 1712 года Декабря приданыя помѣстья послѣ бездѣтно умершей жены велѣно возвращать въ родъ ея, на мѣсто прежняго положенія предоставлять ихъ дѣтямъ и мужнему роду. Въ указѣ того же года Генв. 23 въ дѣленіи имуществъ на движимыя и недвижимыя *добра* о помѣстномъ владѣніи вовсе не упоминается, хотя и слѣдовало упомянуть. Наконецъ знаменитый указъ 1714 года Марта 23 дня, лишая кадетовъ отцовскаго наслѣдія въ пользу единонаслѣдниковъ, и даже права покупать деревни не прослужа 7 лѣтъ, ясно

показываетъ, что служилыхъ людей не верстали уже помѣстьями. Помѣстья исчезли въ вотчинномъ владѣніи маіоратовъ, и хотя въ 1719 году Декабря 9 дня велѣно помѣстныя дѣла вершить по Лифляндскому Ленному праву, но слово Законодателя возвратилось къ нему неисполненнымъ: ибо помѣстьевъ уже не было. Помѣстная система замѣнена денежнымъ жалованьемъ, пенсіонами и раздачей деревень въ вѣчное и потомственное владѣніе и наконецъ въ недавнія времена — арендами 347). Сіи перемѣны Законодательства запечатлѣлись важнѣйшими событіями въ исторіи Русскаго народа: введены учрежденія подушнаго сбора на содержаніе арміи, рекрутскаго набора и народной ревизіи. Въ слѣдствіе сего древнія военныя силы Россіи, для коихъ война была забавой, а поле сраженія полемъ чести, осуждены были на земледѣліе, и записаны въ подушный окладъ; честь рядоваго воина сдѣлалась натуральною государственною повинностію 348). По смерти Петра Великаго воинственное племя однодворцевъ, заслуженная гвардія Украинской Россіи, просило изъ милости возвратить имъ древнее военное званіе, что̀ и было исполнено образованіемъ изъ нихъ драгунскихъ поселенныхъ полковъ 349). Изъ учрежденій рекрутскаго набора и народной ревизіи образовался коренный законъ Имперіи, крѣпостное состояніе нѣсколькихъ милліоновъ Россіянъ, коихъ ревизія застигла на помѣщичьихъ и вотчинныхъ земляхъ, и отворены широкія врата къ наполненію сего класса изъ всѣхъ свободныхъ сословій Имперіи, врата, затворенныя указомъ милосердой Государыни Екатерины II. 350)

Законодательство Петра Великаго, основанное большею частію на началахъ Нѣмецкой юриспруденціи, грозило всеобщимъ упраздненіемъ вотчинныхъ правъ на земли и введеніемъ на мѣсто ихъ правъ про-

простаго владѣнія во всѣхъ предѣлахъ Имперіи. Извѣстно, что въ знаменитые по исторіи средніе вѣка всякое Нѣмецкое владѣніе предполагалось жалованнымъ отъ Императора или Земскаго Государя на правахъ феодальныхъ; поэтому большая часть земель составляли только владѣніе, а не собственность дѣйствительныхъ владѣльцевъ. Но тамъ, гдѣ нельзя было доказать правъ собственности Имперіи на земли, принадлежащія частнымъ лицамъ, помогало другое положеніе юриспруденціи, что Императоръ или Земскій Государь есть защитникъ и надзиратель всѣхъ владѣній въ предѣлахъ Имперіи или земли, а потому въ правѣ удержать за собою нѣкоторыя статьи изъ земельныхъ владѣній, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Изъ сихъ положеній образовались такъ называемыя *Королевскія права* (jura regalia) на воды, мельницы, руды, рѣки, и регалія псовой охоты на частныхъ земляхъ. За исключеніемъ послѣдней регаліи Петръ Великій ввелъ подобныя учрежденія въ Россіи, съ названіемъ *заповѣдныхъ* статей; въ послѣдствіи и самое слово *регалія* сдѣлалось употребительно въ Русскомъ Законодательствѣ 351). Въ слѣдствіе сего положено запрещеніе на всѣ корабельные лѣса въ частныхъ владѣніяхъ, прилежащихъ къ сплавнымъ и судоходнымъ рѣкамъ, отняты рыбныя ловли и мельницы у частныхъ владѣльцевъ и монастырей, и отданы отъ казны въ оброчное содержаніе сперва посторонимъ лицамъ, а потомъ самимъ хозяевамъ; позволено каждому рыться въ чужой землѣ, на томъ же основаніи, что *подземныя сокровища* суть регаліи, и ставить заводы съ правомъ рубить чужіе лѣса 352). Но царствованіе Екатерины II дало перевѣсъ Отечественнымъ началамъ юриспруденціи, и неприкосновенность собственности спасена 353).

D.) *Казенное владѣніе.*

Въ первомъ и второмъ періодѣ Русскаго Законодательства не было казенной собственности и владѣнія, но была собственность и владѣніе Князей, кои располагали ими по собственному произволу, на правахъ частныхъ 354). Нѣтъ сомнѣнія, что все находящееся въ предѣлахъ княженія, за исключеніемъ земель, состоящихъ въ вотчинномъ владѣніи бояръ, слугъ и другихъ свободныхъ людей, принадлежало Князю; ибо въ послѣдствіи времени мы видимъ, что Князь раздавалъ пустопорожнія земли и дикія поля своимъ боярамъ и слугамъ 355). Управленіе Княжескими землями происходило также на частномъ положеніи: черезъ тіуновъ, волостелей и посельскихъ, для коихъ по мѣстамъ устроены были станы, или, говоря по нынѣшнему, господскіе дворы, служившіе мѣстопребываніемъ тіуна, суда и расправы и средоточіемъ земскихъ сборовъ и работъ для двора княжескаго. Княжескія земли были обработываемы *смердами*, или черными людьми, кои, лично будучи свободны, за пользованіе землями платили оброки и исправляли земскія повинности: возили повозъ, мостили мосты, строили княжескіе дворы и военныя укрѣпленія. Но люди, находящіеся при станахъ или княжескихъ дворахъ въ званіи ключниковъ, казначеевъ, тіуновъ, дьяковъ, управителями при конскихъ табунахъ, житницахъ, скотныхъ дворахъ, и вообще приказные люди были рабскаго состоянія. Во второмъ періодѣ Государевы земли находились во владѣніи дворцовыхъ волостей и черныхъ оброчныхъ селъ. Права владѣнія для нихъ были одинаковы, но повинности различались тѣмъ, что дворцовыя села отправляли ихъ натурою на Государевы дворцы и станы въ различныхъ областяхъ, а оброчныя села платили подати деньгами. Г. Рейцъ весьма основательно производитъ владѣніе дворцо-

выхъ селъ отъ прежнихъ селъ удѣльныхъ князей 356). Но для насъ гораздо важнѣе знать, существовало ли *владѣніе* крестьянъ землями, принадлежащими ихъ Государю? — и мы находимъ, что оно дѣйствительно существовало, и что сіи крестьяне владѣемыя ими земли называли *своими Великаго Князя землями*, т. е. состоящими у нихъ во владѣніи, и принадлежащими въ собственность Великому Князю 357). По праву владѣнія они защищали и отыскивали сіи земли судомъ отъ своего имени, Государю своему въ собственность, а себѣ во владѣніе. Со временъ царствованія Ѳеодора Іоанновича, въ слѣдствіе запрещенія перехода отъ одного помѣщика или вотчинника къ другому, должно было измѣниться положеніе крестьянъ не только помѣщичьихъ, но и вотчинниковыхъ и Государевыхъ. Полагаю, что всѣ они безъ исключенія сдѣлались крѣпки землѣ, удержавъ однакожъ личную свободу и право владѣть купленными землями отъ своего имени. Хотя такимъ образомъ Государевы крестьяне, жители дворцовыхъ и черныхъ оброчныхъ волостей сдѣлались крѣпостными наравнѣ съ помѣщиковыми и вотчинниковыми 358); но казна никогда не присвоивала себѣ права продавать ихъ на свозъ, какъ начали съ ними поступать помѣщики и вотчинники со временъ Петра Великаго, и если отнимала ихъ отъ земли, то дѣлала это не для продажи въ частное владѣніе, а для усиленія казенныхъ и посессіонныхъ фабрикъ и заводовъ, и то не ранѣе какъ со временъ Петра Великаго. Полагаю, что право помѣщичьихъ и вотчинниковыхъ крестьянъ покупать земли и владѣть ими на свое имя совершенно прекратилось въ царствованіе сего Государя. Съ сего времени и казенные крестьяне, хотя не назывались крѣпостными, но составляли уже собственность Государевой казны; ибо ихъ крѣпили къ заводамъ казеннымъ и посессіоннымъ, раздавали въ вотчинное вла-

дѣніе Дворянству, лишили права покупать земли и владѣть ими на собственное имя; и если позволяли покупать, то таковыя земли принадлежали въ собственность и владѣніе казнѣ, а крестьянамъ оставалось только одно пользованіе. Вѣроятно, на семъ основаніи Учрежденіе объ Императорской фамиліи часть Государевыхъ, т. е. казенныхъ, крестьянъ отдѣлило въ вѣдомство Департамента Удѣловъ, присвоивъ ему крѣпостное помѣщичье право на новое сельское состояніе удѣльныхъ крестьянъ (см. Ук. 1808 Іюн. 5); отъ чего удѣльные, будучи казеннаго происхожденія, до сего времени не имѣютъ права покупать земли на свое имя, и владѣютъ ими не иначе какъ отъ имени Департамента Удѣловъ, и не вольны переходить въ городскія сословія безъ увольненія Департамента. Императоръ Александръ I, желая содѣйствовать успѣхамъ сельской промышленности, указомъ 1801 года Дек. 12 и 1802 Ап. 24 даровалъ всѣмъ свободнымъ состояніямъ Имперіи право пріобрѣтать земли на свое имя, и владѣть ими на полномъ вотчинномъ правѣ, и въ числѣ сихъ свободныхъ призналъ казенныхъ крестьянъ,—узаконеніе, составляющее великую эпоху Русскаго Законодательства! Между тѣмъ должно полагать, что сіе узаконеніе не есть правило, а только исключеніе изъ правила, ибо въ весьма недавнее время состоявшіяся узаконенія 359) показываютъ, что казенные крестьяне, хотя по закону Александра I и называются особымъ свободнымъ сословіемъ, однако жъ ихъ можно обращать въ удѣльныхъ, — а съ поступленіемъ въ удѣльное вѣдомство они естественно лишаются права владѣть купленными землями на свое имя, исключая городскихъ домовъ, и земли ихъ должны обратиться въ собственность и владѣніе Департамента Удѣловъ (alteri possident).

Принимая казенныхъ крестьянъ за свободныхъ, мы находимъ ихъ владѣльцами въ троякомъ отношеніи:

a) владѣльцами казенныхъ земель безъ права собственности, b) владѣльцами земель, купленныхъ на свое имя, т. е. на правѣ вотчинномъ, c) владѣльцами въ видѣ обществъ по праву купли земель на общественныя деньги. Первое владѣніе весьма недавно подчинилось точнымъ и яснымъ опредѣленіямъ, именно съ того времени, когда повелѣно было Крымской Коммисіи опредѣлить званіе и характеръ различныхъ Крымскихъ земляныхъ владѣній 360), и потомъ превосходною юриспруденціею Департамента Государственныхъ Имуществъ возведено къ историческимъ началамъ, разлившимъ свѣтъ на всю систему Русской собственности и владѣній. А до сего времени владѣніе казенныхъ крестьянъ казенною землею нерѣдко называли собственностію 361), и не ясно понимали, что первоначальное титло владѣнія никакою давностію владѣнія не измѣняется (хотя бы въ крестьянахъ укоренилась мысль, что казенною землею они владѣютъ за свою). Владѣніе крестьянъ незаселенными землями на правѣ вотчинномъ 362) совершенно равняется владѣнію дворянскому; но вотчинное владѣніе купленными на имя крестьянскихъ обществъ или селеній землями есть владѣніе не частное, а общественное (universitatis) 363): такъ что когда крестьянинъ выселяется въ другую губернію, то не только не можетъ продать своей доли посторонимъ, но и уступаетъ ее обществу безъ всякаго вознагражденія, на томъ основаніи, что казна даетъ ему землю въ другой губерніи, не принимая въ разсужденіе, что дома владѣлъ онъ землею по праву собственности, а въ поселеніи будетъ владѣть землею казенною безъ права собственности. Слѣд. вотчинное владѣніе казеннаго селенія гораздо ниже вотчиннаго владѣнія селеній вольныхъ хлѣбопашцевъ и бѣлопашцевъ Костромской Губерніи, кои владѣютъ раздѣльно на частномъ положеніи, т. е.

съ правомъ отчуждать свои доли посторонним и самому обществу съ вознагражденіемъ 364).

Вотчинное казенное владѣніе имѣетъ множество видовъ. Всѣ имущества Государственныхъ Установленій въ сущности своей составляютъ собственность казны, и могутъ быть отдаваемы во владѣніе городскимъ обществамъ, частнымъ товариществамъ и лицамъ. При семъ должно упомянуть, что имущества общественныя, хотя бы они образовались изъ частныхъ пожертвованій sub modo, т. е. для какой либо опредѣленной цѣли, остаются въ казнѣ невозвратно (dominium irrevocabile), не смотря на открывшуюся въ послѣдствіи несостоятельность цѣли пожертвованія. Такъ секуляризація прошедшаго вѣка обратила духовныя имущества, пожертвованныя на *вѣчный поминокъ и сорокоустье*, въ имущества Приказовъ Общественнаго Призрѣнія, пенсіоны воинамъ и въ штаты Духовныхъ Семинарій.

Е). Заводское (поссессіонное) владѣніе.

Сколько намъ извѣстно, заводское владѣніе блистательнѣйшимъ образомъ открывается въ *именитой* фамиліи *Строгановыхъ*, произшедшихъ, вѣроятно, отъ военно-коммерческой крови Новогородской, фамиліи, которую историкъ *Левекъ* называетъ Русскими *Медичисами*, и съ которой начинается періодъ новой Русской свѣтло-вельможности. — Въ началѣ XVI вѣка предокъ Строгановыхъ, Аника Строгановъ разбогатѣлъ отъ соляныхъ варницъ въ Вычегдѣ, и, по сказанію иностранцевъ, первый открылъ торговый путь за Уральскій хребетъ. Іоаннъ Грозный, желая обуздать хищныхъ инородцевъ, далъ сыновьямъ Аники,

Якову и Григорію Строгановымъ, владѣнныя граматы на 146 верстъ пустыхъ земель по Камѣ и по берегамъ р. Чусовой, съ правомъ строить военныя укрѣпленія для защиты отъ Сибирскихъ и Ногайскихъ хищниковъ, употреблять огнестрѣльный снарядъ, содержать войско на своемъ иждивеніи (что позволено въ послѣдствіи и Демидовымъ), принимать на земли всякихъ вольныхъ людей, имѣть надъ ними судъ и расправу, заводить пашни и варницы, но *не дѣлать рудъ*, и если найдутъ руду золотую, серебряную и мѣдную, обязаны извѣщать о семъ казначеевъ Государевыхъ. Такимъ образомъ Строгановы сдѣлались феодально-поссессіонными государями подъ Царемъ Московскимъ. Предъ ними открылся новый міръ, невѣдомая Сибирь и блистательнѣйшее поприще владычества и обогащенія. Разбивъ въ сраженіи Сибирскаго царевича Маметкула, они просили у Іоанна позволенія завоевать Сибирь, и въ награду за сіе граматы на владѣніе завоеванными землями, которая и дана имъ 1574 года съ правомъ укрѣпиться на берегахъ Тобола, вести войну съ Кучумомъ, воздѣлывать желѣзо, мѣдь, олово, свинецъ и сѣру, и вести безпошлинную торговлю съ Бухарцами и Киргизами. Въ слѣдствіе сего Строгановы, по царственному праву нанимать въ свою службу военныхъ людей, предложили *честную службу* Ермаку съ товарищами, и снарядили его въ походъ для завоеванія Сибири. Сибирь была завоевана, и хотя по жалованной Царской граматѣ 1574 года принадлежала Строгановымъ на правѣ феодально-поссессіонномъ; но они и вождь ихъ Ермакъ Тимоѳеевъ уступили ее Русскому Царю 365). До сихъ поръ владѣніе Строгановыхъ имѣло характеръ смѣшенный, военно-поссессіонный; но по граматѣ 1697 Мая 14, жалованной Григорью Строганову на владѣніе Зырянскими казенными соляными заводами,

начинается владѣніе чисто *поссессіонное*, не смотря на то, что оно въ граматѣ и указѣ 1701 и 1723 гг. Генв. 13. названо *вотчиной и вѣчнымъ владѣніемъ:* ибо оно соединено было съ обязанностію ставить въ казну по 100,000 пудовъ соли на собственномъ иждивеніи.

При Петрѣ Великомъ заводское владѣніе приняло обширное развитіе. Учрежденіемъ 1719 Дек. 10 узаконено: „соизволяемъ, всѣмъ и каждому дается воля, какого бъ чина и достоинства ни былъ, во всѣхъ мѣстахъ, какъ на собственныхъ такъ и на чужихъ земляхъ, искать, плавить, варить и чистить всякіе металлы, сирѣчь: золото, серебро, и т. д..... *дабы Божіе благословеніе втунѣ не осталось.*“ Симъ же учрежденіемъ и потомъ указами 1721 Ген. 18., 1723 Дек. 3 и. 14 и 17, и 1726 Сен. 26, велѣно заводчикамъ всякаго рода чинить пособіе отъ казны, и даже купецкимъ людямъ, доселѣ не имѣвшимъ права покупать деревни, разрѣшена сія покупка и владѣніе. Отсюда образовалось сословіе крѣпостныхъ, кои крѣпки не лицу и не землѣ вотчинниковъ, а заводскому *молоту и домнѣ*, и отдѣльно отъ сихъ не подлежатъ продажѣ и всякому отчужденію. Но чтобъ купецкіе люди, имѣющіе особенное вожделеніе владѣть крѣпостными, не заводили заводовъ *для лица малыхъ*, то поссессіонное владѣніе подверглось особаго рода ограниченіямъ: По указу 1734 Іюня 3 къ молоту велѣно давать отъ казны и покупать по 30 крестьянскихъ дворовъ. Подобная пропорція душъ, земель, и угодьевъ отъ казны, и душъ, покупаемыхъ заводчиками на поссессіонномъ правѣ, учреждена указами 1744 Апр. 16, 1752 Генв. 17 и Мар. 12, 1753 Ав. 12. Императрица Екатерина II указомъ 1762 года запретила покупку крестьянъ заводчикамъ купецкаго званія впредь до сочиненія Уложенія; но

это запрещеніе оказалось не временнымъ, а постояннымъ, и не прежде отмѣнено, какъ въ царствованіе Императора Павла I по указу 1798 Мар. 16. Окончательное различеніе вотчиннаго владѣнія отъ поссессіоннаго состоялось по указамъ 1798 Марта 16 и 1833 Генв. 5, коимъ опредѣлено, что поссессіонное владѣніе относится къ заводамъ и фабрикамъ, учрежденнымъ частными людьми *съ пособіемъ отъ казны*, или учрежденнымъ казною, но отданнымъ въ частное условное владѣніе (sub modo) безъ права собственности на цѣлость заведенія. Съ заводскимъ владѣніемъ сходствуетъ колоніальное владѣніе землями, отданными отъ казны частнымъ людямъ съ условіемъ заселеній, разведеній садовъ, шелководства и т. п. *).

Библіотека
Института Инженеровъ
при Ц.К.

*) Особенная часть ученія о Владѣніи требуетъ болѣе подробнаго раскрытія. Въ настоящемъ Разсужденіи сдѣланъ только очеркъ того, что въ послѣдствіи времени мною представлено будетъ въ полномъ свѣтѣ.

ПОЛОЖЕНІЯ.

I.

Въ дѣйствительномъ юридическомъ состояніи нѣтъ настоящей собственности; а за собственность принимается обыкновенно владѣніе, возведенное въ высшую степень добросовѣстнаго сознанія.

II.

Платонъ, отрицая правость бытія частной собственности, симъ уничтожаетъ личность человѣка, и останавливаетъ государство на половинѣ его пути къ совершенству.

III.

Владѣніе не есть право, а фактъ.

IV.

По Россійскимъ Законамъ владѣніе признается за фактъ.

V.

Правительство, защищая владѣніе, само себя, а не владѣльца защищаетъ.

VI.

Владѣніе пріобрѣтается дѣйствіемъ духовнымъ и тѣлеснымъ (animo et corpore).

VII.

Въ настоящей системѣ Русскаго вотчиннаго владѣнія заключается основаніе и предрасположеніе къ чрезполосности.

VIII.

Владѣніе въ его историческомъ движеніи совершаетъ три главные періода, слѣдующіе одинъ за другимъ: 1) священно-героическій, 2) казенный, или общественный, 3) частно-гражданскій.

IX.

Понятія о различныхъ видахъ Русскаго владѣнія до сихъ поръ еще не твердо установились.

X.

Русское гражданское правовѣденіе не есть наука. Для возведенія его въ науку, намъ необходимо сперва принять философское, а потомъ уже историческое направленіе вѣденія (methodus).

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Т. X. Кн. V. Разд. I. Гл. I. ст. 1476.
2) Тамъ же Кн. II. Разд. II. Гл. II. ст. 315, 316.
3) Тамъ же ст. 315.
4) Тамъ же Гл. II. ст. 362.
5) Grundlinien der Philosophie des Rechts, v. D. G. W. Fr. *Hegel*. Berlin. 1821. S. 47—57. См. также Разборъ соч. Г. Савиньи о *Правѣ Владѣнія* въ Телескопѣ, Журн. Соврем. Просвѣщенія, изд. Н. Надеждинымъ. 1832. N 21, 22. ст. *Ѳ. Морошкина*. *Для большей ясности мнѣніе Гегеля я перевожу перифрастически.*
6) System des Römischen C. Rechts im Grundrisse, v. Dr. *Ed. Gans*. Berlin. 1827. S. 28—32. 202—216.
7) fr. I. § 1. D. 41. 2. см. также статью Über den Rechtsgrund der possessorischen Interdicte Берлинскаго Профессора Рудорфа въ Zeitschrift für Geschichtliche Rechtwissenschaft, herausg. v. Savigny, Eichhorn und Göschen VI B. I. H. S. 96—101.
8) System des Pandectenrechts, v. A. F. J. *Thibaut*.. 7 Ausg. 1828. Jena. B. I. § 290—291.
9) См. статью его: „Zu welcher Klasse von Rechten gehört der Besitz.“ въ Reinisches Museum für Iurisprudenz. Bonn. 1829. Dritten Jahrganges II Heft. S. 289. См. Телескопъ, Журн. Совр. Просв. тамъ же.
10) Das Recht des Besitzes. v. *Savigny* 5 te Aufl. Giessen. 1827. § 5.
11) System des Röm. Civilrechts, v. Gans S. 204.
12) Тамъ же S. 208. Das Recht des Besitzes. S. 2.
13) Zeitschrift für gesch. Rechtswissenschaft. VIII. B. I. H. 1830. S. 90, 107.
14) см. Digest. Lib. 42.
15) Code Napoléon. Art. 2228—2250. Code de procédure. Art. 23—27. Handbuch des Franz. Rechts v. Dr. K. S. *Zachariae*. Heidelberg. 1811. I B. § 136. u. folgg. — Manuel de droit Français, per S. B. J. *Paillet*, Paris. 1832. Art. 2228—2250. C. de procédure. Art. 23—27.

16) Die Gewehre als Grundlage des ältern Deutschen Sachenrechts v. Dr. W. Ed. *Albrecht*. Königsberg. 1828. § I und folgg. см. также Grundsätze des gemeinen Deutschen Privatrechts, v. Dr. C. J. A. *Mittermaier*, Landshut. 1 te Abth. 1830. § 137. Einleitung in das Deutsche Privatrecht v. Fr. Eichhorn. 3 te Ausg. Göttingen. 1829. § 156.

17) Commentaires sur les lois Anglaises, par W. *Blackston*, trad. par. N. M. *Chompré*. à Paris. MDCCCXXIII. T. III. pag. 2, 3.

18) См. рѣчь Ад. Профессора Ѳ. *Морошкина*. — въ Учен. Запискахъ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета. 1834.

19) Начертаніе Законовъ, изд. *Львомъ Цвѣтаевымъ*. Москва. 1816. стр. 108, 109.

20) Опытъ Начертанія Росс. Частнаго Гражд. Права, соч. *Вельяминова-Зернова*. С.-Петербургъ. 1823. Ч. II. § 24—43.

21) Fr. 78. D. 50. 16. fr. 7. D. 47, 10. см. соч. Савиньи Das Recht des Besitzes § 3. — Gajj Institut. Comment. IV § 2. 125.

22) System des Röm. Civilrechts. § 202.

23) Gajj Institut. Commentarii L. II. § 40.

24) Тамъ же L. III. §§ 32, 33.

25) Свод. Закон. Т. XIV. Ч. IV. Разд. V. Гл. I. ст. 339, 340, 341. Т. X. Кн. V. Р. I. Гл. I. ст. 1473, 1477.

26) System des Röm. Civilrechts. S. 215.

27) Reinisches Museum für Jurisprudenz. Dritt. Jahrgangs II II. 1829. S. 296.

28) Grundlinien der Philosophie des Rechts. S. 57.

29) fr. I. § 3 D. 41. 2. fr. 3 § 8, 12. См. Псковскую Суд. Грам. XV вѣка. fr. 24. D. 42. I. fr. 18 § 1 D. 41. 2.

30) „Universitas nunquam delinquit, sed tantum membra ejus.“

31) fr. 31 § 1. D. 28. 5. fr. 22. D. 46. 1. fr. 34. D. 41 1. „possessionem hereditas non habet, (quippe) quae est facti et animi — fr. 18 D. 41. 1.

32) fr. 1 pr. § 18 D 37. 9. Ср. fr. 8. ibid. fr. 3 § 23 D 41. 2. — fr. 10 § 1 D. 41. 2.

33) Const. 1. C. 7. 32. fr. 42. D. 41. 3.

34) fr. 42. D. 41. 3. fr. 49. ibid.

35) fr. 1. § 5. D. 41. 2. fr. 3. § 12. D. 4. 1. fr. 4. ibid.

36) См. fr. 42. § 1. D. 41. 2. fr. 49 § 2 D. 41. 2. fr. 2. § 10, 11. D. 41 4.
37) fr. 33 § 1. D. 4. 3. fr. 33. § 1. D. 4. 3.
38) fr. 6. D. 41. 2. (продолженіе того, что сказано не измѣнно въ одномъ и томъ же лицѣ). Впрочемъ это не вредитъ давности частнаго преемника. Const. II D. 7. 33.
39) Manuel de Droit Français, par *Paillet*. Cod. de procédure, art. 2235. not.
40) fr. 95. § 2. D. 46. 3. fr. 75. ibid. fr. 22. D. 41. 3. — fr. 33 § 1. D. 41. 3.
41) Manuel de droit Français, Code de procédure, art. 2240.
42) Fr. 20 § 11. fr. 25 § 3 D. 5. 3. — fr. 32. pr. D. 41. 3. — fr. 33 § 1. D. 41. 3. fr. 19 § 1. D 41. 2.
43) fr. 3. § 2 D. 41. 2. — fr. 26 D. 41. 2.
44) fr. 26. D. 41. 2.
45) fr. 30 D. 41. 3.
46) fr. 6. D. 6. 1.
47) fr. 34 pr. D. 41. 2. fr. 2 § 6. D. 41. 4. Срав. fr. 43 pr. D. 41. 2.
48) fr. 6. D. 6. 1.
49) fr. 34 pr. D. 41. 2.
50) fr. 23 pr. D. 41. 3. fr. 30 pr. D. 41. 2. — fr. 7 § 1. 2. D. 10. 4. „iuncta pars rei civiliter non possidetur.“ fr. 23 § 7 D. 6. 1. — fr. 7 § 11. D. 41. 1.
51) Указъ 1833 Октябр. 19.
52) fr. 1 § 3. D. 6. 1.
53) fr. 3 § 1. D. 41. 2. fr. 22 D. 41. 2.
54) fr. 1. pr. fr. 13 § 11. D. 41. 2. Срав. fr. 3 pr. D. 41. 2.
55) fr. 23 § 1, 2 D. 41. 3. — Code Nap. Code Civil. art. 520 — 523.
56) Grundsätze des gemeinen Deutschen Privatrechts. 1 te Abth. § 144. Deutsche Rechtsalterthümer, v. *J Grimm*.
57) fr. 3 pr. D. 41. 2. fr. 4 § 27 D. 41. 3.
58) fr. 3 § 5. D. 41. 2.
59) fr. 17 § 1. D. 41. 2. — fr. 18 pr. ibid.
60) fr. 36. D. 41. 2.
61) fr. 153 de R. J. fr. 27 D. 41 2. fr. 8 D. 41. 2.
62) fr. 29 D. 41. 2.
63) fr. 46 D. 41. 2. fr. 18 § 3. 4. ibid.
64) fr. 25 D. 41. 2.
65) fr. 1 § 14 D. 41. 2. fr. 25. D. 41. 2.
66) Die Gewehre als Grundlage des ältern Deutschen Rechts. v. *Albrecht*. § 1, 2.

67) Лѣтоп. по Никон. Списку. С.-Петербургъ. 1767. Ч. I. стр. 7, 11, 14, 16.

68) Тамъ же Ч. IV стр. 49.

69) Сборникъ *Муханова* (П. А.) 1836. Москва N 4, N 141. Духов. Грамата. 1425 г. въ Древ. Росс. Вивліоѳ. Ч. I. стр. 151.

70) Литов. Статутъ. Разд. IV.

71) Лѣт. по Никон. Списку. Ч. I. стр. 4, 5.

72) Тамъ же стр. 6, 24, 65, Ук. 1683 Марта 2. Истор. *Карамз.* Т. V. примѣч. 404.

73) Собраніе Государственн. Грамотъ и Договоровъ. Ч. III. N 54 (грам. 1621 Февр. 26). См. купчую Св. Антонія (1122 года) въ Исторіи *Карамзина*. Т. II. прим. 210. Т. III. прим. 132.

74) Сборникъ *Муханова* N 71.

75) Литовск. Статутъ. Разд. VIII. Артик. 9. § 1.

76) Никон. Списокъ. Ч. I. стр. 66. Истор. *Карамз.* Т. II. примѣч. 320 Т. III. прим. 3, 44, 134. См. Догов. Тверскихъ Князей съ Новгородцами. въ Собр. Государ. Грам. и Договоровъ и въ Росс. Вивліоѳ. Ч. I. — Сборникъ *Муханова* N 59. Уложеніе гл. XI ст. 2. Ук. 1676 Март. 14. — Въ Грам. Иверскому Монастырю 1668 Окт. 26 владѣніе названо *одержаніемъ*.

77) Сборникъ *Муханова*. N 59. Литовск. Ст. Разд. VIII. артик. 23.

78) Литов. Ст. Разд. XIII. арт. 1. Истор. *Карамз.* Т. IV. прим. 325. Т. V. прим. 371. (Дух. Грам. XV в.). — Судная Грам. В. К. Іоанна III въ рукописяхъ купца *Ивана Никитича Царскаго*. Договор. Грам. Новгорода съ Іоанномъ III, 1571 года. жалован. Грамоты Троицкому Сергіеву монастырю 1650 г. Мая 6 д. и мн. друг. Правая Грам. по Вотчинному дѣлу (1558 г.), изд. *Сандуновымъ*. стр. 31. Ук. 1733 Ген. 8 и т. д.

79) Сборн. *Муханова*. N 35, Акты, собр. Археолог. Экспедиціею Т. I. стр. 73. Т. IV. стр. 46.

80) Суд. Грам. В. Кн. Іоанна III. см. въ рукописяхъ Г. *Царскаго*. Сборн. *Муханова*. N 139 (1611 г.).

81) Суд. Грам. В. Кн. Василія Ивановича. см. въ Рукоп. Г. *Царскаго*.

82) Deutsche Rechtsalterthümer, v. J. *Grimm*. Göttingen. 1828. S. 492.

83) Истор. *Карамз.* Т. V. прим. 369. Слово *собственность*, кажется, въ первый разъ употреблено въ ук. 1732 Іюня 2. см. Ук. 1781 Ген. 22. Ук. 1782 Іюня 28.

84) Ист. *Карамз.* Т. IX. прим. 118. См. купчую Св. Антонія въ Истор. *Карамз.* Т. I. прим. 210. — Т. III. прим. 161, 335. См. купч. граматы XV и XVI вв. въ рукописяхъ Г. *Царскаго.* Суд. Грам. В. Кн. Василія Ивановича. См. также. Истор. *Карамз.* Т. V. прим. 386 (XIV в.).

85) Истор. *Карамзина* Т. II. прим. 279, 343. Т. III. прим. 186. Т. IV. прим. 364, 371. Т. V. прим. 337. Т. VI. прим. 622. Улож. гл. XVII ст. 37. Жалов. Грам. Троицкому Сергіеву монастырю 1750 Мая 8 и мн. др. Лнп. Стат. Разд. VII. Арп. 21. Грам. по вотчин. дѣлу, изд. *Сандуновымъ.* спр. 29. Собр. Госуд. Грам. и Догов. Ч. III. N 50. Ч. IV N 47, 92 и 110. Жалов. Грам. Иверскому монастырю 1654 г. Мая 6. Жалов. Грам. Валаамскому монастырю 1731 Нояб. 23. Серпух. Выс. М-рю 1748 Нояб. 15. Ук. 1683 Іюн. 20. Ук. 1684 Ап. 8. Авг. 7. Межев. Инструкц. 1766 Мая 25. гл. X. — Новоуказ. Стат. 1669 Ген. 22 ст. 8. — Ук. 1725 Мая 28 п. 9. 1754 Мая 13 гл. IV. — 1805 Іюн. 3. — 1806 Окт. 2. — 1808 Фев. 29 и Марп. 13. — 1810 Ап. 7. — 1812 Фев. 5. — 1813 Марп. 3. — 1814 Окт. 8. — 1816 Іюн. 15. — 1819 Мая 29. — 1820 Фев. 27. Новорос. Межев. § 2. — 1820 Марп. 12. — И такъ выраженіе *вѣчное и потомственное владѣніе* означало весьма часто не только право собственности, но и отвлеченное отъ онаго право владѣнія, т. е. владѣніе поссессіонное, пожизненное, оброчное, потомственное. См. Жалов. Грам. Строгановымъ 1697 Мая 24 на Зырянскія варницы. Ук. 1726 Ап. 22 и Іюля 14. — 1736 Дек. 27. — 1737 Іюл. 6. — 1743 Ав. 5. — 1758 Мая 21. — 1757 Нояб. 5. — 1819 Фев. 13. — 1830 Ген. 27. — 1833 Дек. 5.

86) См. выше.

87) См. Уставъ Благоч. 1782 г. Ап. 8. ст. 37, 39, 45, 99, 102 и д. Ман. 1787 Іюн. 28. — Город. Полож. 1785 Ап. 21. ст. 4.

88) Русская Правда. см. въ соч. *Эверса Древнѣйшее Право Руссовъ*, перев. съ Нѣмецкаго *Ив. Платонова.* С.-Петербургъ. 1835. спр. 312, 313, 363. ст. 31. стр.

379, 384. — Истор. *Карамз.* Т. V. прим. 244 и 248. Т. II. прим. 327.

89) Опытъ Исторіи Россійскихъ Государственныхъ и Гражданскихъ Законовъ. Перев. съ Нѣмецкаго. Изд. *Ѳедоръ Морошкинъ*. Москва. 1836. стр. 72.

90) Древн. Право Руссовъ. спр. 312. ст. II. стр. 379.

91) Тамъ же стр. 178.

92) Versuch einer Darstellung der Geschichte des Angelsächsichen Rechts v. G. *Philips*. Göttingen. 1825. S. 108.

93) Тамъ же. S. 177, 178.

94) Тамъ же. S. 109.

95) Die Gewehre als Grundlage des ältern Deutschen Rechts, v. Dr. Albrecht. Konigsberg. 1828. S. 19—22.

96) Псковск. Суд. Грам. XV вѣка.

97) О Тат. разб. и уб. дѣлахъ. 1669 Ген. 22 ст. 51. Ср. Versuch einer Darstellung des Angs. Rechts. S. 180 („si quis pecus investiget intra alius terram, *educat id vestigium* („отведетъ слѣдъ") is qui terram habet, si possit. . . .). S. 207. Литов. Стат. Разд. XIV Арт. 3. — Сборникъ *Муханова*. N 119. — Жалов. Гр. Спасскому и Благовѣщ. Архимандриту (1423 Фев. 20).

98) Die Gewehre. v. *Albrecht*. S. 21. — Литов. Стат. разд. XIII. Арт. 2. Улож. гл. X. ст. 208. Ср. Суд. Грам. В. Кн. Василья Ивановича въ рукоп. Г. *Царскаго*. Истор. *Карамз.* Т. V. стр. 251.

99) Древнѣйшее Право Руссовъ, соч. *Эверса*. стр. 405, 413.

100) Die Gewehre v. *Albrecht*. S. 19.

101) Истор. Карамз. Т. II. прим. 256.

102) Тамъ же примѣч. 267.

103) Тамъ же Т. V. примѣч. 404.

104) Тамъ же прим. 402.

105) Древн. Росс. Вивліоѳ. Ч. I. Дог. Грам. 1428 г.

106) Тамъ же.

107) Тамъ же. стр. 268 (Грам. 1447 г.).

108) Тамъ же. — Сборникъ *Муханова*. N 19.

109) Судебникъ *Татищева*. Ст. 25, 52, 55, 56.

110) Опытъ Истор. Рос. Госуд. и Гражд. Зак., изд. Ѳ. *Морошкинъ*. § 135.

111) Судная Грам. В. Кн. Василія Ивановича, въ рукоп. Г. *Царскаго*.

112) Тамъ же. — Сборникъ *Муханова* N 139, 55, 62, 71, 83.

113) Dorpater Jahrbücher. 1835. стр. Г. *Даниловича.*
114) Литов. Стат. Разд. IV арт. 92. Разд. X. арт. 4, 5, 15, 16. Разд. XI арт. 20, 43.
115) Улож. гл. X ст. 200. Гл. XXI. ст. 88, 89. — Новоуказ. Ст. о разб., тат. и убійств. дѣлахъ, 1669 Ген. 22, ст. 13, 16, 85.
116) Улож. гл. XXI ст. 30. — Новоук. Ст. 1669 Генв. 22. ст. 29.
117) Улож. гл. XXI ст. 87, 91. — Новоук. Ст. 1669 Ген. 22. ст. 48.
118) Ук. 1680 Мая 16. — 1681 Мая 4. — Наказъ Губ. и Воевод. 1719 Ген. — 1699 Декаб. 28 (Наказъ Новгород. Воеводѣ). — Ук. 1731 Іюн. 7. — 1752 Ген. 24. — Ср. Учрежд. о Губ. ст. 243, 266.
119) Ук. 1824 Мая 23.
120) Начерт. Части. Гражд. Права. Ч. I. § 36.
121) Deutsche Staats-und-Rechtsgeschichte, v. K. Fr. *Eichhorn.* 1821. Göttingen. 1 Th. § 200. — Grundsätze des gemeinen Deutschen Privatrechts, v. Dr. *Mittermaier.* 1830. 1 Abth. § 146.
122) Договори. Грам. 1402 года. см. въ Древ. Росс. Вивліоѳ. Ч. I — Истор. *Карамз.* Т. V. примѣч. 232. и мног. друг.
123) Судебн. *Татищева.* ст. 172.
124) Истор. *Карамзина.* Т. XI примѣч. 371.
125) Указъ 1832 Ноябр. 14.
126) Улож. Гл. X ст. 285.
127) Судебники, изд. *Строевымъ и Калайдовичемъ.* 1819. Москва.
128) Судебникъ *Татищева.* стат. 84, 85.
129) Рукопись библіотеки Г. *Царскаго.*
130) Тамъ же.
131) Правая грамата по вотчинному дѣлу, изд. *Сандуновымъ.* стр. 25, 26, 38, 39.
132) Рукопись Г. П—ва.
133) Улож. гл. XVII. ст. 30. — Ук. 1679 Февр. 26. Ср. ук. 1737 Ав. 1 и д.
134) Межев. Инстр. 1765 Мая 13 гл. XIV. п. 1, 2. — Инструкц. землемѣрамъ 1766 Мая 25. гл. IX. п. 12.
135) Ср. Литовск. Статутъ. Разд. IV. артик. 91, 92.
136) Начерт. Част. Гр. Права. Ч. I. § 37.
137) Писц. Наказъ 1686 Марта 16, ст. 13. — Ук. 1720 Фев. 9. — 1724 Мар. 17. п. 7. — 1725 Мая

5. — 1725 Мая 28 п. 10. — 1748 Іюля 15. — 1745 Ап. 1. и пр. д.

138) Новогород. Суд. Грамота 1471 г.

139) Кн. II. стр. 345.

140) Кн. II. стр. 302.

141) Кн. II. стр. 317 — 327. — Ср. ук. 1830 Ген. 8. — 1830 Ген. 27, — Ук. 1833 Дек. 5.

142) Истор. *Карамз.* Т. II. прим. 328 Акты, собр. Археологич. Экспедиціею Императорской Академіи Наукъ, 1836, Т. I стр. 54.

143) Судебн. *Татищева*, стр. 125.

144) См. выше прим. — Сборн. *Муханова*. No 35.

145) Улож. гл. X. стр. 211, 239.

146) Ист. *Карамз.* Т. IV примѣч. 175.

147) Судеб. *Татищева*, стр. 76, 80, Указъ 1664 Окт. — 1720 Февр. 19. — 1725 Іюля 18, — 1722 Апр. 6. — 1818 Ген. 17.

148) Древ. Росс. Вивліоѳ. Ч. XIV стр. 179 — 189. — Прав. Грамата, изд. *Сандуновымъ*, стр. 33.

149) Улож. Гл. XVI стр. 16; Гл. XVII стр. 43; — Ук. 1677 Ав. 20. стр. 15, Межев. Инструкц. 1754 Мая 13, Гл. XXX стр. 1. — Выписка изъ дѣяній Собора 1667 Іюн. 17 Гл. IV вопр. 4.

150) Св. Гражд. Зак. Кн. I. стр. 164.

151) Жалов. Грам. Иверск. Монастырю 1654 Мая 6 и мн. др.

152) Истор. Карамзина, Т. II. примѣч. 210.

153) Правая Грамата Ц. Михаила Ѳеодоровича 1613 г. Іюня 10 Троицкому Сергіеву Монастырю. — Правая Грамата Іоанна IV Колязину Монастырю (1549 Дек. 15 дня) и мн. др. въ рукоп.

154) 1676 Фев. 18. — Манифестъ о генеральномъ межеваніи 1765 Сент. 19. п. 2. — Инстр. Землем., Меж. Канц. и Конторамъ, 1766 Мая 25 Гл. III. п. 6. Ср. fr. 4 § 5 D. 10. I.

155) Улож. гл. XVI стр. 5. — Указъ 1678 Іюн. 14.

156) Ук. 1803 Іюн. 30.—1833 Мая 2. п. 3. Ср. Св. Гр. Зак. Т. X. кн. III. стр. 914 — 919.

157) Никон. Лѣтопись. Ч. IV стр. 60. Купчія Граматы XV вѣка изъ библіотеки (рукопис.) Г. *Царскаго*, Ук. 1778 Мая 15, стр. I.

158) Ук. 1778 Мая 15. стр. I.

159) Правая Грам. по Вотчинному дѣлу, изд. *Сандуновымъ*. стр. 14.
160) Договор. Грам. въ Древней Росс. Вивліоѳикѣ. Ч. II стр. 265, см. Судебники.
161) Рукописи XV и XVI вв. библіотеки Г. *Царскаго*. (купч. 1539 г.) Собран. Государ. Грам. и Договоровъ. Ч. III. No 54. — *Литов.* Спат. Разд. X. артик. 23. — Сл. Славянскіе переводы Св. Григорія Богослова, XI вѣка: „*а инъ градъ чтетъ, овъ же дрынъ скроущь на главѣ покладая прислугу творитъ*“ (изъ рукоп. примѣчаній П. М. *Снегирева*).
162) Улож. Гл. XVI ст. 46. — Писц. Нак. 1684 Ап. ст. II, Ук. 1778 Мая 15. — Ср. Ук. 1556 Сент. 20 (Суд. *Татищева*) и Собран. Госуд. Грам. и Договоровъ Ч. III No 71 (1625 Мая 20).
163) Ук. 1768 Окт. 24. Межев. Инстр. 1766 Мая 25 гл. IV. п. 28. — Минѣн. Г. Сов. 1836 Ген. 8. Ср. Земледѣльческая газета 1836 No 75, 73, 18.
164) Ук. 1780 Окт. 28, ст. 8.
165) Межев. Инструкц. 1754 Мая 13. Гл. XIX ст. 2. — Инструкц. Межев. Канц. и Конторамъ 1766 Мая 25 гл. IV. п. I, 2, 6, 7.
166) Тамъ же ст. 7.
167) Тамъ же ст. 35.
168) Тамъ же. Ср. fr. 7. D. 10. 1.
169) Ук. 1801 Ап. 8.
170) Указъ 1801 Ген. 31.
171) Ук. 1679 Окт. 24.
172) Ук. 1778 Мая 15. ст. III. ср. Писц. Нак. 1681 года.
173) Древн. Росс. Вивліоѳ.
174) Писц. Нак. 1684 Ап. 8. п. 17. Инстр. Межев. Канц. и Конт. 1766 Мая 25, гл. III. ст. 6. Ук. *1780* Окт. 28.
175) Тамъ же, Гл. IV ст. 33.
176) Тамъ же (Меж. Инстр. 1766 Мая 25 гл. IV), ст. 31.
177) Писц. Наказъ 1684 Ап. 8, п. 23, 26.
178) Инстр. Меж. Канц. и Конт. 1766 Мая 25. гл. III п. 5 Гл. VI. п. 15.
179) Инстр. Межев. 1754. Мая 13, гл. IV. ст. I. Ук. 1758 Март. 27.—1758 Іюня 16. Ср. Ук. 1756 Мая 17,— Межев. Инстр. 1766 Мая 25 гл. IV ст. 47.
180) См. выше примѣч. 165, см. также Инстр. Меж. Канц. и Конторамъ 1766 Мая 25, гл. IV. ст. 17.

Ук. 1758 Іюн. 16. Когдажъ урочища уничтожены, то дачу приводить въ мѣру и примежевывать къ ней пропорцію примѣрныхъ. Межев. Инстр. 1766 Мая 25 Гл. IV. ст. 22.

181) Ук. 1758 Іюн. 16. — Межевая Инструкц. 1766 Мая 25. Гл. IV, ст. 19. — 1780 Окт. 28 ст. 3.

182) *1780* Окт. 28 ст. 3. напротивъ пустоши безмѣрныя опредѣляются *дачами* пашенными четвертными (?!). Межев. Инструкц. 1754 Мая 13 гл. XVI. ст. 3.

183) fr. 34. pr. D. 41. 2.

184) Новоуказ. Статьи 1676 Март. 10. ст. 20, 21, — Новоуказ. Стат. 1677 Ав. 10, ст. 24, 25. — Писц. Нак. 1683 Мая 20. ст. 14, Писц. Нак. 1684 Ап. ст. 22.

185) Инстр. Межев. Канц. и Конторамъ 1766 Мая 25 Гл. IV ст. 27. — 1758 Іюн. 16.

186) fr. 5. D. 41. 2. — Ср. fr. 2 § 2 D. 41, 4.

187) Указъ о бѣглыхъ 1754 Мая 13. п. 15.

188) fr. 33 § 1 D. 41 3.

189) Gaji Institut. Comment. IV. L. II §§ 52 — 62.

190) Судебн. *Татищева* ст. 73. Акты, собран. Археолог. Экспед. Т. I. стр. 251.

191) 1684 Ап. ст. 2.

192) Акты собр. Археолог. Экспед. Т. I. стр. 54. Улож. Гл. XVI ст. 51, Писц. наказъ 1784 Апр. ст. 7. „и жилыхъ бы дворовъ пустыми *и крестьянъ своихъ людьми* (дворовыми) *не называли* (писцы)“.

193) Ук. 1833 Мая 29.

194) Тамъ же.

195) См. прим. 196, Ср. Писц. Нак. 1684 Ап. ст. 35.

196) Ук. 1833 Ген. 5 Ср. Ук. 1829 Дек. 23. — fr. 3 § II D. 10. 1.

197) Улож. Гл. XVI ст. 5. — Ук. 1678 Іюн. 14.

198) Мнѣніе Госуд. Сов., Высоч. конфирм. 1823 Ап. 10. Ср. Ук. Сенат. 1787 Ап. 22.

199) Ук. 1833 Ген. 5.

200) 1766 Мая 25, Гл. IV. ст. 34.

201) fr. I. § 22. D. 41. 2.

202) О чрезполосномъ владѣніи, Москва, 1836. Письмо къ Алексѣю Степановичу *Хомякову*.

203) Ук. 1826 Февр. 20. — 1830 Ген. 16.

204) Писц. Нак. 1683 Мая 20 ст. 10. Писц. Нак. 1686 Март. 16 ст. 2. — 1676 Март. 3 Лин. Стат. Разд. IX. арт. 16.

205) Догов. Грам. 1309, 1312, 1361 гг. см. Ч. I. Древ. Росс. Вивліоѳ. N 6 — N 14.

206) Систематическое Обозрѣніе помѣстныхъ правъ и обязанностей, въ Россіи существовавшихъ, сост. П. *Ивановымъ*. 1836. стр. 35.

207) Тамъ же. стр. 36. Ук. 1682 Іюл. 2. 1678 Іюн. 14. 1688 Март. 20. 1702 Март. 18.

208) См. ук. 1672 Мая 17. — 1683 Іюл. 18.

209) Писц. Нак. 1684 Ап. 8 п. 26. Системат. Обозр. Помѣст. Правъ и обязанностей, сост. П. *Ивановымъ*. стр. 38 — 40. Ук. 1712 Декаб. — 1714 Март. 23.

210) 1736 Дек. 27. — 1737 Іюл. 6. п. 6. — Ук. 1654 Фев. 20. — См. Земледѣльч. газеты 1836 N 39.

211) Const. 1. C. 7. 47. На о. Эзелѣ принято правиломъ: „*при размѣнахъ земель и угодій основывать оцѣнку ихъ не на пространствѣ, а на получаемомъ съ нихъ доходѣ.*“ См. Земледѣльч. газеты 1836 N 75. N 41 — Мнѣніе *Кошелева*.

212) Правая Грам. по Вотчинному дѣлу, изд. Сандуповымъ. стр. 4. Срав. Земледѣльч. газеты 1836 N 73. важное мнѣніе Мед. Пом. Мих. Си—ва.

213) Инструкц. Меж. Канц. и Коппорамъ 1766 Мая 25. Гл. IV. ст. 44.

214) А. С. *Хомяковъ*. См. Московскій Наблюдатель 1835. Апрѣль. стр. 792. ст. „Замѣчанія на статью О чрезполосномъ владѣніи“.

215) Древ. Право Руссовъ, перев. П. *Платонова*. стр. 407. Ср. fr. 5 § 1 D. 40. 1.

216) По крайней мѣрѣ, сколько знаю, таковы Русскіе обычаи. Ср. fr. 5 § 2 D. 40. 1.

217) Улож. Гл. VII. ст. 26.

218) Сводъ Зак. Т. XIV Ч. III. ст. 362. Ср. Уложеніе Гл. XI ст. 5, 20. Гл. XX. Ук. 1745 Ап. 1. — Ср. fr. 1. § 14. D. 41. 2. — fr. 15 D. 41. 2.

219) Истор. *Карамз*. Т. IV. прим. 175. — Судебн. *Татищева*. ст. 121.

220) Ук. 1724 Март. 17. — 1725 Мая. 5. — 1744 Іюл. 30 и мн. др.

221) 1676 Фев. 18. Ср. Сводъ Гражд. Зак. Кн. II. ст. 269. Ук. 1833 Окт. 19.

222) 1746 Марта 22. См. Акты Археолог. Экспедиц. Собран. Т. IV. стр. 26 (Писц. Наказъ 1646 года).

223) Ук. 1833 Мая 2 п. 3. Ср. Сводъ Гражд. Зак. Т. X. Кн. III. ст. 918.

224) См. прим. 221.

225) Истор. *Карамз.* Т. III. примѣч. 248.

226) Прибавл. дѣпей Ярос.л. къ Правдѣ. ст. XXIII см. Древн. Право Руссовъ, перев. И. *Платонова.* — Истор. *Карамз.* Т. II. прим. 422. Судебн. *Татищева.* ст. 93—97. — Улож. Гл. XXI ст. 52.

227) Правая Грам. по Вотч. дѣлу, изд. *Сандуповымъ,* — Ук. 1676 Фев. 18. — Суд. Грам. Іоанна III въ рукоп. Г. *Царскаго.*

228) Приб. Д. Ярослав. къ Правдѣ, см. Древ. Пр. Руссовъ стр. 362. ст. XXVIII.

229) См. Истор. Общ. Образов. Тульской Губерніи, соч. *Ивана Сахарова.* Москва 1832. Ч. I стр. 227 (челоб. 1630 Ноябр. 30).

230) fr. 3 § 9 D. 43. 16. — fr. 17 ibid.

231) Св. Граж. Зак. Кн. II. ст. 345.

232) Суд. Новгород. Грам. 1471 г. Лив. Статут. Разд. IV арт. 92.

233) Лив. Статутъ. Разд. VIII. арт. 18. Разд. X арт. 4.

234) По древнему Праву *per mancipationem*, символическую продажу въ присутствіи пяти взрослыхъ Рим. Гражданъ, даже заочно. Gajj 1. § 119. Ulp. Fragm. XIX. 6. По новому Праву *nuda traditione* abalienari possunt. confer. fr. 3 § 1 D. 41. 2.

235) См. Grundsätze des gem. Deutsch. Privatrechts, v. *Mittermaier.* 1 Abth. § 144. Deutsche R. Alterthümer, v. *Grimm.* S. 607. III. 116. Deutsche Staats-und-Rechtsgeschichte v. *Eichhorn.* 1 B. § 59.

236) *Grimm.* ibid. S. 115, 116, 194, 195.

237) Купч. Грам. XV и XVI в. рукоп. Г. *Царскаго.* Ср. *Grimm.* S. 115, 116.

238) *Grimm.* ibid. Рукоп. Г. *Царскаго.* См. *Карамз.* Т. II. примѣч. 210. — Писц. книги Сольвычегод. Волог. Губ. Корѣжемскому монастырю 1625 г (См. въ Трудахъ Общ. Ист. и Древ. Росс. сп. Преосвящ. *Евгенія:* „о разныхъ родахъ присягъ у Славяно-Руссовъ").

239) Систем. Обозр. Помѣст. Пр. и Обязан.; сост. *Петромъ Ивановымъ.* стр. 135, 141. — Сводъ Гражд. Зак. Кн. II. ст. 555—562. Ср. 32 pr. D. 41. 2.

240) Fr. 3 pr. § D. 41. 2.
241) Сводъ Гражд. Зак. Кн. II. ст. 258—262.
242) Истор. *Карамз.* Т. II. примѣч. 301. Т. III. прим. 171. Т. V. примѣч. 404. — Правая Грам. (рукоп.) Троицкому Сергіеву монастырю 1613 Іюн. 10. — Собраніе Госуд. Грам. и Договор. Ч. IV. N 110 (1678 г.). — Уложен. Гл. X. ст. 239. Гл. XI. ст. 3. — 1654 Мая 6. — 1677 Фев. 20. — 1705 Ген. 1. — 1724 Ген. 28 и мн. др.
243) Pauli Sent. Recept. L. 5. tit. 2. § 1. — fr. 3 § 12. D. 41. 2.
244) См. fr. 3. § 18 D. 41. 2.
245) fr. 1 § 1 D. 3. 3.
246) fr. 49 § 2 D. 41. 1. — А еще строже см. fr. 59 D. 41. 1. Но ср. fr. 13 D. 41 1.
247) Сводъ Зак. Т. XI. Ч. II. стпп. 455, 456, 472—477. — Т. X. Кн. IV. ст. 1440—1471. — Ср. fr. 63 D. 3. 4.
248) fr. 24 D. 41. 2.
249) fr. 1 § 12 D. 43. 16.
250) Древ. Право Руссовъ, соч. *Эверса*, перев. *Платонова*. стр. 382, 387, 404, 415—417.
251) Тамъ же. 415—417.
252) Опытъ Истор. Рос. Гос. и Гр. Законовъ, соч. *Рейца*. изд. *Ѳ. Морошкинъ*. § 53—56. § 126.
253) Древ. Право Руссовъ. стпр. 413.
254) Улож. Гл. XX ст. 4, 5, 88, 90.
255) Св. Зак. Гражд. Кн. II. ст. 360. Т. XIV. Ч. III. стп. 464—467. Ср. fr. 50 § 1 D. 41. 3.
256) Тамъ же. Ср. fr. 1. § 15 D. 41. 2. — fr. 8 pr. D. 41. 3.
257) Суд. Грам. XVI в. рук. библіот. Г. *Царскаго*. — Инструкц. Межев. Канцел. и Конторамъ 1766 Мая 25, Гл. IV. ст. 14. — Маниф. 1787 Іюл. 28. п. 4.
258) fr. 61 D. 41. 1. — fr. 18 D. 41. 1.
259) Св. Зак. Гражд. Кн. IV. стп. 1468.
260) Слѣдуетъ изъ того, что крѣпостные владѣютъ не для себя. Такъ это случится съ собств. землями казен. крестьянъ, обращаемыхъ въ удѣльное вѣдомство.
261) См. fr. 27, 29 D. 41. 2.
262) Судеб. стп. 80. — Улож. Гл. XX стп. 34 — 36, 66. Св. Зак. о Состояніяхъ. Кн. I. стп. 705.

263) Ср. fr. 30 § 4 D. 41. 2.
264) Судеб. ст. 80. см. примѣч. 262.
265) Правая Грам. Троицк. Сергіеву монастырю 1613 Іюня 10. (рукоп.).
266) Улож. Гл. X. ст. 238.
267) Ук. 1829 Дек. 23.
268) Lois de Menou. L. I. IV. VII. VIII. IX.
269) См. Histoire des Législations, par *Pastoret*. Paris. 1817.
270) Исаіи гл. XIX. Езекіиля гл. XXIX.
271) Левитъ гл. XXV ст. 20. слич. Второзак. VIII, 7—9.
272) Второзаком. XV. II. XXIV. 20, 21.
273) Числъ, XXVI, 53—55, XXXIII, 54. Левитъ XXV. 10 — 14.
274) Второзак. XVIII. 1 — 7.
275) Histoire des Législations, par *Pastoret*. Economie Politique des Atheniens. Исторія Пелопонесской войны Оукид. Мёрзіусъ въ *Gronovii Thesaurus*.
276) Jus Antiquum Romanorum. curav. *Dabelow*, Dorpati 1822 Lex VI Romuli. — Römische Geschichte, v. *Niebuhr*, II Ausg. Berlin 1830, II B. S. 179.
277) Ibid.
278) Тамъ же.
279) *Niebuhr*, II B. S. 184.
280) Тамъ же. S. 181, 153, 156.
281) Тамъ же II. B. S. 161, III. B. S. 17, 18.
282) Тамъ же II B. S. 699 — 710.
283) Тамъ же III B. S. 13 — 15, Tit. Liv. VI, 35.
284) Тамъ же II B. S. 171.
285) Das Recht des Besitzes, v. *Savigny*, § 9.
286) *Niebuhr*, II B. S. 699 — 710.
287) Тамъ же.
288) Grunsätze des gemeinen Deutschen Pr. Rechts, v. *Mittermaier* II Abth. § 420. I Abh. § 136, Deutsche Staats — und — Rechtsgeschichte, v. *Eichhorn*, I. Th § 57 II. Th. § 363 — 367.
289) Cours d'Histoire de Civilis. de Françe par *Guizot*, T. IV.
290) Ук. 1682 Ноябр. 25.
291) См. *Hallam* — Hist. de Moyen âge, T. III. p. 294.
292) *Guizot* — Cours de Civil. de Françe. T. III p. 74.
293) Hallam, T. III. pag. 298.
294) *Toulotte*, Hist. de la Barbarie T. II. p. 206.
295) Древн. Россійск. Вивліоѳ. Ч. XIV стр. 179.

296) См. Опытъ Исторіи Росс. Государ. и Гражд. Законовъ, изд. *Ѳ. Морошкинъ*, § 19 — 22.
297) Тамъ же.
298) Истор. Карамз. Т. V.
299) Тамъ же Т. II примѣч. 279, 343.
300) Опытъ Ист. Росс. Госуд. и Гр. Законовъ, § 27.
301) Древ. Росс. Вивліоѳика, Ч. I. стр. 257 (Грам. 1445 г.).
302) Уложен. Гл. XVI, ст. 42, 43.
303) Опытъ Исторіи Росс. Госуд. и Гражд. Зак. § 38, 100. — Рукописи Г. *Царскаго*, Улож. Гл. XVII ст. 41. 37. Ук. 1666 Іюл. 15.
304) Ук. 1721 Ген. 18. — 1723 Дек. 3 п. 14 и 17 и 1726 Сент. 26.
305) Ук. 1801 Декабр. 12. — 1804 Мая 14.
306) Улож. Гл. XVI ст. 66 Ук. 1731 Ав. 17.
307) См. Опытъ Истор. Росс. Госуд. и Гр. Зак. изд. *Ѳедоръ Морошкинъ*, примѣч. отъ издателя стр. 385.
308) Тамъ же, стр. 388, см. Никон. Лѣтоп. Ч. II. стр. 171.
309) Грам. Иверскому Монастырю 1654 Мая 6 (въ Полн. Собр. Закон.). Грамм. Коршміеву Монастырю 1677 Февр. 20, 1683 Мая 14, 28. — 1687 Мая 6 и мн. д.
310) Грам. 1683 Февр. 1654 Мая 6. — 1657 Фев. 25. 1667 Нояб. — Собр. Государ. Грам. и Догов. Ч. IV. N 34, 35. сравн. Ч. III. No 71 (1625 Мая — Грам. Патріарху Филарету). Соборн. полож. о Духовенствѣ 1667 Ноябр. гл. XI.
311) Улож. гл. XVI ст. 66. — Систематич. обозр. помѣстныхъ правъ и обязанностей, сост. *Петромъ Ивановымъ*, стр. II. Ист. Карамз. Т. III. примѣч. 324.
312) Истор. *Карамз.* Т. VI, примѣч. 622. Грам. Иверскому Монастырю (1654 Мая 6).
313) Древ. Росс. Вивліоѳ. Ч. XI стр. 189.
314) Опытъ Истор. Росс. Г. и Гражд. Зак. стр. 388 примѣч. — Истор. *Карамз.* прим. 245.—Грам. Иверскому Монастырю 1654 Мая 6. — Грам. Троицкому Серг. Монастырю 1657 Мая 20. — Собр. Госуд. Грам. и Договор. Ч. III, No 71.—Грам. 1655 Март. 31. и мн. др.
315) Грам. Иверскому Монастырю 1654 Мая 6. Ср. Церк. Уставъ Св. Владиміра.
316) Древ. Росс. Вивліоѳ. Ч. XIV. стр. 179, 188.
317) Опытъ Ист. Госуд. и Гражд. Законовъ, изд. *Ѳ. Морошкинъ* § 88. Суд. *Татищева*, ст. 168.

318) Улож. Гл. XVII ст. 41. Гл. XIX ст. 1 — 9.
319) Ук. 1701 Март. II.
320) 1731 Нояб. 23.
321) Ук. 1757 Генв. 18.
322) Ук. 1741 Іюн. 26. — 1725 Мая 11.
323) См. Ук. 1762 Март. 21, Ап. 6, Нояб. 29.
324) 1762 Нояб. 29.
325) 1763 Іюн. 6. — 1764 Фев. 26.
326) 1763 Ген. 8.
327) 1764 Фев. 26, Марта 15.
328) 1732 Фев. 5.
329) Опытъ Исторіи Росс. Государ. и Гражд. Законовъ § 92. Ук. 1730 Іюня 10.
330) 1800 Нояб.—1804 Фев. 11, Марта 4,—1809 Нояб. 18.
331) Опытъ Исторіи Росс. Госуд. и Гражд. Законовъ, § 26. — Ист. *Карамз.* Т. III. примѣч. 323 Т. IV, примѣч. 173, 207.
332) Истор. *Карамз.* Т. VIII, примѣч. 183, 490, Т. IX пр. 137, Древн. Росс. Вивліоѳ. Ч. I No 8. Ч. XV стр. 219. — Духов. Грам. Іоанна III (1504 г.) тамъ же Ч. II.
333) Собр. Государств. Грам. и Договоровъ. Ч. I. II.
334) Ист. *Карамз.* Т. V. примѣч. 372. Т. VIII. примѣч. 490.
335) Системат. Обозрѣніе Помѣст. Правъ и обязанностей, сост. П. *Ивановымъ.* стр. 22—35.
336) Опытъ Ист. Рос. Госуд. и Гражд. § 80. Сист. Обозр. Помѣст. Правъ и обязанностей. стр. 6, 7.
337) Тамъ же стр. 35.
338) 1652 Окт. 20. 1672 Іюня 21. Писц. Наказъ 1684 Ап. 8. п. 26. Ук. Іоанна IV 1550 г. *Карамз.* Т. VIII прим. 490.
339) 1679 Окт. 24.
340) 1673 Іюн. 20. п. 9.
341) 1677 Ав. 10. — См. примѣч. 342.
342) Собраніе Госуд. Грам. и Договор. Ч. III. N 59 (1621 Нояб. 8). Систем. Обозрѣніе Помѣст. Правъ и обязанностей. П. *Иванова.* Стр. 11, 41. 24.
343) Ист. *Карамз.* Т. VIII. примѣч. 490. Собр. Гос. Грам. III. N. 59.
344) Сист. Обозр. Помѣст. Пр. и обязан. стр. 38.
345) 1714 Март. 23. (О новомъ порядкѣ наслѣдованія).

346) 1782 Іюн. 28 п. 1—3. 1785 Ап. 21 (Жалов. Двор. Грам.) — 1782 Сент. 22. Ук. 1775 Март. 17. п. 37.

347) Ук. 1804 Нояб. 29 по предложенію Оберъ-Прокурора Голикова. — Св. Зак. Т. VIII, объ аренд. и старостин. имѣніяхъ.

348) 1731 Ген. 15.

349) 1735 Іюля. и проч.

350) 1781 Іюля 28. 1783 Окт. 20.

351) 1744 Ап. 16.

352) 1704 Ген. 21. Март. 17. Фев. 4. Мая 17. Іюн. 30. Ап. 1. 1705 Ген. 1, 17, 19. 1719 Іюн. 17. 1721 Іюн. 8. — 1726 Іюля 14. 1719 Дек. 10.

353) См. выше примѣч. 346.

354) Опытъ Исторіи Росс. Государ. и Гражд. Законовъ, соч. *Рейца*, изд. Ѳ. Морошкинъ, § 10.

355) Тамъ же, § 16.

356) Тамъ же, § 100.

357) Рукописи Г. *Царскаго*.

358) Древн. Росс. Вивліоѳ. Ч. XI. (См. Наказн. Грам. Семену Александровичу Левшину отъ Владислава Сигизмундовича (1610 г.).

359) 1826 Фев. 20. 1830 Ген. 16.

360) 1802 Мая 19. 1804 Ап. 23.

361) См. Ук. 1833 Мая 29. Ср. Ук. 1797 Нояб. 27. — 1802 Мая 19.

362) 1801 Дек. 12. 1803 Фев. 21.

363) 1831 Ап. 29.

364) См. примѣч. 362.

365) Истор. *Карамз.* Т. IX. Гл. VI.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе . . . . . стр. III.

РАЗДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Теорія владѣнія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Понятіе владѣнія стр. 8. Критика мнѣній стр. 24. Заключеніе стр. 34. Отношеніе владѣнія къ системѣ Гражданскаго Права стр. 45.

ГЛАВА ВТОРАЯ. О пріобрѣтеніи и прекращеніи владѣнія. Пріобрѣтеніе владѣнія стр. 47. Духовный дѣятель владѣнія стр. 49. *Субъективное условіе духа* стр. 50. *Опредѣленіе сознанія и воли относительно предмета* стр. 59. Тѣлесный дѣятель владѣнія стр. 65. *Тѣлесный дѣятель въ пріобрѣтеніи движимыхъ* стр. 68. *Тѣлесный дѣятель въ пріобрѣтеніи недвижимыхъ* стр. 70. Бытіе владѣнія стр. 71. Прекращеніе владѣнія стр. 74.

РАЗДѢЛЪ ВТОРЫЙ.

Владѣніе по началамъ Россійскаго Законодательства.

Часть общая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Историческое образованіе понятія о владѣніи стр. 81. О правомѣрныхъ послѣдствіяхъ владѣнія стр. 82. Что есть владѣніе: фактъ или право? стр. 108.

ГЛАВА ВТОРАЯ. О пріобрѣтеніи владѣнія стр. 110. Духовный дѣятель владѣнія стр. 111. *Опредѣленіе владѣнія по системѣ генеральнаго межеванія* стр. 121. *Объ основаніяхъ и порокахъ владѣнія* стр. 130. *Владѣніе многихъ лицъ однимъ*

и тѣмъ же предметомъ стр. 135. *Черезполосное владѣніе* стр. 138. Тѣлесный дѣятель владѣнія стр. 150. *Пріобрѣтеніе владѣнія чрезъ другихъ* стр. 159. *Пріобрѣтеніе владѣнія чрезъ рабовъ и крѣпостныхъ* стр. 160. *Пріобрѣтеніе движимаго чрезъ бѣглыхъ рабовъ* стр. 162. *Пріобрѣтеніе владѣнія недвижимыхъ чрезъ крестьянъ* стр. 164.

ГЛАВА ТРЕТІЯ. Прекращеніе владѣнія стр 168. *Прекращеніе владѣнія отсутствіемъ духовнаго дѣятеля* стр. 168. *Прекращеніе владѣнія отсутствіемъ тѣлеснаго дѣятеля* стр. 171.

РАЗДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Часть особенная.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Всеобще-историческое понятіе стр. 173. *Греческій законъ о владѣніи и собственности* стр. 176. *Римская собственность и владѣніе* стр. 180.

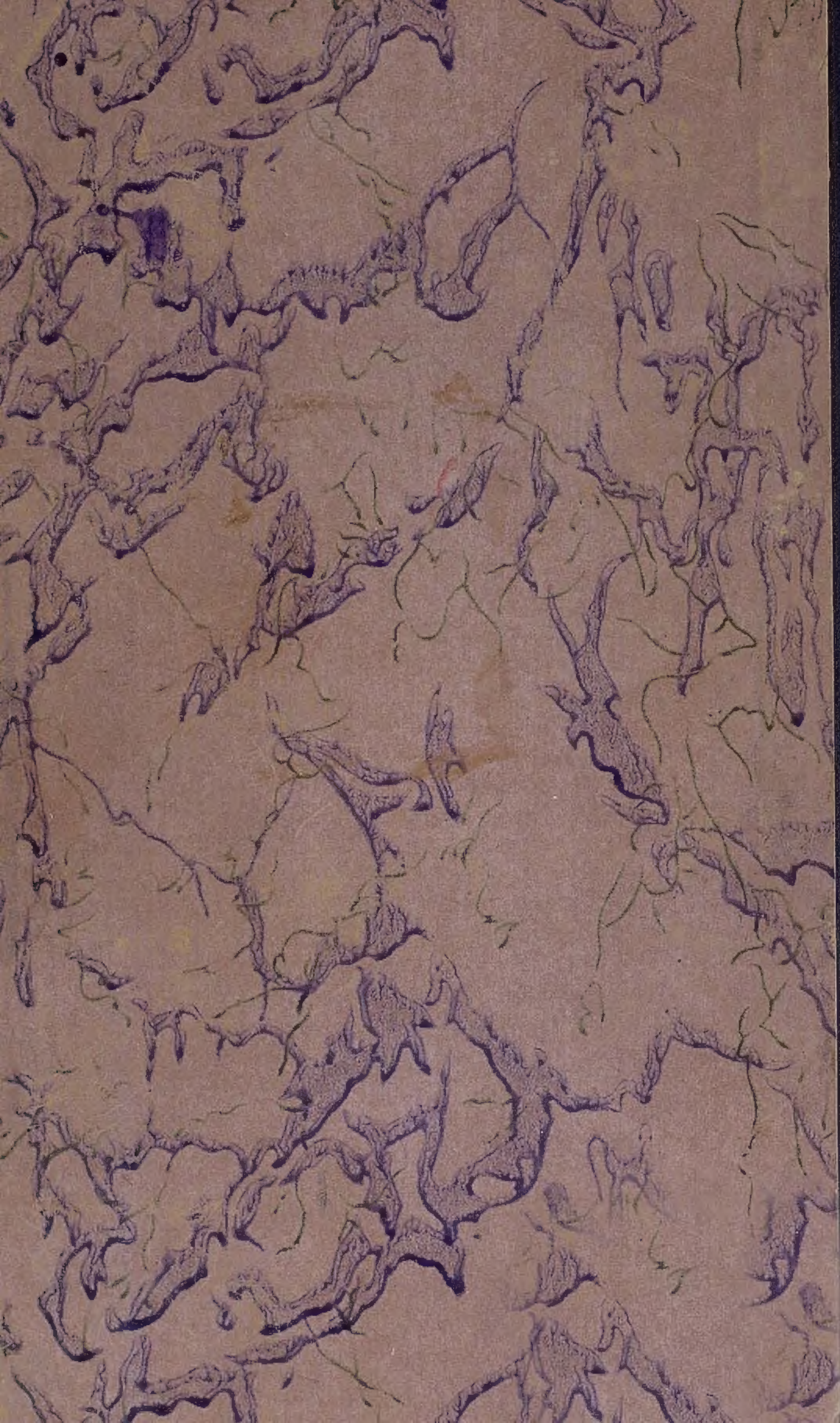
ГЛАВА ВТОРАЯ. Владѣніе и собственность у новыхъ Европейскихъ народовъ. *Аллодіальное и Феодальное владѣніе* стр. 184. *Церковное владѣніе* стр. 187. *Казенная Европейская собственность и владѣніе* стр. 190.

ГЛАВА ТРЕТІЯ. Россійское владѣніе. A. *Отчинное* стр. 191. B. *Домовое владѣніе Духовенства* стр. 194. C. *Помѣстное владѣніе* стр. 202. D. *Казенное владѣніе* стр. 210. E. *Заводское (поссессіонное) владѣніе.* стр. 214.

Положенія . . . . . стр. 219.

Примѣчанія . . . . . 221.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.		*Строк.*	*вмѣсто:*	*читай.*
VI		9	ϛτῖχοι	Στίχοι
84		3	Ярославской	Ярославовой
110	снизу	7	обрашили	обратило
119		13	третесъ	перетесъ

Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)